Эффектный и завораживающий, один из самых убедительных дебютов последнего времени.

Kirkus Reviews

КВАНТОВЫЙ ВОР

ХАННУ РАЙАНИЕМИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Квантовый вор» — дебютный роман Ханну Райаниеми, доктора наук в области теории струн. Это блистательный образец твердой научной фантастики, действие которого разворачивается в мире далекого будущего.

Жан ле Фламбер — преступник и авантюрист. Его происхождение окутано тайной, но слава о его дерзких выходках разнеслась по Солнечной системе. Однако никто не застрахован от ошибок, и в начале романа мы обнаруживаем героя в Тюрьме «Дилемма», в персональном аду бесконечных смертей и воскрешений, что, по замыслу тюремщиков, должно исправить его характер, привив любовь к взаимопомощи. Этот замкнутый круг прерывается появлением наемницы Миели и ее разумного корабля «Перхонен». Похитив Жана, они дают ему шанс вернуть свободу и былое могущество. В обмен на совершение одного очень непростого ограбления…

- Ханну Райаниеми
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Интерлюдия
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Интерлюдия
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Интерлюдия
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Интерлюдия
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Интерлюдия
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Интерлюдия
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая

- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Интерлюдия

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

Ханну Райаниеми
КВАНТОВЫЙ ВОР

…Наступает момент, когда за всем этим перестаешь видеть самого себя, — и тебе становится весьма грустно. Сейчас я испытываю те самые чувства, которые, должно быть, томили человека, потерявшего свою тень.

Морис Леблан. «Побег Арсена Люпена»[1]

Глава первая
Вор и дилемма заключенного

Как всегда, перед тем, как воинствующий разум и я начнем перестрелку, я пытаюсь завязать разговор:

— Тебе не кажется, что все тюрьмы похожи одна на другую?

Я даже не знаю, слышит ли он меня. У него нет видимых органов слуха, только глаза — сотни человеческих глаз на концах стеблей, растущих из его тела, словно это какие-то экзотические фрукты. Он парит по другую сторону светящейся линии, которая разделяет наши камеры. Огромный серебряный «кольт», зажатый в похожем на ветку манипуляторе, мог бы показаться смешным, если бы не стрелял в меня уже четырнадцать тысяч раз.

— Тюрьмы напоминают аэропорты, когда-то существовавшие на Земле. Там никому не нравится. Там никто не живет. Мы просто проходим через них.

У Тюрьмы сегодня стеклянные стены. Наверху сияет солнце, почти как настоящее, только бледнее. Вокруг меня во все стороны простираются миллионы камер со стеклянными стенами и стеклянными полами. Свет проходит сквозь прозрачные поверхности, и на полу появляются радужные блики. Кроме них в камере ничего нет, и на мне тоже ничего нет: я нагой, словно только что появившийся на свет младенец, правда, с оружием в руке. Иногда, если сумеешь выиграть, тебе позволяют кое-что изменить. Воин-разум добился успеха, и в его камере летают невесомые цветы — красные, фиолетовые и зеленые шарики, вырастающие из водяных пузырей и напоминающие его собственные карикатурные копии. Самовлюбленный ублюдок.

— Если бы у нас были уборные, двери открывались бы внутрь. Ничто не меняется.

Ладно, темы для разговора *у меня* заканчиваются.

Воин-разум медленно поднимает «кольт». По стеблям его глаз проходит легкая дрожь. Жаль, что у него нет лица: влажный взгляд целого леса его глаз действует мне на нервы. *Не важно. На этот раз все должно получиться.* Я слегка направляю дуло вверх, это движение и положение тела демонстрируют, что я не собираюсь стрелять. Каждый мой мускул взывает к *сотрудничеству. Ну же. Клюнь на это. Все честно. На этот раз мы должны стать друзьями…*

Ослепительная вспышка: черный зрачок его ствола извергает пламя. Мой указательный палец дергается. Дважды грохочет гром. И в мою голову вонзается пуля.

Невозможно привыкнуть к ощущению горячего металла, который проникает в твой череп и выходит через затылок. Все это имитировано до мельчайших деталей. Пылающий вихрь в голове, теплая струйка крови на плечах и спине, внезапный холод и, наконец, — темнота, когда все вокруг замирает. Архонты «Дилеммы» хотели, чтобы мы все это чувствовали. Это познавательно.

Тюрьма всецело посвящена воспитанию. А теория игр обучает принятию рациональных решений. Если ты бессмертный разум, как архонты, у тебя есть время для подобных вещей. И это вполне в духе Соборности — верховного органа, управляющего Внутренней Солнечной системой, — поставить архонтов во главе всех тюрем.

Мы снова и снова играем в одну и ту же игру, только в разных вариантах. Архитипичная игра, любимая экономистами и математиками. Порой это испытание на выдержку: мы на огромной скорости мчимся навстречу друг другу по бесконечной автостраде и решаем, стоит ли свернуть в самый последний момент. Иногда мы солдаты в окопах, и нас разделяет полоса ничейной земли. А временами архонты возвращают нас к истокам, и снова превращают в заключенных — старомодных заключенных на допросе у суровых следователей, где нам предстоит сделать выбор между предательством и молчанием. Сегодня у нас в руках оружие. Что будет завтра, я даже не пытаюсь угадать.

Я резко пробуждаюсь к жизни. Отчаянно моргаю, мысли путаются. Каждый раз, когда мы возвращаемся, архонты немного изменяют нервную систему. Они уверены, что в конце концов каждый заключенный на оселке Дарвина дойдет до состояния сотрудничества.

Если в меня стреляют, а я нет, — это проигрыш. Если мы стреляем оба — боль незначительная. Если мы сумеем договориться, для нас обоих наступит Рождество. Но всегда есть искушение нажать на курок. Согласно теории, бесконечно повторяющиеся встречи должны выработать склонность к сотрудничеству.

Еще несколько миллионов раундов, и я стану бойскаутом.

Точно.

В последней игре я заработал боль в костях. Мы оба пострадали — и воин-разум, и я. В этом раунде еще две игры. *Этого недостаточно. Проклятье.*

В игре против соседей ты завоевываешь территорию. Если в конце раунда твой счет выше, чем у других, ты выигрываешь и в награду получаешь собственных двойников, которые заменяют —

и стирают — находящихся поблизости неудачников. Сегодня мне не слишком везет: только два двойных поражения, оба в игре против воина-разума, и, если положение не изменится, мне грозит настоящее забвение.

Я взвешиваю свои шансы. Две камеры рядом со мной — слева и сзади — занимают двойники воина-разума. В камере справа сидит женщина, и как только я поворачиваю голову в ее сторону, стена между нами исчезает, уступая место голубой черте смерти.

Ее камера так же пуста, как и моя. Женщина сидит в центре, обхватив руками колени, закрытые черным, похожим на тогу платьем. Я смотрю на нее с любопытством: я никогда не видел ее прежде. У женщины смуглая кожа, которая наводит на мысли об Оорте, миндалевидное азиатское лицо и стройное, сильное тело. Я улыбаюсь и машу рукой. Она не обращает внимания. Тюрьма, видимо, рассматривает это как взаимную готовность к сотрудничеству: я чувствую, что мой счет немного подрастает, что дает ощущение теплоты, словно глоток виски. Стеклянная стена между нами возвращается на место. *Ладно, это было совсем просто.* Но против воина-разума этого недостаточно.

— Эй, неудачник, — слышится чей-то голос. — Ты ее не интересуешь. Вокруг есть более привлекательные варианты.

В четвертой камере сидит мой двойник. На нем белая тенниска, шорты и огромные зеркальные солнцезащитные очки. Он лежит в шезлонге у края бассейна, на коленях книга «Хрустальная пробка».[2] Это одна из моих любимых книг.

— Победил опять не ты, — произносит он, даже не потрудившись поднять голову. — Опять. Что с тобой случилось? Три проигрыша подряд? Пора бы уже усвоить, что он придерживается тактики «зуб за зуб».

— В этот раз я *почти* одолел его.

— Идея о ложном сотрудничестве была неплохой, — соглашается он. — Вот только она ни за что не сработает. У воинов-разумов нестандартные затылочные доли мозга, непоследовательный дорсальный зрительный путь. Их невозможно обмануть визуальными иллюзиями. Жаль, что архонты не начисляют баллов за попытку.

Я изумленно моргаю:

— Постой-ка. Как ты можешь знать то, чего не знаю я?

— Неужели ты считаешь, что ты здесь *единственный* Фламбер?[3] В любом случае, чтобы обойти война-разума, тебе требуется еще десять очков, так что подойди сюда, и я попробую тебе помочь.

— Ну выкладывай, умник.

Я приближаюсь к голубой линии и впервые за этот раунд

вздыхаю свободно. Мой двойник поднимается, и из-под книги появляется блестящий пистолет.

Я наставляю на него указательный палец.

— Пух-пух, — говорю я. — Готов сотрудничать.

— Очень смешно, — отвечает он и, усмехаясь, поднимает оружие.

Отражаясь в его очках, я выгляжу маленьким и голым.

— Эй, эй! Мы ведь с тобой заодно, не так ли?

И мне еще казалось, что я обладаю чувством юмора.

— Разве все мы здесь не игроки и мошенники?

В голове что-то щелкает. Обаятельная улыбка, уютная камера, успокаивающие разговоры, сходство со мной самим, но все-таки не полное…

— Вот дерьмо!

В каждой тюрьме есть свои слухи и свои страшилки, и наша не исключение. Я узнал об этом от одного зоку,[4] с которым какое-то время сотрудничал. Легенда об аномалии. Абсолютный Предатель. *Существо,* которое *никогда* ни с кем не сотрудничает — и остается безнаказанным. Этот тип обнаружил глюк в системе и всегда оказывается *твоим* двойником. А если нельзя доверять самому себе, кому же тогда верить?

— Да, — говорит Абсолютный Предатель и нажимает на курок.

По крайней мере, это не воин-разум, успеваю подумать я перед тем, как раздается оглушительный грохот.

То, что происходит потом, не поддается никакой логике.

Во сне Миели[5] ест персик на Венере. Мякоть сочная, сладкая, с легкой горчинкой. Изысканное дополнение к вкусу Сюдян.[6]

— Ты дрянь, — тяжело дыша, говорит она.

Они уединились в сфере из ку-точек в четырнадцати километрах над кратером Клеопатра. В отвесной пропасти гор Максвелла это их маленький островок жизни, где пахнет потом и сексом. Снаружи бушуют вихри серной кислоты. Янтарный свет, просачивающийся сквозь адамантовую псевдоматерию оболочки, придает коже Сюдян медный оттенок. Ее ладонь покоится на холмике Венеры Миели, над еще влажным влагалищем.

— Что я такого сделала?

— Много чего. Этому тебя научили в *губернии?*

На лице Сюдян вспыхивает улыбка эльфа, в уголках глаз появляются едва заметные тонкие морщинки.

— На самом деле у меня давно уже не было ничего такого.

— Ты моя прелесть.

— А это что? Очень мило.

Свободной рукой Сюдян обводит серебристый контур бабочки, вытатуированной на груди Миели.

— Не трогай, — просит Миели.

Внезапно ей становится холодно.

Сюдян отдергивает руку и гладит Миели по щеке.

— Что случилось?

Мякоть персика съедена, осталась только одна косточка. Прежде чем выплюнуть, Миели перекатывает ее во рту. Маленький твердый предмет, испещренный воспоминаниями.

— Тебя здесь нет. Ты не настоящая. Ты просто помогаешь мне сохранить рассудок в Тюрьме.

— И как, действует?

Миели притягивает ее к себе, целует в шею, слизывает капельки пота.

— Не совсем так. Я не хочу уходить.

— Ты всегда была сильнее меня, — говорит Сюдян. Она ласково перебирает волосы Миели. — Но уже почти пора.

Миели прижимается к знакомому телу, так что украшенная драгоценными камнями змея на ноге Сюдян причиняет ей боль.

Миели.

Голос Пеллегрини проносится в ее голове дуновением холодного ветра.

— Еще немного…

Миели!

Перемещение — сложный и болезненный процесс, как будто с размаху пытаешься раскусить персиковую косточку: твердое ядро реальности едва не ломает Миели зубы. Тюремная камера, бледный искусственный свет. Стеклянная стена, за которой разговаривают два вора.

Миссия. Долгие месяцы подготовки и реализации. Внезапно сознание полностью проясняется, и в ее голове всплывает план операции.

Не стоило позволять тебе вспоминать все это, слышится в ее голове голос Пеллегрини. *Мы чуть не опоздали. А теперь выпусти меня, здесь слишком тесно.*

Миели выплевывает косточку в стеклянную стену, и преграда рассыпается на осколки.

В первый момент время замедляет ход.

Пуля вызывает в голове холодную боль, словно череп наполнили мороженым. Я падаю, но падение приостанавливается. Абсолютный Предатель превращается в статую с поднятым оружием в руке.

Справа от меня вдребезги разлетается стеклянная стена. Осколки парят вокруг меня, поблескивая на солнце, — настоящая стеклянная галактика.

Женщина из соседней камеры торопливо идет в мою сторону. В ее походке ощущается целенаправленность, словно после долгих репетиций. Как у актера, услышавшего условную реплику.

Женщина осматривает меня с головы до ног. У нее коротко остриженные темные волосы и шрам на левой скуле — геометрически прямая черная линия на загорелой коже. И светло-зеленые глаза.

— У тебя сегодня счастливый день, — говорит она. — Тебе предстоит кое-что украсть.

Она протягивает мне руку.

Боль в голове усиливается. Галактика из стекла приобретает очертания знакомого лица. Я улыбаюсь. *Конечно. Это сон умирания. Какой-то сбой в системе, такое иногда случается. Разгромленная тюрьма. Двери в туалет. Ничего не меняется.*

— Нет, — отвечаю я.

Женщина из сна моргает.

— Я Жан ле Фламбер, — продолжаю я. — Я краду то, что захочу, и когда захочу. Я покину это место, когда сам решу это сделать, и ни секундой раньше. По правде говоря, мне здесь нравится…

Мир вокруг меня становится ярко-белым от боли, и я больше ничего не вижу. Я смеюсь.

Где-то в моем сне кто-то смеется вместе со мной. *Мой Жан,* произносит второй, очень знакомый мне голос. *Ну конечно. Мы берем этого.*

Стеклянная рука гладит меня по щеке, и в этот момент мой моделированный мозг решает, что пора умереть.

Миели держит на руках мертвого вора: он ничего не весит. Пеллегрини выплывает из персиковой косточки и превращается в высокую женщину в белом платье, с бриллиантами на шее и тщательно уложенными локонами, отливающими красноватым золотом. Она кажется одновременно юной и старой.

Так-то лучше, говорит она. *В твоей голове слишком мало места.* Она широко раскидывает руки. *А теперь пора вытаскивать тебя отсюда, пока детишки моего брата ничего не заметили. Мне еще надо здесь кое-что сделать.*

Миели ощущает в себе нарастающую силу и взлетает. Она поднимается все выше и выше, ветер бьет в лицо, и на какое-то мгновение ей кажется, что она возвращается в домик своей бабушки Брихан и снова обретает крылья. Тюрьма быстро

превращается в сетку из крошечных квадратиков далеко внизу. Квадратики меняют цвет наподобие пикселей, образуя неимоверно сложные узоры из сотрудничества и предательства…

И за миг до того, как Миели и вор скрываются в небе, Тюрьма принимает вид улыбающегося лица Пеллегрини.

Умирать это все равно, что идти по *пустыне и думать о предстоящей краже. Мальчишка лежит на горячем песке под палящим солнцем и смотрит на робота у края площадки, заставленной солнечными батареями. Робот похож на краба камуфляжной расцветки, на пластиковую игрушку, но внутри него ценные вещи, за которые Одноглазый Ийя даст хорошую цену. И возможно, — только возможно, — Тафалкай снова назовет его сыном, как будто он член семьи…*

Он никогда не хотел умереть в *тюрьме, этом грязном нагромождении бетона и металла, полном отвратительных запахов. Разбитая губа болит. Он читает книгу о человеке, похожем на бога. О человеке, который делает все, что хочет, который похищает тайны королей и императоров, который смеется над законами и может изменить свое лицо и получить драгоценности и женщин, стоит ему только протянуть руку. О человеке, имя которого совпадает с названием цветка.*

Мне ненавистно сознавать, что они тебя схватили.

грубым рывком его поднимают с песка. Солдат наотмашь бьет по лицу, а остальные нацеливают на него винтовки…

Это совсем не так забавно, как

кража из алмазного разума. Бог воров прячется внутри мыслящей пыли, объединенной в единое целое квантовой сцепленностью. Он выдает алмазному разуму ложь за ложью, пока тот не начинает принимать его за одну из своих мыслей и не пропускает внутрь.

Множество людей создали великолепные сверкающие миры как будто специально для него, и ему стоит только протянуть руку, чтобы собрать их.

Это все равно что умирать. А оживление похоже на

поворачивающийся в замке ключ. Металлические засовы отодвигаются. Входит богиня и объявляет, что он свободен.

рождение.

Страницы книги переворачиваются.

Глубокий вдох. Все болит. В глазах двоится. Я прикрываю лицо огромными ладонями. Прикосновение вызывает вспышку молнии. Мышцы словно сеть стальных кабелей. Нос забит слизью. В животе пылающая дыра.

Сосредоточиваюсь. Шум в ушах я представляю в виде скалы

— вроде тех, что стоят на равнине Аргир,[7] — громоздкой и гладкой. Я мысленно падаю в тонкое сито, просачиваюсь сквозь него мелким красным песком. Скала не может за мной последовать.

Внезапно снова становится тихо. Я прислушиваюсь к своему пульсу. Он почему-то невероятно ровный: каждый удар словно тиканье самого точного механизма.

Чувствуется слабый запах цветов. Дуновение ветра шевелит волосы на руках и других местах — я все еще обнажен. Невесомость. Неслышное, но ощутимое присутствие интеллектуальной материи. И другого человеческого существа где-то неподалеку.

Что-то щекочет мне нос. Я отмахиваюсь и открываю глаза. Белая бабочка исчезает в ярком свете.

Моргаю. Я на борту корабля — по первому впечатлению, это оортианский паучий корабль — в цилиндрическом помещении около десяти метров длиной и пяти метров в диаметре. Стены прозрачные, цвета грязноватого кометного льда. Внутри них заключены странные изваяния. Снаружи звездная тьма. Бонсай и многоугольные предметы мебели медленно движутся вокруг центральной оси цилиндра. И повсюду порхают белые мотыльки.

Моя спасительница парит неподалеку. Я улыбаюсь ей.

— Юная леди, — говорю я, — вы самое прекрасное, что я когда-либо видел.

Мой голос звучит как будто издалека, но это мой голос. Интересно, правильно ли мне восстановили лицо?

Вблизи незнакомка выглядит невероятно молодой, совсем юной: в ее ясных зеленых глазах нет скуки все познавшего человека. Она осталась в той же простой одежде, в которой была в Тюрьме. Ее поза обманчиво расслабленная: гладкие стройные ноги свободно вытянуты, но в любую минуту готовы к движению, как у опытного бойца. Цепочка из разноцветных драгоценных камней обвивает ее лодыжку и тянется вверх по ноге.

— Прими мои поздравления, вор, — произносит она. Низкий голос звучит ровно, но в нем угадываются презрительные нотки. — Побег удался.

— Надеюсь, что так. Насколько мне известно, все это может оказаться одной из новых игр «Дилеммы». До сих пор архонты вели себя достаточно последовательно, но трудно не стать параноиком, если ты *действительно* попал к ним в виртуальный ад.

Между ног у меня что-то дрогнуло — по крайней мере, здесь все в порядке.

— Извини. Я столько времени провел в заточении, — говорю

я, изучая свою возбужденную плоть с отстраненным интересом.

— Я вижу, — нахмурившись, отвечает она.

На ее лице появляется странное выражение — смесь раздражения и возбуждения — и я понимаю, что она, должно быть, прислушивается к биотической связи и отчасти ощущает то же, что и я. Значит, еще один надзиратель.

— Можешь мне поверить, ты выбрался оттуда. И это потребовало значительных затрат. В Тюрьме, безусловно, еще остается несколько миллионов тебя, так что можешь считать себя счастливчиком.

Я хватаюсь рукой за поручень на центральной оси и передвигаюсь за один из бонсаев, скрывая свою наготу подобно Адаму. Из-под листьев вылетает целое облако бабочек. Движение кажется таким странным: мышцы моего нового тела еще только пробуждаются.

— Юная леди, у меня есть имя. — Я протягиваю ей руку поверх дерева. Она нерешительно пожимает ее. Я отвечаю самым крепким рукопожатием, на какое способен. Выражение ее лица не меняется. — Жан ле Фламбер к вашим услугам. Хотя ты абсолютно права. — Я беру в руку цепочку на ее ноге. Она извивается в пальцах, как живая. Змея из драгоценных камней. — Я вор.

Ее глаза широко раскрываются. Шрам на щеке чернеет. И я внезапно оказываюсь в преисподней.

Я бесплотная точка в темноте, я неспособен думать. Мой разум зажат в тиски. Что-то *сдавливает* меня со всех сторон, не пропуская ни мыслей, ни воспоминаний, ни ощущений. Это в тысячу раз хуже, чем пребывание в Тюрьме. И длится целую вечность.

А потом я возвращаюсь, тяжело дыша, с болью в животе, и вокруг летают сгустки желчи. Но я бесконечно благодарен за каждое ощущение.

— Никогда больше не смей так делать, — резко произносит она. — Твой разум и тело предоставлены тебе на время, понятно? Укради то, что тебе скажут, и тебе позволят все это сохранить.

Драгоценная цепь по-прежнему обвивает ее лодыжку. На щеке подергивается мускул.

По опыту пребывания в Тюрьме я знаю, что лучше заткнуться и прекратить пререкания, но человек-цветок, живущий во мне, должен высказаться, и я не в силах его остановить.

— Слишком поздно, — говорю я, еще не отдышавшись.

— Что?

Морщинка, появившаяся на ее гладком лбу, по-своему прекрасна — словно мазок кисти.

— Я исправился. Вы вытащили меня слишком поздно. Теперь, мадемуазель, я законченный альтруист, существо, исполненное доброжелательности и любви к ближнему. Я даже подумать не могу о том, чтобы принять участие в каком-то противозаконном деле, даже ради моей прекрасной спасительницы.

Она пристально смотрит мне в лицо.

— Очень хорошо.

— Очень хорошо?

— Если ты мне не подходишь, придется вернуться и взять кого-нибудь другого. «Перхонен»,[8] заключи его, пожалуйста, в сферу и выброси наружу.

Несколько мгновений мы молча смотрим друг на друга. Я чувствую себя глупцом. Я слишком долго метался между предательством и сотрудничеством. Пора выбираться из этой ловушки. Я первым отвожу взгляд.

— Подожди, — медленно произношу я. — Теперь, когда ты об этом заговорила, мне кажется, что я, возможно, сумею восстановить некоторые корыстные побуждения. Я уже чувствую, как они возвращаются.

— Я так и думала, что они вернутся, — отвечает она. — В конце концов, ты считался неисправимым.

— Итак, что же дальше?

— Скоро узнаешь, — обещает она. — Меня зовут Миели. Это «Перхонен», мой корабль. — Она делает широкий жест. — Пока ты находишься здесь, мы — твои боги.

— Куутар и Ильматар?[9] — спрашиваю я, называя оортианских богов.

— Может быть. Или Человек Тьмы, если хочешь.

Она улыбается. Вспоминая о том месте, куда она только что отправила меня, я вижу в ней мрачного оортианского бога бездны.

— «Перхонен» покажет тебе твою каюту.

Вор уходит, и Миели опускается в кресло пилота. Она чувствует себя измотанной, хотя биотическая связь — которая вместе с «Перхонен» ждала ее несколько месяцев — сигнализирует, что она прекрасно отдохнула. Но душевный разлад намного хуже обычной усталости.

В Тюрьме была я? Или кто-то другой?

Она вспоминает долгие недели подготовки, дни, проведенные в квантовом скафандре, замедляющем время, готовность совершить преступление только ради того, чтобы быть схваченной архонтами и попасть в Тюрьму. Целую вечность в камере, в полусне давних воспоминаний. А затем стремительный

побег по небу с помощью Пеллегрини, пробуждение в новом теле, дрожь и слабость.

И все ради вора.

А теперь еще и квантовая связь, соединяющая ее с телом, которое создала для вора Пеллегрини, постоянное чтение его мыслей. Словно лежишь рядом с незнакомцем и ощущаешь, как тот ворочается во сне. Богиня Соборности наверняка доведет ее до сумасшествия.

Он прикоснулся к камням Сюдян. Гнев помогает, но не надолго. *Нет, дело не только в нем, но и в ней.*

— Я отделалась от вора, — заявляет «Перхонен».

Этот теплый голос в ее голове, по крайней мере, принадлежит *ей,* а не имитирован Тюрьмой. Миели берет в ладони одну из бабочек, и трепещущие крылышки щекочут ей кожу, словно в руках бьется пульс.

— Ощущаешь влюбленность? — насмешливо спрашивает корабль.

— Нет, — отвечает Миели. — Я просто скучала по тебе.

— Я тоже, — признается корабль.

Бабочка вылетает из ее рук и вьется над головой.

— Это было ужасно: оставаться в одиночестве и ждать тебя.

— Я знаю, — говорит Миели. — Прости.

Внезапно у нее возникает какое-то тревожное ощущение. Какой-то разрыв в мыслях, словно что-то было вырезано, а затем вставлено заново. *Вернулась ли я из Тюрьмы прежней?* Миели знает, что могла бы обратиться к метамозгу Соборности, попросить выделить это ощущение, локализовать и удалить. Но это недостойно воина Оорта.

— Ты плохо себя чувствуешь. Нельзя было тебя туда отпускать, — сожалеет «Перхонен». — Это не пошло тебе на пользу. Она не должна была заставлять тебя это делать.

— Ш-ш-ш, — предостерегает Миели. — Она услышит.

Но уже поздно.

Глупый корабль, говорит Пеллегрини. *Тебе следовало бы усвоить, что я всегда забочусь о своих детях.*

Пеллегрини уже здесь, она парит над Миели.

Непослушная девочка, продолжает она. *Ты не воспользовалась моими дарами. Дай-ка, я посмотрю.*

Она грациозно опускается рядом с Миели, скрестив ноги, словно под действием земной силы тяжести. Затем прикасается к щеке Миели и пристально смотрит своими карими глазами в ее глаза. У Пеллегрини теплые пальцы, только одно из ее колец остается холодной черточкой, как раз на том месте, где находится шрам. Миели вдыхает запах ее духов. В голове что-то

поворачивается, шестеренки механизма сдвигаются и со щелчком встают на свои места. Внезапно ее мысли становятся гладкими, словно шелк.

Ну, так лучше? Когда-нибудь ты поймешь, что наши методы работают. Не стоит гадать, кто есть кто, надо понять, что все это ты.

Тревога угасает, как огонь под потоком холодной воды. От неожиданного облегчения Миели едва сдерживает слезы. Она готова расплакаться, но только не перед *ней.* Поэтому она просто открывает глаза и ждет, готовая повиноваться.

Ни слова благодарности? Очень хорошо.

Пеллегрини открывает свою сумочку, достает маленький белый цилиндр и подносит ко рту. Один конец цилиндра загорается и выпускает дурно пахнущий дым.

Итак, скажи мне: что ты думаешь о моем воре?

— Судить — не мое дело, — тихо произносит Миели. — Я живу, чтобы служить.

Хороший ответ, хотя и немного скучный. Разве вор не хорош? Ну же, отвечай начистоту. Неужели ты будешь тосковать по своей малышке-любовнице рядом с таким, как он?

— Он нам нужен? Я могу это сделать. Позволь мне служить, как я служила прежде…

Безупречно красивые губы Пеллегрини изгибаются в улыбке.

Не в этот раз. Ты хоть и не самая могущественная из моих слуг, зато самая преданная. Слушайся меня, и твоя вера будет вознаграждена.

После этого она исчезает, а Миели остается одна в кресле пилота, и вокруг ее головы порхают бабочки.

Моя каюта не намного просторнее стенного шкафа. Я пытаюсь проглотить протеиновый молочный коктейль из фабрикатора, прикрепленного к стене, но мое новое тело еще не приспособилось усваивать пищу. Пришлось некоторое время провести на вакуумном унитазе — автономно работающем контейнере, который выскакивает из стены и прикрепляется к заднице. Похоже, оортианские корабли не отличаются высоким комфортом.

Одна из закругляющихся стен имеет зеркальное покрытие, и во время унизительной, но необходимой процедуры я рассматриваю свое лицо. Оно выглядит *неправильно.* Теоретически все повторено в точности: губы, глаза Петера Лорре[10] (как сказала одна из моих подружек сто лет назад), впалые виски, короткие волосы, слегка седеющие и редкие, привычная стрижка; худощавое, ничем не примечательное тело в

приличном состоянии, волосы на груди. Но, глядя на него, я не перестаю моргать, словно изображение не в фокусе.

Что еще хуже, тоже самое происходит и в голове. Пытаясь что-то вспомнить, я словно ощущаю языком дырку на месте выпавшего зуба.

Как будто что-то *украдено.* Смешно.

Я стараюсь отвлечься и выглядываю наружу. Стена каюты обладает достаточным увеличением, чтобы рассмотреть вдали Тюрьму «Дилемма». Это сверкающий тор диаметром почти тысяча километров, но отсюда он выглядит блестящим прищуренным глазом, который уставился прямо на меня. Я невольно сглатываю слюну и отвожу взгляд.

— Рад оказаться снаружи? — раздается голос корабля.

Голос определенно женский, почти как у Миели, только моложе. С обладательницей такого голоса я не отказался бы встретиться в более приятной обстановке.

— Ты себе даже не можешь представить, как я рад. Это не слишком приятное место. — Я вздыхаю. — Я бесконечно благодарен твоему капитану, хоть она и явилась в самый последний момент.

— Послушай, — говорит «Перхонен». — Ты же не знаешь, через что ей пришлось пройти, чтобы вытащить тебя. Я с тебя глаз не спущу.

Интересное замечание, стоит его запомнить. Как же ей *удалось* меня вытащить? И на кого она работает? Но для этих вопросов еще рановато, и я просто улыбаюсь.

— Ладно, какую бы работу она для меня ни придумала, это лучше, чем каждый час получать пулю в голову. А твой босс не будет недоволен, узнав, что ты со мной разговариваешь? Я имею в виду беседу с опасным преступником и все такое.

— Думаю, я сумею с тобой справиться. Кроме того, строго говоря, она не мой *босс.*

— Вот как?

Я старомоден, но сексуальные отношения между людьми и гоголами всегда волновали меня в юности, а от старых привычек трудно избавиться.

— Ничего *подобного,* — возражает корабль. — Мы просто друзья! Кроме того, она меня создала. Ну, не меня, а корабль. Знаешь, я намного старше, чем кажется.

Мне становится интересно, настоящий ли у нее акцент.

— Я слышала о тебе. Давно. До Коллапса.

— И как, тебе понравилось то, что ты слышала?

— Мне понравилось похищение солнечного подъемника. Классный угон.

— Классный, — соглашаюсь я. — Именно к этому я всегда и стремился. Кстати говоря, ты выглядишь не старше трехсот лет.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Гм. Судя по тому, что я успел увидеть, это так.

— Хочешь, я проведу тебя по кораблю? Миели не будет возражать, она сейчас занята.

— С удовольствием.

Это определенно женщина. Возможно, Тюрьма не полностью лишила меня шарма.

Внезапно я чувствую настоятельную потребность одеться: разговаривая с существом женского пола, не прикрывшись даже фиговым листком, я ощущаю себя излишне уязвимым.

— Похоже, у нас будет масса времени познакомиться поближе. Но, может быть, ты для начала снабдишь меня какой-нибудь одеждой?

И «Перхонен» создает для меня костюм. Ткань слишком гладкая — я не люблю носить вещи из интеллектуальной материи — но когда я вижу себя в белой рубашке, черных брюках и темно-бордовом пиджаке, ощущение скованности немного отпускает.

Затем она показывает мне спаймскейп, и мир внезапно возникает передо мной в новом свете. Я шагаю туда, покинув свое тело, мой взгляд перемещается в космос, и я вижу корабль со стороны.

Я был прав: это оортианский паучий корабль. Он состоит из отдельных модулей, связанных между собой нановолокнами, причем жилые отсеки вращаются вокруг центральной оси, словно кабинки карусели в луна-парке, что создает некоторое подобие гравитации. Связующие волокна образуют сеть, по которой модули могут перемещаться, как пауки в паутине. Паруса из квантовых частиц — концентрические кольца, сделанные из искусственных атомов и тонкие, словно мыльные пузыри, — расходятся вокруг корабля на несколько километров. Они с одинаковой легкостью способны улавливать солнечный свет, информационные мезочастицы и лучи маяков Магистрали, а кроме того, представляют собой потрясающее зрелище.

Затем я украдкой бросаю взгляд на собственное тело и испытываю при этом *настоящее* потрясение. Взгляд из спаймскейпа позволяет разглядеть все детали. Сеть ку-точек под кожей, протеомические компьютеры в каждой клетке, плотный компьютрониум в костях. Подобная система могла быть создана только в близких к Солнцу мирах-*губерниях*. Выходит, что мои спасители работают на Соборность. Интересно.

— Я думала, ты хочешь познакомиться со *мной,* — обиженно говорит «Перхонен».

— Конечно, — отвечаю я. — Просто желал убедиться, что выгляжу подобающим образом. Знаешь, в Тюрьме я совсем отвык от женского общества.

— Кстати, а почему ты там оказался?

Удивительно, но до сих пор я об этом даже не задумывался. Я был слишком занят оружием, предательством и сотрудничеством.

Почему же я попал в Тюрьму?

— Хорошенькой девушке вроде тебя не стоит беспокоиться о подобных вещах.

«Перхонен» вздыхает.

— Наверное, ты прав. Наверное, не стоило мне с тобой разговаривать. Если Миели об этом узнает, она может огорчиться. Но у нас на борту так давно не было никого *интересного*.

— Да, в такой местности трудно рассчитывать на приличных соседей. — Я указываю на звездные поля вокруг. — Где мы находимся?

— Это Троянские астероиды Нептуна. Задрипанная дыра в пустоте. Когда Миели отправилась тебя вытаскивать, я долгое время ждала здесь ее возвращения.

— Тебе необходимо поближе познакомиться с жизнью преступников. Она вся сплошь состоит из ожидания. Скука, перемежающаяся вспышками откровенного ужаса. Некоторое подобие войны.

— О, на войне было гораздо лучше! — взволнованно восклицает «Перхонен». — Мы участвовали в Протокольной войне. Мне понравилось. Приходится так *быстро* думать. Знаешь, мы проделывали удивительные вещи, даже украли спутник Юпитера. Это было потрясающе. Метиду, как раз перед Вспышкой. Миели установила внутри странгелетовый заряд, чтобы столкнуть ее с орбиты. Какой был фейерверк, ты не поверишь…

«Перхонен» внезапно замолкает. Возможно, она испугалась, что сболтнула лишнее? Но нет: что-то отвлекло ее внимание.

Сквозь паутину парусов корабля и векторы спаймскейпа среди меток далеких поселений виднеется россыпь ослепительно ярких шестиконечных звезд. Я увеличиваю степень приближения. Острые и вытянутые, словно клыки, силуэты темных кораблей с семью профилями на носовой части — профилями, которые украшают каждое здание Соборности, лица Основателей, богов-королей триллионов подданных. Когда-то я выпивал с ними.

Приближаются архонты.

— Не знаю, что ты такого сделал, — говорит «Перхонен», — но, похоже, они хотят заполучить тебя обратно.

Глава вторая
Вор и архонты

Что же я сделала неправильно?

Сердце Миели тревожно бьется. *В Тюрьме что-то пошло не так. Но все было так же, как и во время имитаций. Почему же они нас преследуют?* Она погружается в боевую сосредоточенность — способность, которой наделила ее Пеллегрини. Возникает ощущение прохладного покрывала, и мир распадается на векторы и гравитационные колодцы. Мысли Миели объединяются с логикой «Перхонен» и заметно ускоряются.

Объекты: «Перхонен».

Рассеянные в пространстве Троянские астероиды, вращающиеся вокруг 2006RJ103 — двухсоткилометрового обломка скалы, населенного медленномыслящими представителями синтетической жизни.

Тюрьма, плотный, темный и холодный тор в тридцати световых секундах позади, отправная точка маршрута «Перхонен».

Корабли-клинки архонтов, приближающиеся с ускорением 0,5g, что намного превосходит плавную тягу световых парусов «Перхонен». Факелы, выбрасываемые их работающими на антиматерии двигателями, в спаймскейпе превращаются в огненные столбы рассеянных мезонов и гамма-лучей.

Магистраль в двадцати световых секундах по курсу — их следующий пункт назначения. Одна из немногих неизменно идеальных плоскостей в Солнечной системе, в ньютоновском кошмаре N-тел, гравитационная артерия, позволяющая легко и быстро перемещаться посредством легчайших толчков. Спасительное убежище, но оно слишком далеко.

— Ну ладно, — выдыхает Миели. — Боевая тревога.

Под оортианским сапфирово-коралловым корпусом пробуждается скрытая технология Соборности. Паучий корабль трансформируется. Разбросанные модули скользят вдоль своих направляющих и соединяются в плотный тугой конус.

Квантовые паруса из превосходных отражателей превращаются в алмазно-прочный защитный барьер.

Как раз вовремя, перед самым ударом наноракет архонтов.

Первый залп вызывает лишь легкие толчки, не причиняющие никакого вреда. Но следующая партия оптимизирует прицел, а за ней последует еще одна, и еще, пока не разрушится либо программный блок, либо сама конструкция защитного барьера. И тогда…

Нам необходимо добраться до Магистрали.

Программа в голове Миели, словно алмазными зубцами, высекает возможные направления. Перед ней так же много путей, как толкований оортианской песни, но нужно выбрать только один…

Еще один залп сверкает в спаймскейпе бесчисленными иглами света. На этот раз некоторые из них пробивают барьер. Один из грузовых модулей расцветает уродливым сапфировым наростом. Миели спокойно удаляет его и наблюдает, как отсек, все еще меняясь, словно злокачественная опухоль, отдаляется от корабля, формируя странные органы, которые стреляют в щит «Перхонен» спорами размером с молекулу. В конце концов модуль сгорает в лучах противометеоритных лазеров.

— Это больно, — говорит «Перхонен».

— Боюсь, эту боль придется испытать еще не единожды.

Миели за раз сжигает весь аварийный запас антиматерии, поворачивая корабль в неглубокий гравитационный колодец 2006RJ103. Антипротоны из магнитного кольца-хранилища превращаются в раскаленные выбросы плазмы, вызывая стоны «Перхонен». Часть высвободившейся энергии Миели направляет на подкачку мощности программируемых стержней, вырабатывающих материал корпуса. Архонты легко повторяют ее маневр, приближаются и снова стреляют.

Вокруг Миели раздаются стоны «Перхонен», но состояние сосредоточенности заставляет заниматься первоочередными задачами. Она усилием мысли заменяет странгелетовый снаряд в крохотном арсенале «Перхонен» торпедой на квантовых частицах и стреляет в астероид.

Спаймскейп на мгновение заливает ослепительная вспышка гамма-лучей и экзотических барионов. А затем каменная глыба превращается в фонтан света, в негаснущую молнию. Прибор пытается приспособиться, но срывается на белый шум и гаснет. Миели, вынужденная лететь вслепую, снова разворачивает крылья «Перхонен». Вихрь частиц, образовавшийся при гибели астероида, подхватывает корабль и несет их к Магистрали. Внезапное ускорение наполняет тяжестью тело Миели, а сапфировая структура корабля начинает петь.

Спаймскейпу требуется лишь мгновение, чтобы справиться с безумными помехами потоков частиц. Миели задерживает дыхание: в медленно расползающемся светящемся облаке позади них не видно хищных черных кораблей. Или они утонули в вихре взрыва, или потеряли свою цель в безумии субатомных потоков. Миели выходит из состояния боевой сосредоточенности и позволяет себе насладиться триумфом.

— Мы сделали это, — говорит она.

— Миели? Мне нехорошо.

На корпусе корабля расплывается черное пятно, в центре которого торчит крошечный черный осколок, темный и холодный. Осколок наноракеты архонтов.

— Избавься от него.

Страх и отвращение после погружения в боевую сосредоточенность вызывают во рту резкий и противный привкус желчи.

— Я не могу. Я не могу даже прикоснуться к нему. От него пахнет Тюрьмой.

Миели со страстной мольбой обращается к той части разума, к которой прикоснулась богиня Соборности. Но Пеллегрини не отвечает.

Корабль вокруг меня умирает.

Я не знаю, что сделала Миели, однако, судя по вспышке миниатюрной сверхновой, озарившей космос несколько минут назад, она победила в этой битве. Но теперь по сапфировым стенам расползается паутина черноты. Так вот что придумали архонты: они внедряются в тебя, и превращают *тебя* в Тюрьму. Микрочастицы работают все быстрее и быстрее, распространяя запах горящих опилок, преодолевая все защитные системы корабля. Вместе с запахом появляется шум — рев лесного пожара.

Что ж, это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго. Отличная работа, ребята.

Я вспоминаю цепочку Миели. Возможно, мне удастся унести эти камешки с собой. А может, это было всего лишь предсмертное видение, и я никогда не выходил на свободу. Все это просто тюрьма в тюрьме.

А потом у меня голове раздается насмешливый голос.

Жан ле Фламбер отступает. Тюрьма сломила тебя. Ты заслуживаешь того, чтобы вернуться обратно. Ты ничем не отличаешься от побежденных воинов-разумов, безумных игрушек Соборности и забытых покойников. Ты даже не помнишь своих подвигов и приключений. Ты не он, ты просто воспоминание, считающее себя…

Черт побери, нет. Всегда есть какой-то выход. Ты не в тюрьме, если сам так *не считаешь.* Так сказала мне богиня.

И внезапно я понимаю, что должен сделать.

— Корабль.

Проклятье. Не отвечает.

— Корабль! Мне необходимо поговорить с Миели!

Опять ничего.

В каюте становится жарко. Надо торопиться. Снаружи, в безвоздушном пространстве, полярным сиянием пылают паруса «Перхонен». Корабль так разогнался, что возникла гравитация, не меньше половины *g*. Вот только все вокруг перевернулось: низ оказался где-то в задней части центрального отсека. Я выбираюсь из каюты и, цепляясь за поручни, начинаю карабкаться к кабине пилота.

Ослепительная вспышка обжигает раскаленным воздухом: целый сегмент цилиндра, медленно вращаясь, уносится вниз, в бездну. От вакуума меня теперь отделяет только мгновенно возникшая стена из квантовых точек, тонкая, как пленка мыльного пузыря. И удалять инфекцию уже слишком поздно. Вокруг меня летают горячие сапфировые осколки: один из них, острый, как бритва, оставляет на моем предплечье болезненный кровавый след.

Очень жарко, запах горящих опилок распространился повсюду. По стенам расползается чернота. Сердце в груди колотится, как будто горбун из Нотр-Дам бьет в колокол, но я упрямо карабкаюсь вверх.

Сквозь сапфировую переборку я уже могу заглянуть в кабину: клубящиеся облака утилитарного тумана, Миели в своем кресле, глаза закрыты. Я кулаком стучу в дверь.

— Впусти меня!

Я не знаю, поражен ли ее мозг. Все, что мне известно наверняка, так это то, что она уже может быть в Тюрьме. Но если этого не произошло, она мне нужна, чтобы выбраться из этой переделки. Я крепче хватаюсь за поручень и пытаюсь разбить дверь ногой. Ничего не получается. Или она сама или корабль должны приказать сапфиру раздвинуться.

Сапфир. Я вспомнил выражение лица Миели, когда очнулся возбужденным. Биотическая связь существует, но, вероятно, фильтруется. Однако должен быть какой-то порог…

Ерунда. Отсутствие времени на колебания облегчает задачу. Я подхватываю в воздухе длинный тонкий осколок сапфира и со всех сил втыкаю в левую ладонь между пястными костями. Я едва не теряю сознание. Осколок разрывает сухожилия и вены, царапает кости. Это все равно что пожать руку Сатане, боль полыхает перед глазами красно-черными пятнами. Появляется запах крови: медленными искаженными каплями она вытекает из раны и уносится вниз.

Впервые с момента заключения в Тюрьму я ощущаю реальную боль, и это даже приятно. Я смотрю на голубой осколок, торчащий из руки, и начинаю смеяться, пока боль не становится настолько сильной, что смех превращается в вопль.

Кто-то бьет меня по лицу.

— Проклятье, что ты делаешь?

Миели широко раскрытыми глазами смотрит на меня из дверного проема кабины.

Отлично, по крайней мере, она почувствовала.

Вокруг нас клубится утилитарный туман, и к нему примешивается серая пыль, что наводит на мысль о падающем пепле в горящем городе.

— Доверься мне, — говорю я ей, усмехаясь и истекая кровью. — У меня есть план.

— У тебя десять секунд.

— Я могу от него избавиться. Обмануть их. Я знаю, как это сделать. Мне известен их образ мыслей. Я провел там *долгое* время.

— А почему я должна тебе верить?

Я поднимаю окровавленную руку и выдергиваю осколок сапфира. Раздается противный хлюпающий звук, а потом меня снова ослепляет вспышка боли.

— Потому что я скорее воткну это себе в глаз, чем вернусь туда.

Одно мгновение Миели смотрит мне в глаза, а потом улыбается.

— Что тебе для этого нужно?

— Мне необходим полный доступ к системам корабля. Я знаю, чем это нам грозит. Мне нужен доступ к компьютерным ресурсам, и не только к базовым.

Миели глубоко вздыхает.

— Ладно. Вышвырни этого мерзавца с моего корабля.

Потом она закрывает глаза, и в моей голове что-то *щелкает.*

Я *корень,* а мое тело — Иггдрасиль, мировое древо. В его костях алмазные механизмы, а в каждой клетке продукты протеомической технологии. А мозг — это настоящий мозг Соборности, способный управлять целыми мирами. Моя психическая личность в нем меньше, чем одна страничка в Вавилонской библиотеке. Часть меня, усмехаясь, мгновенно находит способ сбежать: завладеть фрагментом этой удивительной машины и направить его в космос, оставив моих спасителей моим тюремщикам. Но другая часть меня, как ни странно, *возражает.*

Я перемещаюсь по умирающему кораблю в поисках наноракеты. Теперь я не похож на неуклюжую обезьяну, я плавно скольжу по воздуху, словно миниатюрный космический корабль. С помощью обостренных органов чувств я нахожу точку в толще производственного модуля в дальнем конце цилиндра. Именно

отсюда распространяется материя Тюрьмы.

Силой мысли я создаю копию изображения спаймскейпа «Перхонен». Затем приказываю сапфировой плоти корабля открыться. Стена превращается во влажное мягкое желе. Я глубоко запускаю в него руку, дотягиваюсь до ракеты и вытаскиваю ее наружу. Снаряд крохотный, не больше одной клетки, но сделан в виде клыка с острыми зазубринами. Щупальцами из квантовых точек я обхватываю находку и поднимаю вверх: такая мелочь, но внутри заключен разум архонта, наблюдающего за превращением корабля в Тюрьму.

Я подношу ракету ко рту, раскусываю и глотаю.

Архонт доволен. Но на мгновение он ощущает диссонанс, какое-то несоответствие, словно обнаружил двух воров в одном.

Однако за пределами Матери-Тюрьмы творятся странные вещи: здесь ведется нечестная игра. Старая вздорная физика не столь безупречна, как игра архонтов — совершенная в своей простоте и в то же время охватывающая всю математику в ее неразрешимости. Вот почему задание архонта заключается в превращении этой материи в еще одну Тюрьму, в придании Вселенной большей чистоты. Вот что научил любить их Отец, Творец Душ. Только таким способом можно исправить мир.

А это отличная материя для превращения в Тюрьму. От предвкушения создания новой «Дилеммы» у него даже слюнки текут. Его копи-отец открыл схему, напоминающую по вкусу ореховое мороженое: повторяющуюся серийную стратегию, как в игре «Жизнь». Возможно, и ему удастся обнаружить что-то новенькое здесь, на его собственной маленькой игровой доске.

Далеко-далеко отсюда его копи-братья нашептывают по квант-связи свои жалобы на огорчительное *несоответствие,* на аномалию в отношении побега вора и той, *другой.* Архонт заверяет их, что все уже сделано, что они вскоре вернутся к Матери-Тюрьме, и он принесет кое-что новенькое.

Он смотрит вниз, на сеть клеток, где обитают мелкие воры, и бабочки, и женщина-оортианка, которых он обнаружил в этой сладкой материи. Скоро Игра начнется снова, теперь уже в любой момент.

Она будет иметь вкус лимонного шербета, решает архонт.

— Магия, — говорю я ей. — Тебе известно, как работают магические трюки?

Я уже вернулся в свое человеческое состояние. Воспоминания об обостренном чутье и компьютерной мощи постепенно тускнеют, но еще живы, словно фантомная боль в утраченной

конечности. И, кроме того, внутри меня остался архонт, запертый в моих костях, в глубоком компьютерном морозильнике.

Мы сидим в тесном складском модуле, его вращение вокруг оси обеспечивает силу тяжести, а корабль занимается восстановлением. А вокруг нас сверкающий поток космических кораблей, растянувшийся на тысячи кубических километров, но благодаря увеличительным свойствам корпуса «Перхонен» кажущийся близким. Здесь и сверхскоростные суда зоку с колоссальным выбросом тепла, для которых один день путешествия равен тысяче лет, и похожие на китов медленные корабли с зеленью и миниатюрными искусственными светилами внутри, и повсюду, словно мотыльки, летают сгустки мыслей Соборности.

— На самом деле все очень просто, дело в нейробиологии. Отвлечение внимания.

Миели игнорирует меня. Она накрывает стоящий между нами столик. На нем оортианские блюда: странные прозрачные пурпурные кубики, извивающиеся продукты синтетической жизни, аккуратно нарезанные — и тщательно сложенные — разноцветные фрукты, а также два маленьких бокала. Движения Миели сосредоточенны и размеренны, словно она совершает какой-то ритуал. По-прежнему не обращая на меня внимания, она вынимает из стенного шкафчика бутылку.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Мы празднуем, — отвечает она.

— Да, это стоит отметить. — Я усмехаюсь. — Должен признаться, мне потребовалось немало времени, чтобы понять. Ты не поверишь, но разум Соборности можно обмануть. Ничто не меняется. Я переключил его сенсорные входы и закачал в них имитацию, основанную на показаниях спаймскейпа «Перхонен». Он до сих пор уверен, что строит Тюрьму. Только очень медленно.

— Понимаю.

Она хмурится, глядя на бутылку, вероятно, размышляя, как ее открыть. Отсутствие интереса к моему гениальному плану вызывает у меня раздражение.

— Понимаешь? Это похоже на простой трюк. Посмотри.

Я протягиваю руку к ложке, делаю вид, что обхватываю ее пальцами, а на самом деле сталкиваю себе на колени. Затем поднимаю обе руки и раскрываю ладони.

— Исчезла.

Миели изумленно моргает. Я снова сжимаю левый кулак.

— Или трансформировалась.

Разжимаю пальцы, и на ладони извивается ее драгоценная

цепочка. Я протягиваю цепочку Миели. Ее глаза сверкают, но она медленно наклоняется и берет у меня из рук свою драгоценность.

— Ты к ней больше не прикоснешься, — произносит она. — Никогда.

— Обещаю, — искренне говорю я. — С этого момента действуем как профессионалы. Согласна?

— Согласна, — несколько изменившимся голосом отвечает она.

Я глубоко вздыхаю.

— Со слов корабля я узнал, что ты сделала. Чтобы вытащить меня, ты спустилась в преисподнюю, — говорю я. — Что же заставило тебя на это решиться?

Она не отвечает и резким движением отвинчивает пробку бутылки.

— Послушай, — продолжаю я. — Это касается твоего предложения. Я передумал. Я украду то, что тебе так необходимо украсть. И не важно, на кого ты работаешь. И даже сделаю это так, как ты захочешь. Считай, что это долг чести.

Она разливает вино. Густая золотистая жидкость очень медленно вытекает из бутылки. Я поднимаю свой бокал.

— Выпьем за это?

Раздается звон наших бокалов: чтобы чокнуться при низкой силе тяжести, требуется немалая ловкость. Мы пьем.

Таниш-Эрбен Таниш, 2343. Слабый древесный запах отличает самое выдержанное вино. Иногда его называют «Дыханием Тадеуша».

Откуда я могу это знать?

— Мне нужен не ты, вор, — говорит Миели. — А тот, кем ты *был*. И это первое, что мы должны украсть.

Я таращусь на нее, вдыхая «Дыхание Тадеуша». И вместе с запахом приходят воспоминания, многие годы другой жизни наполняют меня *как вино наполняет бокал. «Средней упитанности, крепкая, порывистая», — говорит он с улыбкой, глядя сквозь рислинг, искрящийся жидким светом. «Кто это средней упитанности?» — со смехом восклицает она. И он уже уверен, что завоевал ее.*

Однако именно он принадлежит ей все эти годы, годы любви и вина, проведенные в Ублиетте.[11]

Он — я — сумел это скрыть. Стеганография мозга. Эффект Пруста. Необнаруженные архонтами ассоциативные воспоминания, открывающиеся запахом, который невозможно уловить в тюрьме, где ты не ешь и не пьешь.

— Я гений, — объявляю я Миели.

Она не улыбается, а только слегка прищуривается.

— Значит, на Марс, — говорит она. — В Ублиетт.

Мне становится холодно. Понятно, что в этом теле и в этом разуме мне не добиться никакого уединения. Просто еще одна тюрьма и еще один надзиратель. Но эта тюрьма намного лучше предыдущей: красивая женщина, тайны и отличная еда, а еще море кораблей, уносящих нас навстречу приключениям.

Я улыбаюсь.

— Место забвения, — произношу я и поднимаю бокал. — За новые начинания.

Миели молча пьет со мной. А яркие паруса «Перхонен» уже несут нас по Магистрали.

Глава третья
Сыщик и шоколадное платье

Запах кожи на шоколадной фабрике удивляет Исидора. Шум конш-машин рождает эхо в высоких стенах из красного кирпича. Гудят окрашенные в кремовый цвет трубы. В блестящих стальных емкостях непрерывно вращаются лопасти, и каждый неторопливый поворот извлекает из шоколадной массы очередную порцию ароматов.

На полу в луже шоколада лежит мертвый мужчина. В бледном утреннем марсианском свете, падающем из высокого окна, труп выглядит как памятник страданию: худой жилистый плакальщик с впалыми висками и реденькими усиками. Глаза открыты, и видны белки, но остальная часть лица покрыта слоем черно-коричневой массы из резервуара, в который мужчина вцепился, словно хотел там утопиться. Белый фартук и вся остальная одежда так густо покрыты пятнами, что могут использоваться для теста Роршаха.

Исидор обращается к экзопамяти Ублиетта. Теперь лицо мужчины становится ему знакомым, словно лицо старого друга. *Марк Деверо. Достойный в третьем воплощении. Шоколатье. Женат. Имеет одну дочь.* Это первые факты, и по спине Исидора бегут мурашки. В начале каждого расследования он всегда чувствует себя ребенком, разворачивающим подарок. За этой смертью, под слоем шоколада что-то скрывается.

— Скверное дело, — раздается резкий звучный голос, от которого он невольно вздрагивает.

Ну конечно, по другую сторону от трупа, опираясь на трость, стоит Джентльмен. Солнце яркими бликами играет на гладком металлическом овале его лица, составляющем резкий контраст с чернотой длинного бархатного плаща и цилиндра.

— Когда вы меня вызвали, — говорит Исидор, — я не предполагал, что это еще один случай гогол-пиратства.

Он старается выглядеть равнодушным, но полностью скрывать свои чувства посредством гевулота было бы грубо, и он позволяет себе выразить некоторую степень энтузиазма. Это всего лишь его третья личная встреча с наставником. Работать с одним из самых уважаемых стражей порядка Ублиетта было для него равносильно воплощению мальчишеской мечты. И все же он не ожидал, что Джентльмен привлечет его к расследованию интеллектуальной кражи. Копирование ведущих умов Ублиетта агентами Соборности и представителями третьей стороны было

именно тем преступлением, которое поклялись предотвращать наставники.

— Прими мои извинения, — отвечает Джентльмен. — В следующий раз я выберу более необычный случай. Смотри внимательнее.

Исидор достает увеличительное стекло работы зоку — подарок Пиксил, гладкий диск из интеллектуальной материи, закрепленный на бронзовой ручке, — и смотрит на тело сквозь него. Перед ним сменяются изображения вен, тканей мозга и клеточной структуры, загадочными морскими чудовищами проплывают картины метаболизма мертвого тела. Исидор снова обращается к экзопамяти, на этот раз в поисках медицинской информации, а затем морщится от легкой головной боли, когда сведения закачиваются в его кратковременную память.

— Какой-то вид… вирусной инфекции, — нахмурившись, говорит он. — Ретровирус. Стекло показывает, что в клетках головного мозга присутствует аномальная генетическая цепочка, видимо, результат деятельности археобактерий. Как скоро мы сможем с ним поговорить?

Исидор не любит допрашивать оживленных жертв: их воспоминания всегда обрывочны, а кое-кто и вовсе не желает нарушать традиционное для Ублиетта право на частную жизнь даже ради поимки собственного убийцы или расследования случая гогол-пиратства.

— Возможно, никогда, — отвечает Джентльмен.

— Как это?

— Это случай оптогенетической закачки из информационного модуля. Очень грубо: вероятно, он умер в агонии. Это старый прием, придуманный еще до Коллапса. Его испытывали на крысах. Мозг объекта заражается вирусом, который делает его клетки сверхчувствительными к желтому свету. А затем мозг в течение нескольких часов подвергается воздействию лазеров, перехватывается система нацеливания, и информационный модуль учится ее имитировать. Вот откуда взялись эти маленькие отверстия на черепе. Оптические волокна. Каналы закачки.

Затянутой в перчатку рукой наставник осторожно приподнимает редкие волосы шоколатье, и под ними обнаруживаются два небольших темных пятнышка, расположенных в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Этот процесс оставляет массу побочной информации, но вся она проходит мимо гевулота. И, безусловно, полностью разрушает экзопамять жертвы. Можно сказать, убивает ее. Тело, скорее всего, умирает от тахиаритмии. Воскресители работают

над следующим телом шоколатье, но надеяться на это не стоит. Если только мы не сумеем выяснить, куда ушла информация.

— Понятно, — говорит Исидор. — Вы правы, это действительно *интересный* случай для гогол-пиратства.

Говоря о гоголах, он не в силах скрыть отвращения: мертвые души, запрограммированные разумы человеческих существ, обреченные подчиняться чужой воле. Это проклятие для каждого обитателя Ублиетта.

Как правило, гогол-пиратство — похищение разума без ведома жертвы — основано на принципах прикладной социологии. Пираты втираются в доверие к выбранному объекту и понемногу подрывают сопротивляемость его гевулота, пока не получают возможность совершить решительную атаку. Но здесь…

— Концепция гордиева узла. Простая и элегантная.

— Я не думаю, что здесь можно употребить определение «элегантная», мой мальчик. — В голосе наставника прорывается гнев. — Хочешь посмотреть, что с ним произошло?

— Посмотреть?

— Я навещал его. Воскресители уже работают. Зрелище не из приятных.

— Ох.

Исидор невольно сглатывает. Сама смерть не так отвратительна, как то, что за ней следует, и от одной мысли об этом его ладони становятся влажными. Но, если он хочет когда-нибудь сделаться наставником, ему придется побороть страх перед потусторонним миром.

— Конечно, если вы считаете, что это принесет пользу.

— Хорошо.

Наставник протягивает ему открытые ладони и передает разделенное воспоминание. Исидор, польщенный интимностью этого акта, принимает его. И в его сознании сразу возникает комната в подземелье, где Воскресители в темных одеяниях заполняют только что отштампованные тела разумами, восстановленными из экзопамяти. Восстановленный шоколатье лежит в резервуаре с синтбиотической жидкостью, как будто принимает ванну. Доктор Феррейра прикасается ко лбу неподвижного тела изысканным бронзовым декантером. Внезапно сверкают белки глаз, раздается протяжный вопль, конечности лихорадочно дергаются, затем слышится *щелчок* вывихнутой челюсти.

Исидора тошнит от запаха кожи.

— Это… ужасно.

— К сожалению, это очень по-человечески, — говорит наставник. — Но надежда все-таки есть. Если мы сумеем отыскать

информацию, доктор Феррейра считает, что сможет отсечь помехи от его экзопамяти и восстановить шоколатье полностью.

Исидор делает глубокий вдох, пытаясь справиться с гневом.

— А ты не догадываешься, почему здесь оказался?

Исидор посредством гевулота исследует помещение: повсюду ощущается характерное для граждан Ублиетта стремление сохранить свою частную жизнь в неприкосновенности. Вся фабрика кажется обтекаемо-гладкой. Пытаться отыскать в экзопамяти подробности того, что здесь случилось, все равно, что хватать руками воздух.

— Для шоколатье это было весьма уединенное место, — говорит Исидор. — Я не думаю, что он открывал свой гевулот даже самым близким членам семьи.

Появляются три маленьких синтбиотических дрона — большие проворные пауки, окрашенные в ярко-зеленый и пурпурный цвета. Они подкручивают ручки конш-машины, и ритм немного ускоряется. Один из дронов останавливается возле Наставника, паучьи лапы трогают его плащ. Наставник отталкивает дрона резким движением трости, и тот убирается прочь.

— Правильно, — соглашается наставник.

Он подходит к Исидору так близко, что в серебристом овале маски появляется неискаженное отражение лица молодого человека. Волнистые волосы растрепались, щеки горят.

— У нас нет иной возможности восстановить произошедшие здесь события, кроме как старинным способом. И, как ни грустно мне признавать, у тебя, похоже, имеется к этому определенный талант.

На таком близком расстоянии чувствуется исходящий от наставника странный сладковатый запах, напоминающий ароматы специй, а металлическая маска как будто излучает тепло. Исидор немного отступает и откашливается.

— Конечно, я сделаю все, что в моих силах, — говорит он, притворяясь, что смотрит на свои Часы — простой медный диск на запястье с единственной стрелкой, отсчитывающий срок его жизни до перехода в состояние Спокойного. — Надеюсь, это не займет много времени, — добавляет он, и предательская дрожь в голосе выдает его волнение. — Я должен сегодня попасть на вечеринку.

Джентльмен ничего не отвечает, но Исидор отчетливо представляет себе циничную ухмылку, скрытую под маской.

К жизни пробуждается еще одна машина. Это устройство выглядит более сложным, чем примитивные конш-машины из нержавеющей стали. Витиеватые украшения на латунных деталях

указывают на то, что механизм принадлежит к эпохе Королевства, — это фабрикатор. Изящная штанга, похожая на часовую стрелку, танцует над металлическим поддоном и несколькими точными штрихами атомных лучей вырисовывает аккуратный ряд macarone.[12] Дроны запаковывают сладости в небольшие коробки и уносят.

Исидор осуждающе хмурит брови: настоящий ремесленник Ублиетта не должен полностью полагаться на технологии. Но что-то в этом устройстве не соответствует схеме, формирующейся в его голове. Он присматривается к машине внимательнее. Поддон покрыт тонкими полосками шоколадной массы.

— Для начала мне, безусловно, потребуются все сведения, которыми вы располагаете, — говорит он.

— Тело обнаружила продавщица.

Легким движением руки в белой перчатке Джентльмен передает Исидору небольшой фрагмент воспоминаний: лицо и имя. Тот воспринимает информацию как мимолетное знакомство. *Сив Линдстрём. Смуглая кожа, хорошенькое личико, темные волосы цвета какао, зачесанные в хвостик.*

— И семья согласилась с нами поговорить… Что ты делаешь?

Исидор кладет в рот кусочек шоколада, взятый с поддона фабрикатора, быстро делает запрос в экзопамять и вздрагивает от головной боли, сопутствующей чужим воспоминаниям. Но они помогают ему распознать слабый привкус брусники, горечь и странность terroir[13] в долине Нанеди. В этом шоколаде что-то *не так,* чувствуется какая-то странная хрупкость. Исидор подходит к телу шоколатье и пробует шоколад из емкости, которая все еще зажата в его руках. Этот шоколад, безусловно, обладает самым обычным вкусом.

История шоколатье постепенно, мазок за мазком, как macarone перед фабрикатором, вырисовывается в его голове.

— Сначала я хотел бы встретиться с продавщицей, — говорит Исидор.

Возвращаясь в город, Исидор и Джентльмен проходят через Черепаший парк.

Здесь перед ними предстает неоспоримое доказательство успеха дела шоколатье: в одном из лучших мест города на стене здания из красного кирпича красуется огромное изображение зерна какао. Зеленое пространство парка с невысокими пологими холмами протянулось примерно на три сотни метров и, как большинство взаимосвязанных частей города, перемещается на шагающей роботизированной платформе. Зеленые лужайки испещрены высокими изящными виллами эпохи Королевства, которые молодежь Ублиетта из числа Богатых Временем

реставрирует и возвращает городу. Исидор никогда не понимал, как кто-то из его поколения может сжигать свое Время ради материальных ценностей и услуг, тратя жизни в качестве Достойных на ненужные излишества, когда впереди всех ожидал долгий изнурительный труд в облике Спокойного. Ведь вокруг еще столько неразгаданных тайн!

Парк открыт для всех, но это не агора, и, проходя по песчаным дорожкам, Исидор и Джентльмен минуют нескольких посетителей, закрывшихся гевулотом. Завеса уединения мерцает вокруг людей, словно утренняя роса на траве.

Желая хоть ненадолго остаться наедине со своими мыслями, Исидор ускоряет шаг, от холода пряча руки в рукавах пальто. Благодаря длинным ногам ему всегда удается идти быстрее остальных, но Джентльмен, не прилагая никаких видимых усилий, по-прежнему держится рядом.

Ты скучаешь, правда?

Кват-послание Пиксил весьма лаконично. Вместе с ее голосом оно приносит целый букет ощущений: привкус эспрессо и странный аромат безупречной чистоты колонии зоку.

Исидор потирает кольцо сцепленности на указательном пальце правой руки: серебряный ободок с крошечным синим камешком, передающим сообщения непосредственно в его мозг. Исидор еще не совсем привык к кват-связи зоку. Передача сообщений от мозга к мозгу непосредственно через квантовый телепатический канал кажется ему непристойной и насильственной. Обмен разделенными воспоминаниями, которым пользуются жители Ублиетта, выглядит более деликатным способом: внедрение сообщений в экзопамять адресата, чтобы информация *вспоминалась,* а не поступала напрямую. Но все, что касается Пиксил и ее народа, требует определенных компромиссов.

Не могу в это поверить. Стоило твоему наставнику щелкнуть пальцами, и ты оставляешь на меня всю подготовку к вечеринке. А теперь ты скучаешь.

Я не скучаю.

Он возражает слишком поспешно, и лишь в следующее мгновение сознает, что ответил неправильно.

Я рада. Потому что ты больше не услышишь от меня ни слова, если не явишься вовремя.

Кват-сообщение сопровождается отчетливым эротичным ощущением скользящей по гладкой коже ткани, напоминающим ласку.

Я решаю, что надеть. Примеряю платья, потом снова их снимаю. Я думаю, это надо превратить в игру. И мне

пригодилась бы чья-нибудь помощь. Но тебя нет.

Прошлая ночь в небольшой квартирке Исидора в Лабиринте была для них одной из лучших — никаких посторонних, только они с Пиксил. Он приготовил ужин, а потом она продемонстрировала изобретенную ею новую постельную игру, стимулирующую и разум, и тело. Но когда Пиксил задремала, он еще долго лежал без сна, и шестеренки его мозга крутились вхолостую, отыскивая систему в завитках ее разметавшихся по спине волос.

Он пытается подобрать верные слова, однако образ мертвого шоколатье не желает покидать его мысли.

Это всего лишь гогол-пиратство, передает он, добавив к сообщению равнодушное пожатие плечами. **Дело не затянется. Я буду вовремя.**

Ответ Пиксил сопровождается вздохом.

Это. Очень. Важно. Собираются все мои зоку. Все зоку. Хотят посмотреть на меня, на мятежницу. И увидеть моего глупого примитивного парня из Ублиетта. У тебя есть только два часа.

Я уже многого добился…

Два. Часа.

Пиксил…

Знаешь, я могла бы испортить тебе всю игру. Я могла бы рассказать, кто такой твой наставник на самом деле. Как бы тебе это понравилось?

Он *почти* уверен, что это лишь пустые слова. Ку-технология зоку обеспечивает ей возможности, намного превосходящие потенциал старой технологии Ублиетта, но наставники тщательно скрывают свои личности. Тем не менее от одной мысли, что он упустил возможность что-то выяснить, что не поставил на место последний фрагмент головоломки, ему становится страшно. Исидор не успевает подавить это чувство, и его ужас частым тяжелым сердцебиением уносится по каналу кват-связи.

Видишь? Вот что на самом деле важно. Развлекайся. Негодяй.

После этих слов она отключается.

— Как поживает малышка Пиксил? — спрашивает Джентльмен.

Исидор не отвечает, пытаясь идти еще быстрее.

Магазин шоколада находится на одной из широких торговых улиц Края, на плавно изгибающемся вдоль южной границы города проспекте. Здесь, как сообщают путеводители, относительно большие платформы и стабильное расположение. Поэтому в этом

месте всегда много выходцев из других миров, жаждущих посмотреть на Ублиетт. Рестораны и кафе только начинают открываться и разжигать печи, чтобы сделать прохладный марсианский воздух приятным для ранних посетителей. Вокруг них тотчас собираются пурпурные и зеленые биодроны, протягивающие к теплу свои тонкие конечности.

Джентльмен останавливается около узкого окна магазина. В витрине выставлены очень любопытные вещи: шар размером с футбольный мяч, представляющий собой модель Деймоса эпохи Королевства, усыпанный разноцветными леденцами, и замысловатый канделябр, свисающий с потолка. И то и другое сделано из шоколада. Но внимание Исидора привлекает другой объект: это платье с высоким воротником, кушаком и пышной юбкой, застывшей шоколадными воланами.

Наставник открывает дверь, и раздается звон медного колокольчика.

— Вот мы и пришли. Как сказала бы твоя подружка, игра начинается. Я буду поблизости, а тебе предоставляю вести разговор.

Внезапно он исчезает, словно привидение под бледными утренними лучами солнца.

Магазин узкий и длинный, слева тянется стеклянный прилавок, а справа — ярко освещенные полки витрин. Здесь приятно пахнет шоколадом и карамелью, а не сырой кожей, как на фабрике. Под стеклом прилавка, словно жучки в разноцветных панцирях, поблескивают конфеты. Образцы фигурного шоколада расположены справа. Среди них изогнутое крыло бабочки высотой в человеческий рост с узором в виде женского лица, напоминающего посмертную маску. Крыло невероятно тонкое и изготовлено из шоколада цвета обожженной глины.

Взгляд Исидора на мгновение останавливается на паре красных башмачков с развевающимися шоколадными лентами. На всякий случай он их запоминает: нынешнее настроение Пиксил, возможно, придется исправлять с помощью подарка.

— Ищете что-то особенное?

Голос кажется ему знакомым благодаря экзопамяти. *Сив Линдстрём.* В жизни она выглядит более усталой, чем в воспоминаниях, на ее привлекательном лице залегли морщины. Но униформа продавщицы идеально выглажена, волосы аккуратно причесаны. Между Часами происходит обмен фрагментами стандартного магазинного гевулота: Линдстрём узнает, что Исидор ничего не понимает в шоколаде, но обладает достаточным количеством Времени, чтобы его купить, а он получает общедоступные рекламные экзовоспоминания о

продавщице и магазине. Ее реакцию, вероятно, скрывает гевулот, потому что перед Исидором предстает лишь безупречная вежливость продавца.

— У нас отличный выбор macarone, свежие, только что с фабрики.

Она делает жест в сторону прилавка, куда синтбиотический дрон, которого Исидор уже видел, аккуратными рядами выкладывает шоколадные диски в разноцветных обертках.

— Я подумывал о чем-то… более существенном. — Исидор показывает на шоколадное платье. — О чем-то вроде этого. Могу я посмотреть на него поближе?

Продавщица выходит из-за прилавка и открывает стеклянную панель, отделяющую витрину от магазина. У женщины неровная шаркающая походка давнего обитателя Марса, страдающего от недостатка земной силы тяжести: так двигается неоднократно битая собака, ожидающая удара, даже когда ее гладят. Исидор вблизи рассматривает тщательно воспроизведенные детали платья, имитацию летящей ткани и живость цвета. *Возможно, я ошибся.* Но затем он ощущает легкую дрожь гевулота продавщицы. *А может, и не ошибся.*

— Пожалуйста, — все тем же тоном произносит она. — Это и в самом деле примечательный образец. Копия платья Достойной из Олимпийского Двора, выполненная из шоколада трюдель. Мы испробовали четыре вида смеси. Шестьсот ароматических компонентов, подобранных очень тщательно. Шоколад — неустойчивый материал, он требует особого внимания.

— Как интересно, — отзывается Исидор, стараясь принять вид пресыщенного Богатого Временем молодого человека.

Он достает увеличительное стекло и изучает кромку платья. Волнистый край превращается в кристаллическую решетку сахаров и молекул. Исидор пытается проникнуть вглубь воспоминаний свежего шоколада. Но тут вмешивается гевулот магазина, засекший нежелательное вторжение в частную жизнь, и изображение мгновенно теряет четкость.

— Что вы делаете? — спрашивает Линдстрём, уставившись на него, как будто только что увидела.

Исидор хмуро смотрит расплывчатое пятно.

— Проклятье! Я был почти у цели. — Говорит он и дарит Линдстрём одну из своих лучших улыбок, от которой, по словам Пиксил, у пожилых женщин размягчаются даже кости. — Вы не могли бы попробовать платье на вкус?

Продавщица смотрит на него с недоверием.

— Что?

— Прошу прощения, — произносит Исидор. — Я должен был

сказать сразу. Я расследую печальное происшествие с вашим работодателем.

Он приоткрывает свой гевулот ровно настолько, чтобы она узнала его имя. Взгляд ее зеленых глаз на мгновение застывает, пока поступает информация, а затем продавщица глубоко вздыхает.

— Так значит, вы и есть тот чудо-мальчик, о котором все говорят. Тот, что видит лучше, чем наставник. — Она возвращается за прилавок. — Если вы не собираетесь ничего покупать, я попросила бы вас уйти. Я не закрываю магазин только потому, что он не хотел бы этого. Но почему я должна разговаривать с вами? Я уже рассказала все, что знаю.

— Потому, — отвечает Исидор, — что вас считают причастной к этому.

— Из-за чего? Из-за того, что я его нашла? Да я получила столь малый фрагмент его гевулота, что едва знала его фамилию.

— Потому что это вполне логично. Вы из Первого Поколения, это видно по вашей походке. А это означает, что вы почти столетие провели в состоянии Спокойной. А это может сыграть странную шутку с человеком. Иногда даже появляется *желание* снова стать машиной. Гогол-пираты могут сделать это за деньги. Или взамен оказанной услуги. Например, если вы поможете похитить разум известного на весь мир шоколатье…

Ее гевулот закрывается окончательно, и она превращается в расплывчатую метку-заполнитель, означающую личность, окутанную пеленой уединения, а Исидор становится для нее пустым местом. Но это длится одно мгновение. Затем Линдстрём возвращается: глаза зажмурены, сжатые кулаки подняты к груди, на смуглой коже выделяются побелевшие от напряжения костяшки.

— Все было не так, — тихо произносит она.

— Не так, — соглашается Исидор. — Потому что у вас с ним был роман.

В его голове тикают Часы. Линдстрём предлагает заключить контракт гевулотов, подобный осторожному рукопожатию. Он принимает предложение: разговор в течение следующих пяти минут не будет фиксироваться его экзопамятью.

— Ты и вправду не такой, как они? Наставники.

— Нет, — говорит Исидор. — Не такой.

Она берет в руки конфету.

— Ты знаешь, как трудно изготовить шоколад? Как много времени занимает этот процесс? Он показал мне, что это не просто сладости, что в шоколад надо вложить частицу самого себя, собственными руками создать нечто реальное.

Линдстрём вертит в пальцах конфету, словно это талисман.

— Я долгое время была Спокойной. Ты слишком молод, чтобы понять, что это значит. Ты это ты, но не совсем: часть тебя, *говорящая* часть, делает какие-то вещи, делает машинально. И спустя какое-то время начинаешь считать, что так и должно быть. Даже когда все уже позади. Чувствуешь себя как-то неправильно. До тех пор, пока кто-то не поможет снова обрести себя.

Она откладывает в сторону наполовину растаявшую конфету.

— Воскресители говорят, что не смогут его вернуть.

— Мисс Линдстрём, они сумеют это сделать, если вы мне поможете.

Она переводит взгляд на шоколадное платье.

— Знаешь, мы делали его вместе. Когда-то и я носила такую одежду, еще во времена Королевства.

Ее взгляд устремлен куда-то далеко-далеко.

— Почему бы и нет? — наконец произносит она. — Давай попробуем. Хотя бы в память о нем.

Линдстрём достает из-под прилавка какой-то металлический инструмент и нерешительно подходит к стеклянной панели. С невероятной осторожностью она отрезает от края шоколадного платья крошечный кусочек и кладет его в рот. На мгновение она замирает, ее лицо остается непроницаемым.

— Это неправильно! — восклицает она, широко раскрыв глаза. — Совсем неправильно. Кристаллическая структура совсем не та. И вкус… Это не тот шоколад, какой мы изготавливаем. Похожий, но не совсем.

Еще один маленький кусочек она протягивает Исидору, и шоколад почти мгновенно тает у него на языке, оставляя горьковатый привкус со слабым ореховым оттенком.

Исидор улыбается. Ощущение триумфа почти снимает в его голове напряжение, оставшееся от кват-посланий Пиксил.

— Не могли бы вы пояснить, в чем заключается разница с технологической точки зрения?

Ее глаза сверкают. Линдстрём облизывает губы.

— Все дело в кристаллах. На последней стадии необходимо много раз разогревать и охлаждать шоколад, тогда получаемый продукт не тает при комнатной температуре. В шоколаде имеются кристаллы, и их симметрия, получаемая при чередовании тепла и холода, помогает им удерживаться вместе. Мы всегда стараемся делать шоколад пятого типа, а здесь слишком много четвертого, это можно определить по текстуре. — Вся ее нерешительность и сомнения неожиданно исчезают. — Как вы узнали? Что случилось с этим платьем?

— Это не важно. Важно то, что вы *не должны* его продавать.

Позаботьтесь о его сохранности. Кстати, не могли бы вы дать мне кусочек с собой? Да, этого достаточно, и можно просто завернуть. Не теряйте надежды: он еще может к вам вернуться.

Ее смех мрачен и горек.

— Начнем с того, что он никогда не был моим. Хотя я очень старалась. Я хорошо относилась к его жене. Я подружилась с его дочерью. Но все напрасно. Знаешь, порой мне казалось, что так даже лучше. Только воспоминания и шоколад. — Она несколько раз сжимает и разжимает кулаки. Ее ногти выкрашены в белый цвет. — Отыщи его, пожалуйста, — негромко просит она.

— Я сделаю все, что смогу, — обещает Исидор.

Он сглатывает и неожиданно испытывает облегчение при мысли, что этот разговор запечатлен не в кристалле экзопамяти, а только в нейронах его смертного мозга.

— Между прочим, я вас не обманул. Я действительно ищу что-нибудь особенное.

— Вот как?

— Да. Мне придется опоздать на вечеринку.

Дверь магазина неожиданно открывается. Входит мальчик-подросток, светловолосый, очень красивый, с правильными славянскими чертами лица, примерно восьми марсианских лет.

— Привет, — здоровается он.

— Себастьян, — откликается Линдстрём. — У меня покупатель.

— Все в порядке, не обращайте внимания, — говорит Исидор и посредством гевулота вежливо предлагает скрыть от него разговор.

— Я только хотел спросить, не видели ли вы Элоди? — Паренек лучезарно улыбается продавщице. — Я не могу установить с ней контакт.

— Она дома, с матерью, — отвечает Линдстрём. — Дай ей время оправиться. Надо уважать ее горе.

Парень энергично кивает.

— Конечно. Я просто подумал, что могу чем-нибудь помочь…

— Нет, не можешь. А теперь, будь добр, позволь мне закончить разговор. Этого хотел бы и отец Элоди.

Мальчик бледнеет. Он поворачивается и выбегает из магазина.

— Кто это? — спрашивает Исидор.

— Приятель Элоди. Маленький распутник.

— Он вам не нравится?

— Мне *никто* не нравится, — отвечает Линдстрём. — За исключением шоколада, разумеется. Итак, по какому поводу эта вечеринка?

Когда Исидор выходит из магазина, Джентльмена нигде не видно. Но свернув на Правый проспект, он слышит шаги наставника, переходящего от одной тени к другой, подальше от яркого солнца.

— Должен признаться, мне любопытно, к чему все это приведет, — произносит Джентльмен. — А ты не задумывался о том, что сделанное тобой предположение может оказаться верным? Что она и в самом деле может быть виновна в похищении разума своего нанимателя? Надеюсь, отбросить эту версию тебя заставила не очаровательная улыбка Линдстрём?

— Нет, — отвечает Исидор. — Но теперь я хочу поговорить с его родными.

— Поверь мне, виновной окажется продавщица.

— Посмотрим.

— Как хочешь. А я только что получил информацию от своих братьев. Поблизости обнаружены признаки операции василевов. Я должен разобраться.

После этого наставник исчезает.

Экзопамять приводит Исидора к дому шоколатье. Это один из высоких белых домов, выступающих над Краем, предоставляя обитателям великолепный вид на испещренный зелеными холмами кратер Эллада. Исидор спускается на один пролет по лестнице, ведущей от фасада к зеленой двери, и испытывает легкое головокружение, когда далеко внизу, в облаках пыли, мельком видит огромные опоры Города. Несколько мгновений Исидор ждет у красной двери квартиры. Ему открывает невысокая китаянка в халате. У нее плоское лицо, по которому невозможно определить возраст, и черные шелковистые волосы.

— Да?

Исидор протягивает руку.

— Меня зовут Исидор Ботреле,[14] — представляется он и приоткрывает свой гевулот, чтобы женщина узнала, кто он такой. — Я думаю, вы догадываетесь, почему я здесь. Я был бы благодарен, если бы вы уделили мне время и ответили на несколько вопросов.

Женщина бросает на него странный, полный надежды взгляд, но гевулот остается закрытым: Исидор пока даже не знает ее имени.

— Входите, пожалуйста, — говорит она.

Квартирка небольшая, но светлая, с лесенкой на второй этаж, и из современных технологий здесь только фабрикатор да несколько парящих дисплеев из ку-точек. Женщина проводит Исидора в уютную гостиную и садится в маленькое деревянное кресло возле одного из больших окон. Она достает ксанфийскую

сигарету, снимает колпачок, и на конце загорается огонек, наполняя комнату горьковатым запахом. Исидор опускается на низкую зеленую кушетку и, ссутулившись, ждет. В комнате есть кто-то еще, скрытый пеленой уединения: он догадывается, что это дочь шоколатье.

— Надо бы вам что-нибудь предложить — кофе или что-нибудь еще, — наконец произносит женщина, но даже не делает попытки подняться.

— Я все сделаю, — говорит девочка, резко открывая гевулот и появляясь совсем рядом с Исидором, как будто ниоткуда.

Ей шесть или семь марсианских лет, это худой и бледный подросток с пытливыми карими глазами, в новом ксанфийском платье, похожем на трубу и отдаленно напоминающем Исидору одежду зоку.

— Нет, спасибо, — отвечает Исидор. — Ничего не надо.

— Мне даже не надо обращаться к экзопамяти, — заявляет девочка. — Я читала о тебе в «Вестнике Ареса». Ты помогаешь наставникам. Ты обнаружил пропавший город. А ты встречался с Безмолвием?

Она все время подпрыгивает на подушках кушетки и, кажется, не может остановиться ни на мгновение.

— Элоди, — строго одергивает ее женщина. — Не обращайте внимания на мою дочь, она такая невоспитанная.

— Я просто *спрашиваю*.

— Спрашивать будет этот любезный молодой человек, а не ты.

— Не верь всему, что пишут, Элоди, — говорит Исидор. Он сочувственно смотрит на нее. — Мне очень жаль, что с твоим отцом произошло несчастье.

Девочка опускает взгляд.

— Его ведь восстановят, правда?

— Надеюсь, что восстановят, — отзывается Исидор. — А я стараюсь помочь в этом.

Жена шоколатье грустно улыбается Исидору и скрывает следующие слова от гевулота дочери.

— Она обходится нам очень дорого. Глупое дитя. — Женщина вздыхает. — У вас есть дети?

— Нет, — отвечает Исидор.

— От них больше хлопот, чем радости. Это он виноват. Он испортил Элоди. — Жена шоколатье проводит рукой по голове, не выпуская из пальцев сигареты, и на мгновение Исидору становится страшно, что огонь перекинется на волосы. — Простите. Я говорю ужасные вещи, когда он… где-то. Даже не в состоянии Спокойного.

Исидор продолжает смотреть на нее. Ему нравится наблюдать за людьми. Интересно, не утратит ли он этой способности, став наставником? Но тогда в его распоряжении будут другие возможности выяснять правду.

— Вам не известно о каких-нибудь новых друзьях, появившихся у мистера Деверо в последнее время?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

Элоди окидывает мать скучающим взглядом.

— Мам, они же всегда так поступают. Пираты. Это прикладная социология. Они собирают частички твоего гевулота, а потом декодируют разум.

— Но зачем им понадобился именно *он?* Он ничего собой не представлял. Просто изготавливал шоколад. А я даже *не люблю* шоколад.

— Мне кажется, ваш муж был как раз такой личностью, в каких заинтересованы гогол-пираты, — он обладал уникальными знаниями, — отвечает Исидор. — У Соборности ненасытный аппетит в отношении моделей обучения, особенно в области человеческого восприятия вкусов и запахов. — Он не забывает открыть разговор для гевулота Элоди. — А его шоколад очень специфичен. Продавщица была так любезна, что во время моего посещения магазина дала мне кое-что попробовать: кусочек платья, которое доставили с фабрики только сегодня утром. Невероятный вкус.

Отвращение искажает лицо Элоди, превращая его в уродливую маску. Девочка скрывается за пеленой уединения, вскакивает с кушетки и тремя быстрыми прыжками уносится вверх по лестнице.

— Прошу прощения, — извиняется Исидор. — Я не хотел ее расстраивать.

— Не беспокойтесь. Она хорошо держится, но нам обеим очень тяжело. — Женщина откладывает сигарету и вытирает глаза. — Я подозреваю, что она сбежит к своему приятелю, а потом вернется и не будет со мной разговаривать. Ребенок.

— Я понимаю, — говорит Исидор, поднимаясь. — Вы мне очень помогли.

Она разочарована.

— Я думала… что вы зададите больше вопросов. Дочь говорила, что вы всегда так делаете, и спрашиваете о таких вещах, которые наставникам даже в голову не приходят.

Ее глаза сверкают странным энтузиазмом.

— Дело не в количестве вопросов, — отвечает Исидор. — Еще раз примите мои соболезнования. — Он вырывает из записной книжки листок, чертит свою подпись и прикрепляет небольшое

послание в виде разделенного воспоминания. Затем протягивает листок женщине. — Передайте это Элоди в качестве извинения. Хотя я не уверен, что она все еще является моей поклонницей.

Выйдя из дома, Исидор, не удержавшись, начинает насвистывать: теперь перед ним предстает вся схема преступления. Он мысленно проводит по ней пальцем, и контур отзывается чистым звуком, словно наполовину наполненный вином бокал.

В маленьком ресторанчике на окраине парка Исидор заказывает себе ризотто с осьминогом. Когда он вытирает губы, на салфетке остается причудливый чернильный узор. Около получаса Исидор сидит и наблюдает за гуляющими в парке людьми и записывает свои наблюдения в записную книжку. Затем поднимается и вновь направляется к шоколадной фабрике, чтобы захлопнуть ловушку.

Биодроны впускают его внутрь. Тело уже забрали Воскресители. На полу остается его контур и пятна шоколада, скрытые пеленой уединения, словно сброшенная шкура змеи, излучающая свет. Исидор садится на расшатанный металлический стул в углу и ждет. Звук работающих машин почему-то действует успокаивающе.

— А ведь я знаю, что ты здесь, — произносит он спустя некоторое время.

Из-за одной из машин появляется Элоди, даже не скрываясь за пеленой гевулота. Она выглядит старше, ее взгляд становится жестким.

— Как ты узнал?

— Следы, — поясняет Исидор и показывает на шоколадные пятна. — В прошлый раз ты была осторожнее. Кроме того, ты опоздала.

— Разделенное воспоминание, которое ты оставил, полная ерунда, — говорит она. — Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что ты хочешь встретиться со мной здесь.

— Мне показалось, ты интересуешься расследованием. Но первое впечатление может быть обманчивым.

— Если ты опять собираешься говорить о моем отце, я ухожу, — заявляет Элоди. — Я хочу встретиться со своим приятелем.

— Я так и думал. Но разговор будет не об отце, а о тебе. — Он тщательно прикрывает свои слова гевулотом, чтобы только они двое могли их услышать и запомнить. — Мне интересно знать, легко ли это было.

— Что?

— Не думать о последствиях. Передать личные ключи от

гевулота своего отца незнакомцу.

Элоди ничего не отвечает, только настороженно смотрит на него.

— Что они тебе пообещали? Путешествие к звездам? Рай? Все для тебя, словно для принцессы Королевства, только еще лучше? Так ведь не бывает, и тебе это известно.

Элоди делает шаг в его сторону, медленно вытягивая руки. Исидор покачивается на стуле взад и вперед.

— Итак, ключи не сработали. И Себастьян — твой приятель-василев, один из *них* — очень расстроился. Между прочим, до тебя ему нет никакого дела: в него закачали чьи-то чужие эмоции. Но все было достаточно реально. Он пришел в ярость. Возможно, угрожал тебя бросить. Ты хотела его задобрить. И ты знала, что у твоего отца есть место с гевулотом, где можно провернуть дело без помех. Может, твой приятель даже пришел вместе с тобой. Должен сказать, ты поступила очень умно. Шоколад лишь слегка отличается на вкус. Он ведь в платье, не так ли? Я говорю о разуме твоего отца. Ты поместила его туда при помощи фабрикатора. Как только изготовили оригинал платья, ты расплавила его и сделала копию. Дроны доставили изделие в магазин. И все данные, закодированные в кристаллах шоколада, готовы к продаже, чтобы вывезти их в Соборность. Никаких вопросов, не надо устанавливать пиратскую радиостанцию, чтобы передать информацию. Разум упакован в чудесную шоколадную оболочку, словно пасхальное яйцо.

Элоди смотрит на него, не проявляя никаких эмоций.

— Я одного не могу понять: как ты решилась на это? — спрашивает Исидор.

— Это неважно, — шипит она. — Он и не вскрикнул. Не почувствовал боли. Он даже не был мертв, когда я уходила. Никто не пострадал. Они вернут его. Они всех нас возвращают. А потом делают Спокойными. Это несправедливо. *Мы* не разваливали их проклятое Королевство. *Мы* не создавали фобоев. Это не наша вина. Мы должны по-настоящему жить вечно, как живут *они.* Мы должны иметь право.

Элоди медленно разгибает пальцы. Из-под ее ногтей радужными волосками выскакивают нановолокна и вытягиваются, словно веер из кобр.

— А! — восклицает Исидор. — Загрузочные щупальца. А я гадал, где они скрываются.

Элоди приближается к нему странными резкими шагами. Кончики щупалец светятся. До Исидора наконец доходит, что он и впрямь может опоздать на вечеринку.

— Не надо было тебе назначать встречу в уединенном

месте, — говорит Элоди. — И стоило прихватить с собой твоего наставника. Друзья Себа заплатят и за тебя тоже. Может, даже больше, чем за *него*.

Загрузочные щупальца лучами света устремляются вперед. Исидор ощущает десяток уколов в голову, а потом странное оцепенение. Он перестает контролировать свои движения и понимает, что вопреки собственной воле поднимается со стула. Элоди стоит перед ним, разведя руки в стороны, словно кукловод.

— Значит, он так и сказал? Что все это несерьезно? Что твоего отца, несмотря ни на что, восстановят? — Слова даются ему с трудом. — Смотри.

Исидор приоткрывает свой гевулот и делится с ней воспоминаниями о преисподней, о том, как ее отец в подземном зале кричит, мечется и умирает, снова и снова.

Широко раскрыв глаза, она не сводит с него взгляда. Щупальца опускаются. У Исидора подкашиваются ноги. Бетонный пол очень твердый.

— Я не знала, — говорит она. — Он никогда… — Она переводит взгляд на свои руки. — Что я наделала…

Ее пальцы сжимаются, словно когти, щупальца повторяют это движение, сверкают в ее волосах и исчезают в голове. Элоди падает на пол, судорожно дергая руками и ногами. Исидор не хочет на это смотреть, но он не в силах пошевелиться, не может даже закрыть глаза.

— Это наиболее яркое проявление глупости, которое мне доводилось видеть, — произносит Джентльмен.

Исидор слабо улыбается. Лечебная пена на голове кажется ему ледяным шлемом. Он лежит на носилках за стенами фабрики. Мимо проходит Воскреситель в темной одежде и стройные биодроны из преисподней.

— Я никогда не был сторонником заурядности, — говорит он. — Вы поймали василева?

— Конечно. Это мальчишка, Себастьян. Он пришел в магазин и пытался купить платье, утверждая, что хочет сделать сюрприз Элоди и немного отвлечь ее от грустных мыслей. Уничтожил себя при поимке, как делают все они, и при этом выкрикивал федоровские[15] лозунги. Чуть не достал меня оружейным вирусом. Его гевулот подвергнется исследованию: я не думаю, что Элоди была единственной.

— А что с ней?

— Воскресители знают свое дело. Если смогут, они ее восстановят. Я полагаю, после этого она досрочно станет Спокойной, все зависит от того, что скажет Голос. Но

демонстрировать ей то воспоминание было неправильно. Это причинило ей боль.

— Я сделал то, что должен был сделать. Она это заслужила, — отвечает Исидор. — Она преступница. — Воспоминание о смерти шоколатье еще отзывается у него в животе холодной тяжестью.

Джентльмен снимает шляпу. Под ней маска из неизвестного материала, повторяющая очертания черепа, каким-то образом она делает его моложе.

— А ты преступно глуп. Ты должен был открыть гевулот для меня или назначить встречу где-нибудь в другом месте. А насчет того, что она заслужила… — Джентльмен осекается.

— Вы знали, что это она, — произносит Исидор.

Джентльмен молчит.

— Я уверен, вы знали это с самого начала. И дело не в ней, а во мне. Что это за испытание?

— Ты должен был понять, почему я не сделал тебя одним из нас.

— Почему же?

— Есть одна причина, — отвечает Джентльмен. — В давние времена на Земле те, кого называли наставниками, зачастую были *целителями.*

— Я не понимаю, как все это связано, — говорит Исидор.

— Я знаю, что ты не понимаешь.

— Как? Неужели я должен был ее отпустить? Проявить милосердие? — Исидор покусывает губы. — Это не метод раскрытия тайн.

— Верно, — соглашается Джентльмен.

Под этим единственным словом что-то скрывается, Исидор чувствует это. Гнев помогает уловить суть.

— Я думаю, вы лжете, — заявляет Исидор. — Я не наставник, потому что я не целитель. Безмолвие тоже не целитель. Причина в том, что вы кому-то не доверяете. Вам понадобился сыщик, который не был воскрешен. Сыщик, который умеет хранить секреты. Вам нужен сыщик, готовый охотиться за криптархами.

— Такого слова не существует. — Джентльмен надевает шляпу и поднимается. — Благодарю за помощь.

Наставник дотрагивается до лица Исидора. Прикосновение бархата кажется удивительно легким и мягким.

— Между прочим, — добавляет Джентльмен, — ей не понравятся шоколадные башмачки. Вместо них я взял для тебя трюфели.

Он уходит. На траве остается аккуратно перевязанная красной ленточкой коробка шоколада.

Интерлюдия
Король

Король Марса может увидеть все, но есть места, куда он предпочитает не заглядывать. И космопорт, как правило, остается одним из таких мест. Однако сегодня Король лично присутствует здесь, чтобы убить старого друга.

Зал прибытия построен в старом стиле Королевства — огромное пространство под высоким куполом. В зале разноцветная толпа приезжих из других миров. Они осторожно двигаются, стараясь привыкнуть к марсианской гравитации и ощущению гостевого гевулота на коже.

Невидимый и неслышимый для всех, Король проходит мимо чужаков: аватары Царства, сухопарые жители Пояса в медузообразных экзоскелетах, порхающие Быстрые, зоку с Сатурна в базовых телах. Король останавливается перед статуей герцога Офира и вглядывается в потрескавшееся лицо, осквернённое Революционерами. Сквозь прозрачный купол высоко над залом он видит «бобовый стебель»,[16] невероятную линию, перечеркивающую небо цвета ржавчины и вызывающую головокружение у каждого, кто пытается проследить за ней взглядом. К горлу подступает тошнота: навязчивое состояние, вживленное бесцеремонной рукой столетия назад, все еще присутствует.

Ты принадлежишь Марсу, утверждает оно. *Ты никогда его не покинешь.*

Сжав кулаки, Король заставляет себя смотреть, сколько хватает сил, раскачивая в голове воображаемую цепь. Затем он закрывает глаза и начинает поиски другого невидимого человека.

Он позволяет своему мысленному взору скользить по толпе, заглядывать в лица и глаза, отыскивая следы манипуляций в недавних воспоминаниях, словно потревоженные листья в лесу. Надо было сделать это раньше. Личное присутствие в этом месте дает странное ощущение чистоты. За долгие годы Король стал почти одинаково воспринимать воспоминания и действия, и резкий привкус реальности кажется бодрящим.

Заключенная в память ловушка почти незаметна, она прячется в свежей экзопамяти аватара Царства, глазами которого смотрит сейчас Король. И она действует в обе стороны: воспоминания о воспоминаниях почти затягивают Короля в бесконечный туннель дежавю, увлекают, словно головокружение при взгляде на «бобовый стебель».

Но Король искусен в играх памяти. Усилием воли он заставляет себя оставаться в настоящем, изолирует отравляющие сознание воспоминания, возвращается к их источнику, слой за слоем снимает пласты экзопамяти, пока не остается зерно реальности: худой лысый мужчина со впалыми висками в плохо подогнанной форме Революционера, стоящий в нескольких метрах и глядящий на него темными глазами.

— Андре, — с упреком окликает его Король, — что ты себе позволяешь?

Человек окидывает его дерзким взглядом, и на мгновение из глубин сознания Короля всплывает давнее воспоминание об аде, через который им пришлось пройти вместе. *Как жаль.*

— Время от времени я появляюсь здесь, — говорит Андре. — Иногда хочется выглянуть из нашего аквариума с золотыми рыбками. Так приятно посмотреть на небо и гигантов вдали.

— Но ты здесь не ради этого, — негромко произносит Король. Его голос звучит мягко, по-отечески. — Я не понимаю. Мы же договорились. Больше никаких сделок с ними. А ты опять здесь. Неужели ты действительно думал, что я тебя не вычислю?

— Грядут перемены, — вздыхает Андре. — Мы больше не сможем выживать. Основатели проявляли слабость, но скоро все закончится. Они сожрут нас, друг мой. И даже ты не сумеешь их остановить.

— Выход всегда найдется, — отвечает Король. — Только не для тебя.

Из учтивости Король дарит ему быструю истинную смерть. Вспышка ку-винтовки зоку, легкая рябь экзопамяти, стирающая все следы личности, которая когда-то была Андре, его другом. Король усваивает все, что ему было нужно от Андре. Прохожие вздрагивают от неожиданного жара, а потом забывают об этом.

Король поворачивается, чтобы уйти, и видит мужчину и женщину. Мужчина в темном костюме и очках с голубыми линзами, женщина сутулится от гравитации, словно старуха. И впервые за все время, проведенное в космопорте, Король улыбается.

Глава четвертая
Вор и нищий

Шагающий город Ублиетт, Устойчивый проспект, ясное утро, погоня за воспоминаниями.

Улицы здесь меняют свое направление и местоположение, когда движущиеся платформы покидают городской поток или снова к нему присоединяются, но этот широкий проспект всегда возвращается на свое место, несмотря ни на что. По обеим его сторонам растут вишневые деревья и расходятся улочки, ведущие в Лабиринт, где скрываются тайны. Здесь есть магазинчики, которые можно найти только однажды, в них торгуют игрушками времен Королевства, старыми жестяными роботами с древней Земли и мертвыми камнями зоку, падающими с неба. И двери, которые обнаруживаются только в том случае, если вы скажете нужное слово, или съели нужную пищу накануне, или влюблены.

— Благодарю за то, что привел меня в ад, — говорит Миели.

Я снимаю голубые солнцезащитные очки и улыбаюсь ей. Она явно страдает от гравитации и двигается, словно старуха: пока мы здесь временные граждане, она вынуждена скрывать свои возможности.

Я видел не много мест, менее похожих на ад. Над головой густая голубизна неба кратера Эллада, тучи белых планеров с огромными крыльями, цепляющимися за разреженную марсианскую атмосферу. Высокие замысловато выстроенные здания, словно дома belle époque[17] Парижа, не обремененные силой тяжести, башни из красного камня с балконами и галереями. Паукебы проворно перепрыгивают с крыши на крышу. Сверкающий купол колонии зоку виднеется в Пыльном районе, где красное облако, поднятое городскими ногами, вздымается, словно плащ. Слабое покачивание, ощутимое, если стоишь неподвижно, напоминает о том, что этот город странствует на спинах Титанов.

— Ад, — говорю я ей, — это такое место, где собираются все интересные люди.

Миели искоса смотрит на меня. Немного раньше, на «бобовом стебле», у нее было скучающее лицо все познавшего человека, по которому я определил, что она впитывает информацию, готовится.

— Мы здесь не для того, чтобы любоваться видами, — говорит она.

— Как раз для этого. Где-то здесь осталась ассоциативная

память, и я должен ее найти. — Я подмигиваю. — Это может занять некоторое время, так что постарайся не отставать.

Мускульная память наконец восстановилась, и я увеличиваю дистанцию между нами, переходя на скользящий размашистый шаг Джона Картера,[18] какой принят у окружающих нас высоких марсиан. За время моего отсутствия мода сильно изменилась. Теперь лишь немногие носят ничем не примечательные светлые брюки и рубашки, отдаленно напоминающие старую форму Революционеров. Вместо них в ходу пышные костюмы с оборками и шляпы, а еще абстрактные произведения зоку из интеллектуальной материи, имеющие большее отношение к геометрии, нежели к одежде. И почти никто не скрывается под полным покровом уединения. Это проспект: здесь принято выставлять себя напоказ.

И конечно, единственное, что не меняется, — это Часы: всех форм и размеров — на браслетах, пряжках, ожерельях и кольцах. Все они отмеряют Время, Время Достойных, время человеческого существования, которое каждый должен заработать неустанным трудом в состоянии Спокойных. Мне приходится сдерживать инстинкты вора-карманника.

На агоре Революции я останавливаюсь и поджидаю Миели. На этой площади стоит один из революционных монументов — невысокая плита из вулканической скалы, обработанная Спокойными. На ее поверхности микроскопическим шрифтом высечены имена миллиардов гоголов, привезенных с Земли. По бокам от памятника журчат небольшие фонтаны. Я помню, что бывал здесь, бывал много раз.

Но кем я был? И чем занимался?

Марсианское вино вызвало воспоминания, но никаких четких образов не возникло: просто в сознание выплеснулись разноцветные брызги. Там была девушка по имени Раймонда и еще что-то под названием Тиберменил. Возможно, Миели права: не стоит рассчитывать, что мое прежнее «я» волшебным образом подскажет, куда двигаться дальше, лучше попытаться применить систематический подход. Я должен вернуть долг ей и ее таинственным нанимателям, и чем скорее я с этим разберусь, тем лучше.

Я сажусь на кованую железную скамью на краю площади, у самой границы публичного круга. Общество Ублиетта уважает право на уединение, но только не на агорах: здесь принято демонстрировать себя публике. Выходя с улиц на площадь, люди инстинктивно меняют свое поведение: выпрямляют спины, двигаются с преувеличенной осторожностью и приветствуют друг друга короткими кивками. То, что происходит здесь, остается в

памяти каждого и доступно всем. Это место публичных обсуждений, средоточие демократии, где вы можете попытаться повлиять на Голос, электронную систему правления Ублиетта. И еще агора очень полезна для крипто-архитекторов: здесь, в пространстве общедоступной информации, можно проследить эволюцию города.

Откуда я все это знаю?

Я мог почерпнуть эти сведения из фрагмента экзопамяти, полученного вместе с временным гражданством и Часами, которые купила для нас Миели. Но нет. Я не щурился — не сосредоточивался сознательно на поиске информации в коллективной базе Ублиетта. Это означает, что я являлся гражданином Ублиетта прежде, по крайней мере, некоторое время. Следовательно, у меня были Часы, а здесь наличие Часов подразумевает и обладание экзопамятью, вместилищем мыслей и желаний, которые сохраняют твою личность при переходе от Достойного к Спокойному. Может, именно это мне и следует искать: Часы того, кем я здесь был?

Я прокручиваю эту мысль в голове. Идея почему-то кажется мне слишком *простой,* слишком примитивной, слишком хрупкой. Пошел бы на такое прежний я? Стал бы доверять секреты экзопамяти гражданина Ублиетта? Меня пробирает дрожь, когда я понимаю, что не имею об этом ни малейшего представления.

Я ощущаю потребность сделать что-нибудь, что поможет мне снова почувствовать себя самим собой, поэтому поднимаюсь и иду вдоль края площади, пока не обнаруживаю красивую девушку. Она сидит на скамье рядом с общественным фабрикатором и надевает только что взятые из автомата роликовые коньки с огромными колесами из интеллектуальной материи. На девушке белый топ и шорты. Обнаженные ноги, словно отлитые из золота, идеальной длины и формы.

— Привет. — Я дарю ей лучшую из своих улыбок. — Я ищу Революционную библиотеку, но мне говорят, что карты города не существует. Не можете ли вы указать хотя бы верное направление?

Она морщит загорелый носик и исчезает, а вместо нее появляется серая метка-заполнитель гевулота. А потом девушка убегает, и серый сгусток быстро движется по проспекту.

— Я смотрю, ты любуешься видами, — говорит Миели.

— Двадцать лет назад она улыбнулась бы мне в ответ.

— Так близко к агоре? Не думаю. Кроме того, ты неумело воспользовался гевулотом: надо было сделать этот разговор приватным. Ты уверен, что жил здесь?

— Кое-кто прекрасно выполнил домашнее задание.

— Да, — отвечает она.

Я в этом не сомневаюсь: она использовала все возможности, предоставляемые нашим временным гражданством и доступом в общественную экзопамять.

— Меня это немного удивляет. Если ты и в самом деле жил здесь в последние два десятилетия, ты или выглядел иначе, или никогда не посещал площадей и общественных мероприятий. — Она смотрит мне в глаза. У нее на лбу выступает испарина. — Если ты каким-то образом подделал эти воспоминания, если это попытка сбежать, ты быстро убедишься, что я к этому готова. И последствия придутся тебе не по вкусу.

Я снова опускаюсь на скамью и смотрю на площадь. Миели, держа спину абсолютно прямо, садится рядом, и со стороны видно, насколько ей неудобно. Сила тяжести причиняет ей боль, но она ни за что в этом не признается.

— Это не попытка сбежать, — говорю я. — Я помню о своем долге перед тобой. Все вокруг выглядит знакомым, так что мы прибыли в нужное место. Но я не представляю, каким должен быть следующий шаг. Я не нашел никаких следов этого Тибермениля, но это и не удивительно: здесь не один пласт тайн. — Я усмехаюсь. — Уверен, что прежний я развлекается, наблюдая за нами. Честно говоря, он может оказаться умнее нас обоих.

— Прежний ты угодил в тюрьму, — отзывается она.

— Туше. — Я перекачиваю частицу времени из своих Часов (небольшой серебряный диск на прозрачном браслете; тонкая стрелка передвигается на миллиметр) в стоящий у скамьи фабрикатор. Аппарат выплевывает темные очки. Я протягиваю их Миели. — Вот, попробуй.

— Зачем?

— Чтобы скрыть выражение Гулливера на лице. Ты не слишком подходишь этой планете.

Миели хмурится, но медленно надевает очки. Они подчеркивают ее шрам.

— Знаешь, — говорит она, — сначала я собиралась законсервировать тебя на «Перхонен», а самой отправиться сюда, собрать сенсорную информацию и закачивать ее в твой мозг, пока к тебе не вернется память. Но ты прав. Это место мне не нравится. Здесь слишком много шума, слишком много пространства, слишком много всего.

Она откидывается на спинку скамьи, вытягивает руки и поджимает ноги, принимая позу лотоса.

— Но у них теплое солнце.

И в этот момент я замечаю босоногого мальчишку примерно

пяти марсианских лет, который машет мне рукой с противоположного края площади. И его лицо мне знакомо.

Знаешь, когда все закончится, я намерена его убить, Миели обращается к «Перхонен», улыбаясь вору.

Даже без предварительных мучений? Ты проявляешь признаки слабости.

Корабль остался на высокой орбите, и их нейтринная связь, тщательно скрытая от параноидальных технологических анализаторов Ублиетта, позволяет только поддерживать разговор.

Это еще один недостаток планеты, хотя и не такой скверный, как постоянная тяжесть и упрямое нежелание предметов зависать в воздухе, когда их выпускают из рук. Как ни стыдится Миели усовершенствований Соборности, произведенных в ее теле, приходится ими пользоваться.

Но секретность — одно из главных условий миссии. Поэтому она носит оболочку временного гевулота, выданного им таможенниками в черных панцирях на станции «бобового стебля» (*запрещено импортировать нанотехнологии, ку-технологии, технологии Соборности; запрещено ввозить запоминающие устройства, способные хранить базовый разум, запрещено…*), скрывает свой метамозг, скелет из ку-камня, виртуальное оружие и все остальное под камуфляжным обликом и страдает.

Есть что-нибудь новое из общественной экзопамяти? спрашивает Миели. *Или от таинственного осведомителя, который предпочитает не показываться?*

Нет, отвечает «Перхонен». *Гоголы занимаются этим, но материала слишком много. Пока нет никаких двойников ни Тиберменилья, ни Фламбера. Я бы на твоем месте заставила этого парня усерднее зарабатывать свою свободу.*

Миели вздыхает.

Я не это рассчитывала услышать.

До сих пор единственным плюсом во всем этом деле был искусственный солнечный свет из яркой точки в небе, бывшей когда-то Фобосом. *По крайней мере, мой венерианский загар быстро восстановится.*

— Чтобы скрыть выражение Гулливера на лице, — повторяет вор.

Внезапно Миели перестает понимать, что происходит: ее охватывает невыносимое ощущение дежавю. *Будь проклята эта биотическая связь, доверься Пеллегрини, и наверняка сойдешь с ума.* В своем кото,[19] еще на Оорте, она жила в ледяной пещере вместе с двумя десятками других людей, и жилое пространство, выдолбленное в комете, было не больше «Перхонен». Но там не возникало ничего похожего, никакого беспокойства по поводу

чужих мыслей, передаваемых через канал квантовой связи, как сейчас. Большую часть она отфильтровывает, но время от времени какие-то мысли и чувства все же просачиваются в ее сознание.

Миели качает головой.

— Ладно, — говорит она. — «Перхонен» подсказывает, что нам придется прибегнуть к старым методам. Будем продолжать идти, пока…

Она обращается к пустому месту. Вора нигде не видно. Миели снимает очки и разглядывает их, пытаясь обнаружить какое-то устройство, обеспечившее вору возможность ускользнуть. Но в очках нет ничего, кроме пластика.

«Перхонен»! Куда он подевался, черт побери?

Я не знаю. Биотическая связь есть только у тебя. В голосе корабля ей чудится некоторое веселье.

— Витту! Перкеле! Сатана![20] — Она ругается вслух. — Он за это заплатит.

Проходящая мимо пара с ребенком в белых костюмах Революционеров смотрит на нее с удивлением. Миели неумело обращается мыслями к интерфейсу своего гостевого гевулота. *Уединение.* Непривычное ощущение скованности подсказывает, что вместо нее окружающие видят только метку-заполнитель.

Гевулот. Конечно. Я идиотка. Между ее *локальной* и экзопамятью существует граница. Вор послал ей воспоминание о последних секундах их разговора, и ее примитивный гевулот воспринял его. *Я разговаривала с воспоминанием.*

Миели испытывает резкий и неожиданный приступ отвращения к самой себе. Все это напоминает ей болезнь, перенесенную в детстве: на зубах стали появляться острые наросты, которые больно царапали десны. Карху[21] вылечил ее песней, но было невозможно удержаться, чтобы не трогать выступы языком. Она проглатывает неприятное ощущение и старается сосредоточиться на биотической связи.

Это трудно сделать без помощи метамозга, но и обнаруживать себя тоже нельзя. Поэтому Миели просто пытается сконцентрироваться на части своего сознания, соединенной с вором. Это все равно что думать об ампутированной конечности. Миели закрывает глаза…

— Леди, проявите милосердие, — слышится рядом грубый и хриплый голос.

Перед ней стоит нагой человек, лишь самая интимная часть его тела прикрыта серым пятном гевулота. Человек очень бледен и лыс. У него красные глаза, как будто он только что плакал. Единственный предмет на его теле — Часы, блестящий диск на

толстом металлическом браслете, болтающемся на костлявой руке.

— Проявите милосердие, — повторяет он. — Вы пришли со звезд, вы проведете здесь несколько приятных моментов, а потом вернетесь к роскоши, к бессмертию. Пожалейте того, кому осталось всего несколько мгновений жизни перед тем, как придется искупать свои грехи. Скоро за моей душой придут и бросят ее в пасть безмолвной машины, так что я даже не смогу крикнуть от боли…

Ты в порядке? «Перхонен» обеспокоена. *Что происходит?*

Миели пытается повторить тот же трюк с гевулотом, что и несколько минут назад, — воздвигнуть преграду между собой и этим безумцем, но интерфейс гевулота сообщает, что она заключила контракт с другой личностью о поверхностном взаимодействии в течение следующих пятнадцати минут.

Передо мной стоит голый сумасшедший, беспомощно жалуется она кораблю.

Я думала, он сбежал.

— Если бы вы подарили мне несколько драгоценных секунд, незначительную толику вашего времени, я бы открыл вам все свои секреты. При Дворе Короля я был Графом, Достойным, совсем не таким, каким вы видите меня сейчас. У меня был роботизированный замок и миллион гоголов в распоряжении. А в Революцию я сражался в армии Герцога Тарсиса. Вы должны увидеть настоящий Марс, старый Марс, и я все это вам обеспечу за несколько подаренных секунд… — По вытянутому бледному лицу уже струятся слезы. — У меня осталось только несколько десятков секунд, проявите милосердие…

Не переставая ругаться, Миели поднимается со скамьи и идет вперед, лишь бы отделаться от нищего. Вдруг ее поражает неожиданная тишина. Она останавливается посреди площади.

Марсиане двигаются особенно осторожно. Никто никого не приветствует. Туристы — несколько Быстрых, похожих на светлячков, полиморф с изящными конечностями из зоку Ганимеда и другие — прекращают рассматривать через парящие линзы списки на монументе и поворачиваются в ее сторону.

А нищий уже дергает ее за край одежды.

— Одну минуту, даже несколько секунд за все тайны Марса…

Он уже полностью обнажен, гевулот не защищает его на агоре. Миели отталкивает его руку, применяя обычную человеческую силу, вместо того чтобы вырвать конечность из сустава. Но нищий испускает пронзительный крик и валится на землю к ее ногам, по-прежнему цепляясь за одежду и не умолкая. Теперь Миели уверена, что на них смотрят абсолютно все, хотя

кажется, будто никто не обращает внимания.

— Ладно, — соглашается она и поднимает свои Часы, хрустальную модель, выбранную из-за сходства с оортианскими украшениями. — Десять минут. Я потеряю больше, чтобы избавиться от тебя.

Она мысленно обращается к Часам, и золотая стрелка немного сдвигается. Нищий вскакивает и облизывается.

— Благослови вас призрак Короля, добрая леди, — говорит он. — Незнакомец сказал, что вы великодушны.

— Незнакомец? — переспрашивает Миели, хотя уже знает, о ком идет речь.

— Незнакомец в очках с голубыми линзами, да пребудет с ним благословение, и с вами тоже. — На лице нищего появляется широкая ухмылка. — Должен вас предупредить, — деловым тоном сообщает он. — Я бы на вашем месте поторопился уйти с площади. — Вокруг Миели уже расходятся все, кроме туристов. — Кровь, вода. Уверен, вы меня поняли. — И он бросается бежать на своих тощих ногах.

Я обязательно подвергну вора мучениям, обещает Миели. *Кровь и вода. Что он хотел этим сказать?*

На Земле, отвечает «Перхонен», *существовал тип рыб, называемых акулами. Я думаю, нищие, которые клянчат Время, просматривают доступную экзопамять, например, информацию с площадей. Здесь не принято уединение, и они увидят, что ты поделилась Временем с…*

Внезапно на площади слышится топот босых ног, и Миели оказывается лицом к лицу с целой армией нищих.

Я бегу за мальчишкой сквозь толпу, заполняющую проспект. Маленький негодник неизменно остается впереди, отлично ориентируясь в чаще ног, его босые пятки мелькают со скоростью иглы фабрикатора. Я расталкиваю прохожих локтями, выкрикиваю извинения и оставляю за собой хвост сердитых серых вспышек гевулотов.

Я почти настигаю его у остановки паукебов, откуда расходится сотня улочек, ведущих в Лабиринт. Мальчишка замедляет шаг перед длинноногими машинами — разукрашенными безлошадными повозками, сложившими свои медные опоры в ожидании пассажиров, — и смотрит на них с нескрываемым восхищением.

Я медленно приближаюсь к нему, скрываясь в толпе. Его *структура* другая по сравнению со всем, что меня окружает, она отличается какой-то резкостью. Возможно, это из-за грязи на его лице, или из-за ветхой коричневой одежды, или темно-карих глаз,

таких редких среди марсиан. Осталось всего несколько метров…

Но он просто дразнит меня. Мой бросок он встречает негромким смехом, а потом проскальзывает под длинноногими экипажами. Я слишком велик, чтобы последовать за ним, и вынужден обходить машины и толпящихся вокруг пассажиров.

Этот мальчишка — я. Я помню его по своим снам. Воспоминания задавлены под тяжестью столетий, словно бабочка под прессом, — они такие же хрупкие и рассыпаются, стоит к ним прикоснуться. В них была пустыня и солдат. И женщина в палатке. Возможно, мальчик существует только в моем сознании. Возможно, это какая-то конструкция, оставленная моим прежним я. В любом случае я должен это выяснить. Я выкрикиваю имя, но не Жана ле Фламбера, а то, давнее имя.

Я пытаюсь прикинуть время до того момента, когда Миели сумеет преодолеть незначительное препятствие и пристрелит меня или отправит в какой-нибудь новый ад. Возможно, у меня всего несколько минут, чтобы выяснить что мальчишка может мне сказать, пока не появился надсмотрщик, заглядывающий через плечо. Мальчишка мелькает в толпе и исчезает в улочке, ведущей в Лабиринт. У меня вырывается проклятье, но я не прекращаю погоню.

В Лабиринте сходятся массивные платформы и другие компоненты города, оставляя при этом место для сотен небольших непрерывно перемещающихся фрагментов. При этом образуются неожиданные возвышенности и извилистые переходы, которые, пока ты по ним идешь, могут менять направление, но настолько плавно, что понять это можно, только наблюдая за горизонтом. Никаких карт этого места не существует, есть только гиды-светлячки, за которыми следуют самые отчаянные туристы.

Я бегу вниз по крутому склону, вымощенному булыжником, и постепенно удлиняю шаги. Искусством бега на Марсе я никогда не владел в совершенстве, и как только мостовая подо мной слегка перемещается, я неудачно приземляюсь после особенно длинного прыжка и качусь еще несколько метров.

— Вы в порядке?

Надо мной с балкона через перила свешивается женщина с газетой в руке.

— Все нормально, — сквозь стон отвечаю я, в полной уверенности, что изготовленное в Соборности тело, которое выдала мне Миели, не так-то легко повредить. Но имитированная боль от удара копчика — это все равно боль. — Здесь не пробегал мальчик?

— Вы имеете в виду этого мальчика?

Сорванец стоит всего в сотне метров от меня и корчится от

смеха. Я с трудом поднимаюсь и снова бегу.

Мы все глубже и глубже погружаемся в Лабиринт, мальчишка по-прежнему держится впереди, но не слишком далеко, с одинаковой легкостью пробегая по булыжным мостовым, мрамору, искусственной траве и дереву.

Мы пробегаем через небольшие китайские кварталы с их высокими буддистскими храмами, фасады которых украшены красными и золотыми драконами; через временные рынки, пропахшие синтетической рыбой; мимо группы Воскресителей в черных одеяниях, сопровождаемых только что рожденными Спокойными.

Мы пробегаем целые улицы, затуманенные гевулотом, — возможно, это район красных фонарей, — и пустые улицы, где медлительные строители-Спокойные в оранжевых панцирях — крупнее, чем слоны, — красят новые дома в пастельные тона. Здесь я почти теряю мальчишку, отвлекшись на громкий шум и странный запах огромных существ, напоминающий запах морских водорослей, но вскоре вижу, как он машет мне со спины одного из строителей, а потом проворно прыгает вниз.

На некоторое время за нами увязывается группа ребят на роликах, ошибочно приняв нашу гонку за новую уличную игру. Юноши и девушки, одетые по моде Королевства — в корсетах, расклешенных юбках и напудренных париках, — предусмотрительно уступают дорогу мчащимся мальчишкам, а те отталкиваются от стен и совершают головокружительные сальто между крышами, опираясь большими колесами на любую поверхность. Они ободряют меня криками, и на мгновение я задумываюсь, не потратить ли немного Времени, чтобы купить у них пару роликовых коньков, но воображаемая боль в спине заставляет меня продолжать путь пешком.

Я каждую секунду жду, что мое тело прекратит подчиняться, и Миели подвергнет меня какому-нибудь наказанию. Тем не менее мне хочется увидеть ее лицо.

В старом парке роботов я окончательно выбиваюсь из сил. Проклиная тот факт, что я не в состоянии соперничать с существом, обладающим обычным человеческим телом, я опускаюсь на колени, дыхание со свистом вырывается из груди, глаза жжет стекающий по лицу пот.

— Послушай, — говорю я, — давай вести себя благоразумно. Если ты часть моего сознания, я могу рассчитывать на твое благоразумие.

Хотя я не отличался благоразумием в его возрасте. Впрочем, и в другом возрасте тоже.

Парк выглядит странно знакомым. Это участок старого

Королевства, подобранный и поглощенный городом во время странствия по марсианской пустыне и перемещенный сюда загадочным городским метаболизмом. Окруженная высокими синагогами открытая площадка вымощена черными и белыми мраморными плитами величиной примерно в пять квадратных метров, образующими поле десять на десять. По краям кто-то посадил деревья и цветы: зеленые, красные, белые и фиолетовые брызги нарушают аккуратные монохромные границы. Мальчишки нигде не видно.

— У меня мало времени. Леди со шрамом на лице скоро придет за нами обоими, и она будет очень сердита.

На каждом квадрате стоит по огромной машине: средневековые рыцари, самураи и легионеры в затейливо украшенных доспехах, в шлемах с открытым забралом и с грозным, усеянным шипами оружием. Пластины брони местами заржавели, а пустые шлемы некоторых фигур превратились в цветочные горшки, из которых свисают гроздья бегоний и бледных марсианских роз. Фигуры замерли в боевой позиции, и когда я, затаив дыхание, приглядываюсь, мне мерещится, что некоторые из них медленно двигаются. Что-то подсказывает мне, что если долго стоять и смотреть, они разыграют партию, начатую давно умершими игроками.

Снова раздается смех. Я оборачиваюсь. Мальчишка свешивается с руки отдельно стоящего красного робота, застывшего с поднятым оружием, по форме напоминающим косу. Я прыгаю вперед, намереваясь схватить сорванца, но его там уже нет. И я падаю во второй раз за время погони, приземляясь прямо на клумбу с розами.

Все еще не дыша, я медленно перекатываюсь в сторону. Шипы впиваются в одежду и кожу.

— Маленький негодяй! — восклицаю я. — Ты выиграл.

Яркий луч Фобоса — проходящего по небу за восемь часов — попадает в открытый шлем робота. Внутри блестит что-то серебристое. Я поднимаюсь на ноги, подхожу ближе и начинаю карабкаться вверх, цепляясь за доспехи. Марсианская гравитация облегчает задачу. Я роюсь в пыли внутри шлема и нащупываю металлический предмет. Это Часы, с массивным серебряным браслетом и медным циферблатом. Стрелка прочно застыла на нуле. Я быстро прячу находку в карман, чтобы потом внимательно рассмотреть.

Внизу раздаются шаги, и их сопровождает резкий запрос гевулота. Я не пытаюсь прятаться.

— Привет, Миели, — говорю я. — Я больше не могу бежать. Не отсылай меня, пожалуйста, в ад, я буду хорошо себя вести.

— Ад? — раздается сердитый голос. — Ад — это люди. — Я смотрю вниз. На меня уставился человек с морщинистым лицом и седыми волосами, на нем синий рабочий комбинезон, а в руках грабли. — Если ты не заметил, это не яблоня, — произносит он. А потом хмурится: — Будь я проклят! Это ты?

— А мы встречались?

— Разве ты не Поль Сернин?

Глава пятая
Сыщик и зоку

Исидор успевает почти вовремя.

Паукеб обойдется ему в сотню килосекунд, но это единственный способ быстро добраться до места. Исидор крепко держится за ремень безопасности. Экипаж — незаконнорожденный потомок паука, военной машины Г. Дж. Уэллса, и такси — перепрыгивает через крыши и цепляется за стены, кабину постоянно швыряет из стороны в сторону.

Исидор роняет коробку с конфетами и ругается, глядя, как она мечется по полу.

— Эй, у вас все в порядке? — спрашивает водитель, молодая женщина в традиционной красной маске с изображением паутины.

В постоянно меняющемся городе, где многие участки скрыты гевулотом, работа водителя состоит в том, чтобы определить, как доставить пассажира из пункта А в пункт Б. Подобное искусство рождает немалую гордость.

— Не беспокойтесь, я прекрасно вас довезу.

— Я в порядке, — отвечает Исидор. — Быстрее, пожалуйста.

Колония зоку расположена в носовой части города, в Пыльном районе, как раз над тем местом, где Спокойные-атланты подготавливают марсианский песок, чтобы тот выдержал тяжесть города. Границу колонии увидеть довольно легко: под красными тучами пыли широкие проспекты с фасадами в стиле belle époque и вишневыми деревьями уступают место сказочным алмазным замкам, напоминающим воплощенные математические законы. Вечерний свет преломляется и отражается на гладких призматических поверхностях и слепит глаза. Колония существует здесь уже двадцать лет, с тех пор, как зоку попросили убежища во время Протокольной войны, но ходят слухи, что она выросла из наносемени за одну ночь. Осколок империи квантовой технологии, управляющий внешними планетами, здесь, на Марсе. С тех пор, как Исидор стал встречаться с Пиксил, он силился понять странное отсутствие иерархии у зоку, но все попытки ни к чему не привели.

Еще несколько головокружительных прыжков, и паукеб останавливается перед похожим на собор зданием из стекла и света, с башенками, шпилями и готическими арками, расположенными через произвольные промежутки.

— Вот мы и прибыли, — говорит водитель. — Друзья в

высоких сферах, да? Не позволяйте им квантовать свой мозг.

Исидор расплачивается, горестно наблюдая, как сдвигается стрелка его Часов. Затем подбирает коробку с конфетами и оценивает повреждения. Она немного помялась, но в остальном выглядит целой. *В любом случае ей не с чем сравнивать.* Он выпрыгивает из такси и сильнее, чем это необходимо, хлопает дверцей. Затем направляется к лестнице, ведущей к массивным двустворчатым дверям. Галстук мешает ему дышать, и он нервно поправляет узел дрожащими пальцами.

— Вход только по приглашениям, — словно из-под земли раздается гулкий голос.

Сквозь дверь просачивается монстр. По его телу, словно по поверхности пруда, пробегает мелкая рябь. На монстре голубая форма швейцара и фуражка. Привратник почти три метра ростом, с зеленоватой кожей, похожим на сморщенный чернослив лицом, парой крошечных глаз и массивными желтыми клыками. В одном из них сверкает маленький камень зоку. Голос чрезвычайно низкий и неестественно гулкий, но человеческий.

Монстр протягивает руку. Предплечье покрывает ряд шипов — черных и острых, влажно поблескивающих. От монстра пахнет лакрицей. Исидор невольно сглатывает.

— У меня есть приглашение, — отвечает он и поднимает руку с кольцом сцепленности.

Монстр наклоняется и внимательно его изучает.

— Прием уже начался, — заявляет привратник. — Пропуск гостей закончен.

— Я немного опоздал, но леди Пиксил ждет меня, — говорит Исидор.

— Уверен, что ждет.

Я у входа, посылает он отчаянное кват-сообщение. **Знаю, я опоздал, но я здесь. Впусти меня, пожалуйста.**

Ответа нет.

— Бесполезно, — замечает монстр. Затем откашливается, прочищая горло. — Посвященный сцепленности прием — это важная традиция, олицетворяющая единство и сплоченность зоку и возникшая во времена древних гильдий метавселенной. В этот торжественный день мы уподобляемся нашим предкам. И никто не станет прерывать церемонию из-за опоздавшего гостя.

— Если это так важно, то почему ты здесь? — спрашивает Исидор.

Монстр выглядит смущенным.

— Оптимизация ресурсов, — бормочет он. — Кто-то должен остаться у дверей.

— Послушай, что такого страшного случится, если ты меня

пропустишь?

— Меня могут исключить из зоку, оставить без сцепленности. Одного, на чужой планете. Это очень плохо.

— А если я… — Исидор колеблется, — попытаюсь тебя подкупить?

Монстр окидывает его пристальным взглядом.

Проклятье, неужели я его оскорбил?

— Камни? Драгоценности? Золото?

— Нет.

Пиксил, это же абсурд!

— Шоколад.

— А что это такое?

— Какао-бобы, прошедшие особую обработку. Очень вкусно. Для… э… базовых существ. Вот это предназначается в подарок самой леди Пиксил. Попробуй одну.

Исидор пытается открыть коробку, но, потеряв терпение, разрывает крышку. Он бросает монстру изящно оформленный кусочек шоколада. Тот ловит его на лету.

— Вкусно, — говорит привратник. А потом выхватывает из рук Исидора всю коробку. Она с легким шуршанием исчезает в его глотке. — Очень вкусно. А нельзя ли получить и спайм? В Царстве это понравится.

— Это и был спайм.

— Как?

— У меня ничего не осталось. Это был физический объект.

— Проклятье, — огорчается монстр. — Эх, парень, это чересчур. Мне очень жаль, правда. Я не хотел… Слушай, думаю, я смогу их отрыгнуть, и мы все уложим обратно.

— Ладно, все в порядке.

— Знаешь, это рефлекс. Это тело подвержено всем внешним стереотипам. Я уверен, что мог бы создать, по крайней мере, копию…

Монстр широко открывает рот и начинает засовывать туда руку, изогнув ее под немыслимым углом.

— Могу я просто войти?

В горле монстра что-то булькает.

— Конечно, конечно. Не стоит об этом и говорить. Я же не какой-нибудь подонок, верно? Развлекайся.

Створки дверей распахиваются. Исидор входит, и мир тотчас резко меняется. Что ему ненавистно в Пыльном районе, так это постоянные игры с реальностью. Зоку даже не пытаются спрятать свои тайны под покровом повседневности, а просто воздействуют на зрительную кору вашего мозга, слой за слоем нагромождая спаймы и расширения реальности, так что уже невозможно

определить, что находится за всем этим. И неожиданное ощущение *открытости,* отсутствие ограничений гевулота, вызывает у Исидора нечто вроде головокружения.

Внутри нет ничего похожего на алмазный храм. Исидор оказывается в большом помещении с трубами и проводами на стенах и высоким потолком. В горячем воздухе стоит запах озона и застарелого пота. Пол неприятно липкий. Тусклые неоновые лампы освещают древние на вид, громоздкие плоские экраны на низеньких столиках, демонстрирующие аляповатые изображения каких-то анимационных персонажей и движущиеся абстрактные фигуры. Звучит громкая до головной боли музыка.

Участники вечеринки прохаживаются вдоль столиков и беседуют друг с другом. Все они выглядят на удивление… *по-человечески.* На их бледных телах самодельные короткие кольчуги. Кое-кто одет в наряд из картонок. У некоторых имеются игрушечные мечи. И все носят с собой коробочки с проводами или схемные платы, подвешенные к поясу.

— Привет. Хочешь поучаствовать в сцепленности?

Девушка похожа на пухлого эльфа с розовыми волосами. На голове у нее прицеплены большие кошачьи уши, на лице слишком много косметики, а на чрезмерно обтягивающей майке непристойная сцена с участием большеглазой женщины и еще *чего-то.* Из рюкзака торчит пара похожих на фаллосы серебристых ракет, и толстый кабель тянется от них к телефону с сенсорным экраном у нее в руках.

— Гм, я бы с радостью… — Исидор ослабляет узел галстука. — Но я ищу Пиксил.

Девушка смотрит на него широко раскрытыми глазами.

— Ого.

— Я понимаю, что опоздал, но…

— Все в порядке, вечеринка еще не началась, люди только приступают к сцепленности. Ты ведь Исидор, верно? Вот здорово! — Она размахивает руками и едва не подпрыгивает на месте. — Пиксил все время о тебе говорит! О тебе уже все здесь знают!

— Ты знаешь Пиксил?

— Конечно знаю, глупыш! Я Синдра. Я ее Легендарный Скакун!

Она сжимает рукой свою левую грудь, едва выступающую под розовой тканью.

— Классная аватара, правда? Сью И, из настоящего ку-клана! Я купила ее… Стоп, я не должна тебе об этом рассказывать, ты же играешь в «детектива», верно? Извини.

Услышав слова «Легендарный Скакун», Исидор обращается к

экзопамяти Ублиетта, но в колонии зоку она недоступна. *Будем надеяться, что это всего лишь метафора.*

— Ладно, а ты, гм, можешь мне сказать, где Пиксил?

— Нет.

— Почему нет?

— Глупыш, разве ты не понял: это костюмированный вечер! Нам придется ходить и выяснять, в кого она нарядилась.

Не успевает он и глазом моргнуть, как потная ладошка Синдры стискивает его руку и тащит в толпу.

— Ты себе не представляешь, как много людей хочет с тобой познакомиться. — Она подмигивает ему. — Знаешь, мы все поражены. Парень из Ублиетта! А что вы творите со своими телами! Плохо, очень плохо.

— Она рассказывала о…

— О, она рассказывает мне абсолютно *все!* Вот *они* точно знают, где она.

Синдра сворачивает к нескольким старым компьютерам, испускающим гудение и тепло. Вокруг, на бин-бэгах, расположились трое, но, на взгляд Исидора, ни один из них не может быть Пиксил. Хотя бы потому, что у двоих имеются бороды. Один из мужчин высокий и худой, в шортах, чем-то вроде красной туники, желтой кепке и маске домино. Второй более плотного телосложения, в свободной голубой блузе с оборванным подолом и маске, украшенной остроконечными ушами.

Третья в этой группе — маленькая, немолодая женщина с редкими светлыми волосами, морщинистым лицом, в очках и явно неудобных кожаных доспехах. Она сидит, держа на коленях меч. Оба мужчины в такт музыке раскачиваются на своих сиденьях взад и вперед.

Синдра хлопает худого мужчину по спине, вызвав при этом оглушительный взрыв на экране.

— Проклятье! — вскрикивает он и срывает очки. — Смотри, что ты наделала!

Мужчина в голубой блузе откидывается назад в своем кресле.

— Тебе предстоит многому научиться, Чудо-мальчик.

У Исидора пересыхает во рту. Он привык к приветствиям через гевулот, который связывает лица с именами и определяет социальный статус. Но эти люди остаются *незнакомцами.*

— Кто-нибудь видел Пиксил? — спрашивает Синдра.

— Эй, не выходи из образа! — ворчливо прикрикивает остроухий мужчина.

— Тьфу! — восклицает Синдра. — Это важно.

— Она была здесь секунду назад, — произносит худой, не сводя взгляда с экрана и двигая правой рукой какой-то маленький

белый предмет, производящий негромкие щелчки.

— Мы пытаемся ее найти. Кем она оделась?

— Я не знаю.

— Думаю, она изображала Макгонигал,[22] — отвечает остроухий. — Она компилировала игру в Вервольфа в дальней комнате. Но Пиксил не слишком изменила свой облик. Неубедительно.

— Оставайся здесь, — говорит Синдра Исидору. — Я пойду ее искать. Парни, это Исидор. Он — та-дам! — вторая половинка Пиксил. И он тоже геймер.

— Ого! — восклицает бородатый.

Женщина в коже смотрит на Исидора с явным любопытством.

— Исидор, эти шутники — старейшины зоку. Обычно они более вежливы. Дратдор, Сейджвин и, — Синдра слегка склоняет голову, глядя на женщину, — Старейшая. Они за тобой присмотрят. Я скоро вернусь. Рада, что ты здесь.

— Присаживайся. Выпей пива, — говорит Сейджвин, остроухий.

Исидор опускается на один из бин-бэгов.

— Спасибо. — Он берет банку с пивом, сомневаясь, что сумеет открыть ее. — Отличная вечеринка.

— Это не вечеринка, это старинный ритуал! — фыркает Дратдор.

— Простите. Пиксил не слишком распространялась на эту тему. Чему же посвящен прием?

— Расскажи ты, — обращается Дратдор к женщине. — У тебя это получается лучше.

— Она присутствовала при этом, — добавляет Сейджвин.

— Таким образом мы чтим наше наследие, — говорит Старейшая. У нее сильный голос, как у певицы. — Зоку очень старые, мы можем проследить свои корни до игровых кланов до-Коллапсовой эпохи. — Она улыбается. — Кое-кто очень хорошо помнит те времена. Как ты понимаешь, тогда еще не осуществлялась закачка мозгов. Конкуренция была очень жесткой, и приходилось использовать любую возможность, чтобы одержать верх над другой гильдией.

Мы первыми начали эксперименты с квантовыми экономическими механизмами в целях кооперации. Сначала это были всего лишь два сумасшедших отаку[23] из физической лаборатории, которые использовали сцепленные кубиты на основе ионных ловушек и внедряли их в свои игровые платформы, направляя атаки гильдии и срывая огромные прибыли в аукционных домах. Выяснилось, что с помощью сцепленности можно делать интересные вещи. Игры становятся

непредсказуемыми. Например, «Дилемма заключенного» с применением телепатии. Превосходная координация. Новое игровое равновесие. Мы обошли всех и загребли кучу золота.

— Мы и сейчас впереди всех, — вставил Дратдор.

— Ш-ш-ш. Но колдовство невозможно без сцепленности. Тогда еще не было спутников квантовой связи. Поэтому мы стали устраивать приемы вроде этого. Люди переносят свои кубиты и устанавливают сцепленность со всеми остальными. — Старейшая улыбается. — А потом мы поняли, что можно сделать при помощи рационального использования ресурсов, координации и взаимодействия между мозгом и компьютером.

Она легонько постукивает пальцами по рукояти меча. Отливающий фиолетовым цветом драгоценный камень размером с яйцо, прозрачный и многогранный, на фоне ее тусклых доспехов выглядит довольно странно.

— С тех пор произошло много событий. Мы пережили Коллапс. Построили город на Сатурне. Проиграли войну с Соборностью. Но время от времени не мешает вспомнить о том, с чего все началось.

— Пиксил никогда мне об этом не рассказывала, — говорит Исидор.

— Пиксил больше интересуется тем, куда она идет, чем тем, откуда пришла, — заявляет Старейшая.

— Так, значит, ты геймер? — спрашивает Дратдор. — Пиксил много рассказывала об играх, в которые вы играете там, ну, в Грязном Городе. Она говорит, это вдохновляет ее в работе, и я бы хотел услышать подробнее.

— Где мы играем?

— Иногда мы называем это место Грязным Городом, — поясняет Сейджвин. — В шутку.

— Понятно. Мне кажется, вы меня с кем-то путаете, на самом деле я не играю в игры…

Старейшая кладет руку ему на плечо.

— Я думаю, Исидор хочет сказать, что не считает свое занятие игрой.

Исидор хмурится.

— Послушайте, я не знаю, что именно говорила вам Пиксил, но я изучаю историю искусства. Еще меня называют сыщиком, но только из-за того, что мне нравится разгадывать загадки.

При этих словах он снова ощущает болезненный укол, вызванный отказом наставника.

Сейджвин озадаченно моргает.

— А как же вы ведете счет? Как переходите с одного уровня на другой?

— В действительности все не так. Просто… я помогаю пострадавшим, помогаю ловить преступника, чтобы предать его суду.

Дратдор так энергично фыркает в свое пиво, что часть выплескивается на костюм.

— Это *отвратительно*. — Он вытирает губы перчаткой. — Абсолютно отвратительно. Ты хочешь сказать, что относишься к числу этих ядовитых мемо-зомби? И Пиксил пригласила тебя сюда? Она *прикасается* к тебе? — Он в смятении смотрит на Старейшую. — Я удивлен, что ты это позволяешь.

— Моя дочь может делать все, что захочет, и с кем захочет. Кроме того, я думаю, ей полезно узнать, что вокруг нас существует человеческое общество и нам приходится жить с людьми. В Царстве об этом легко забыть. — Она улыбается. — Ребенку полезно поиграть в грязи, чтобы укрепить иммунитет.

— Постойте! — восклицает Исидор. — Ваша дочь?

— Как бы то ни было, — произносит Дратдор, вставая, — мне, пожалуй, лучше уйти, пока меня не «предали суду».

После его ухода воцаряется неловкое молчание.

— Знаешь, я так и не понял, как вы ведете счет… — начинает Сейджвин.

Старейшая бросает на него быстрый взгляд.

— Исидор, я бы хотела с тобой поговорить.

Остроухий зоку поднимается.

— Рад был с тобой познакомиться, Исидор. — Он подмигивает. — Кулаком о кулак? — Он делает странный жест, похожий на выпад. — Все в порядке. Не напрягайся.

— Прошу прощения за моих друзей зоку, — произносит Старейшая. — Они почти не поддерживают контактов с внешним миром.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, — говорит Исидор. — Пиксил никогда о вас не рассказывала. И о своем отце тоже. Он где-то здесь?

— Возможно, она не хотела тебя запутывать. Я предпочитаю употреблять слово «мать», но на самом деле все немного сложнее. Могу лишь сказать, что во время Протокольной войны кое-что произошло между мной и пленным воином-разумом Соборности. — Она смотрит на кольцо сцепленности на его руке. — Это Пиксил дала его тебе?

— Да.

— Интересно.

— Простите?

— Бедняга. Она не должна была тебя приглашать. С тобой одни сложности. — Она вздыхает. — Но, возможно, именно это ей

и нужно, чтобы что-то доказать.

— Я не понимаю.

Исидор пытается разгадать выражение лица женщины, но подсказок гевулота здесь нет. Это одна из причин, по которой Пиксил его привлекает, — загадка. Но та же черта у этой женщины пробуждает в нем страх.

— Я только хотела сказать, что тебе не стоит ждать от Пиксил слишком многого. Ты же понимаешь, что она уже связана с чем-то более значительным, чем она сама. И отчасти поэтому я рассказала тебе нашу историю. Пиксил экспериментирует, и это прекрасно, тебе это тоже необходимо. Но сцепленности между вами быть не может. Ты никогда не станешь частью всего этого. Ты понимаешь?

Исидор делает резкий вдох.

— При всем моем уважении, я должен сказать, что отношения между нами — это наше дело. И я уверен, Пиксил со мной согласится.

— Ты не понимаешь, — вздыхает Старейшая.

— Если вы имеете в виду, что я недостаточно хорош для нее… — Исидор складывает руки на груди. — Мой отец был Достойным в Королевстве. И я считал, что к зоку можно присоединиться. Откуда вы знаете, что я на это не пойду?

— Ты этого не сделаешь.

— Я не думаю, что вы можете утверждать это.

— Тем не менее могу. Таковы зоку. Мы все единое целое. — В ее глазах что-то вспыхивает. — Не позволяй обмануть себя этим маскарадом. Мы совсем не такие. Ты и *ее* еще не видел: мы создали ее такой, чтобы она ходила среди вас и узнавала вас. Но внутри…

Лицо Старейшей подергивается рябью, и на мгновение она превращается в статую с прекрасным ликом, состоящую из миллиардов танцующих светящихся пылинок, в окружении сверкающих созвездий из драгоценных камней вроде того, что мерцает на рукояти ее меча. А потом она снова становится блондинкой среднего возраста.

— Внутри мы другие. — Она похлопывает Исидора по руке. — Но не расстраивайся. Все пойдет своим чередом. — Она встает. — Я уверена, Синдра скоро вернется. Развлекайся.

С покачивающимся у бедра мечом она исчезает в толпе, а Исидор остается смотреть на бегущие по монитору изображения.

Немного спустя идея выпить начинает казаться ему заманчивой, и он пробует пиво. Оно старое и невкусное, и предпочтительней было бы вино, но все же Исидор выпивает две банки, пока не добивается желаемого эффекта. Трудный день дает

о себе знать, и сыщик едва не засыпает перед монитором. Еще двое гостей — молодой человек и девушка с макияжем, придающим ей сходство с трупом, садятся рядом и начинают играть. Через некоторое время парень оборачивается к Исидору и глуповато ухмыляется.

— Привет, — говорит он. — Не хочешь попробовать? Я в этом деле не могу оказать достойного сопротивления мисс Разрушительнице Миров.

Девушка закатывает глаза.

— Любовник, а не воин.

— Точно. — Парень на вид немногим старше Исидора, ему нет еще и пятнадцати марсианских лет, у него азиатские черты лица, тонкие усики, гладко прилизанные черные волосы и прекрасно сшитый костюм. На плече кожаный рюкзак. — Ну, что скажешь?

— Боюсь, я слишком пьян, — отвечает Исидор. — Справляйся сам.

— Да, спиртное — неплохой способ сохранить лицо. Простите, госпожа, вы нас победили.

Девушка вздыхает:

— Ладно. Я иду играть в Вервольфа. Жалкие людишки.

Она посылает Исидору воздушный поцелуй.

— Хорошо проводишь время? — спрашивает парень.

— Да не очень.

— Ну, это никуда не годится. — Он берет со стола банку с пивом и открывает ее. — Как ты уже понял, пиво здесь отвратительное. Видишь ли, оно все аутентичное.

— Сойдет, — отзывается Исидор и открывает еще одну банку. — Я Исидор.

— Адриан.

Рукопожатие парня выдает жителя Ублиетта. Но при странном ощущении отсутствия гевулота и легком опьянении это кажется несущественным.

— Итак, Исидор, почему ты не танцуешь, не принимаешь участия в сцепленности и не обхаживаешь курочек зоку?

— У меня был странный день, — поясняет Исидор. — Меня чуть не убили. Я поймал гогол-пирата. Или двух. С помощью шоколада. А что касается курочек зоку, у меня уже есть одна. Ее мать — богиня, и она меня ненавидит.

— Ладно-ладно, — останавливает его Адриан. — Я ожидал чего-то вроде «я видел наставника» или «мне приснился чужой сон».

— Да, наставник там тоже был, — соглашается Исидор.

— Это невероятно любопытно! Расскажи.

Они продолжают пить, и история шоколатье кажется вполне уместной. Слова льются сами собой, и это заставляет Исидора подумать о Пиксил: «А как часто мы с ней о чем-то разговаривали?» Его мысли и речь не ограничены гевулотом, и Исидор ощущает себя подпрыгивающим на воде камешком, легким и свободным.

— Кто же ты, Исидор? — спрашивает Адриан, когда история заканчивается. — И как ты оказался втянутым в это дело?

— Я не мог не вмешаться. Я всегда задумываюсь о том, чего не понимаю. Часто, блуждая по Лабиринту, я взламываю замки гевулотов просто для забавы.

— Но зачем? Что ты от этого получаешь?

Исидор смеется, откинувшись назад.

— Я не понимаю людей. Мне необходимо прослеживать связь между фактами. Я не могу понять, почему кто-то говорит или делает то или иное, если не задумаюсь над этим.

— Это удивительно, — говорит Адриан, когда Исидор умолкает, чтобы сделать еще глоток пива.

Он рассеянно отмечает, что парень что-то записывает в блокноте — старомодном, сделанном из бумаги. Это может означать только одно, и даже несмотря на затуманенный разум, Исидор осознает, что он совершил ошибку.

— Ты журналист, — заявляет он.

Скачущий по поверхности камешек замирает, и вода поглощает его. Голова становится невероятно тяжелой. В мире безупречного уединения все еще существуют аналоговые дыры, и общедоступные газеты в Ублиетте остаются одним из наиболее прибыльных допустимых преступлений. Журналисты открыли охоту на Исидора после первого же его дела о краже из ателье модной одежды. Но никак не могли проникнуть сквозь защиту его гевулота. До этого момента.

— Да, журналист. Адриан Ву из «Вестника Ареса».

Он достает из рюкзака старомодную камеру — еще один способ обойти гевулот. Вспышка на мгновение ослепляет Исидора.

Он бьет журналиста. Вернее, пытается это сделать: Исидор вскакивает на ноги и отчаянно размахивает руками, но не достает до противника. Ноги подкашиваются. Он хватается за ближайший предмет — компьютерный монитор на столе — и вместе с ним с грохотом падает на пол. Исидор силится подняться и тянется к камере Адриана.

— Отдай мне это!

— О, я отдам. Тебе и еще пятидесяти тысячам наших читателей завтра утром. Знаешь, мы жаждали получить у тебя

интервью с того момента, когда тебя впервые заметили рядом с Джентльменом. А может, ты что-нибудь расскажешь и о ней?

— О *ней?*

— Ага. — Адриан усмехается. — И ты еще считаешь себя детективом? На улицах болтают, что Джентльмен — женщина. Да, кстати, а вот и леди, о которой мы говорили.

— Привет, милый, — произносит Пиксил.

Ее вид согревает душу Исидора, несмотря на шок, гнев и алкогольный туман. Черная помада делает ее лукавую усмешку похожей на запятую. Стройная фигурка Пиксил затянута в облегающее клетчатое платье с кожаными ремешками, из-под которых соблазнительно проглядывают смуглые плечи.

— Синдра мне сказала, что ты справился. Я так рада.

Она дарит Исидору пахнущий пуншем поцелуй.

— Привет, — отвечает Исидор. — Я принес тебе шоколад, но его сожрал монстр.

— Вот это да! Я думаю, ты пьян.

— В самую точку, — подтверждает Адриан. — С ним произошла целая история.

Он отвешивает Исидору легкий поклон и исчезает в толпе.

Следующий час проходит словно в тумане, и Исидор быстро забывает о журналисте. Становится очень жарко, и все, что говорят вокруг, вызывает неудержимый смех. Пиксил ведет его от одной группы зоку к другой. Они беседуют с собравшимися в кружок квантовыми богами и спорят, кто из них вервольф. Бледнокожие супергерои в плохо сидящих латексных костюмах задают Исидору вопросы о наставниках. Но ему трудно думать о чем-то другом, кроме теплой ладошки Пиксил, лежащей между его лопаток.

— Мы можем пойти в какое-нибудь более спокойное место? — наконец спрашивает он.

— Конечно. Я хочу понаблюдать за сцеплением.

Они находят свободный диванчик в стороне ото всех и садятся. Сцепление выглядит весьма впечатляюще. При помощи оптических волокон и кабелей люди подсоединяют свои кубит-контейнеры — реактивные ранцы, лучевое оружие и волшебные мечи — к огромным хитроумным устройствам. Оборудование довольно примитивное, и сцепление удается далеко не всегда, но когда что-то получается, из трансформаторов Теслы бьют дуговые разряды, сопровождаемые оглушительным треском и хохотом. Запах озона немного отрезвляет Исидора.

— Думаю, пьяным ты мне нравишься больше, — заявляет Пиксил. — К тебе возвращается твой *взгляд.*

— Какой взгляд?

— Как будто ты что-то расследуешь.

— Ничего подобного.

Исидор пытается сосредоточиться, но ему трудно собраться с мыслями. Гнев все еще бурлит внутри и никак не хочет успокаиваться.

— Послушай. — Пиксил ерошит его волосы. — Я попытаюсь отгадать, о чем ты думаешь. Если получится, ты на сегодняшний вечер станешь моим рабом.

Исидор допивает последний глоток из пластикового стаканчика — какой-то очень сладкий пунш с гуараной, которым их угостили девушки-подростки в костюмах матросов. Напиток прогоняет дремоту, но вызывает нервный озноб.

— Ладно, — соглашается он. — Играем.

— Ты думаешь о своем наставнике. Пытаешься заставить меня ревновать?

— Нет, не угадала. Я не смогу стать наставником, но я сейчас думаю не об этом.

— Ой. — На лице Пиксил появляется искреннее сожаление. — Что же этому подлецу надо? Ты гений. Ты раскрыл… неважно, что, но ведь раскрыл, верно?

— Да, но этого мало. Не переживай. Я не хочу об этом говорить. Продолжай угадывать.

Несмотря на все отрицания, Исидор сильно переживает из-за своей неудачи.

— Хорошо. — Пиксил гладит его по руке и указательным пальцем щекочет ладонь. — Ты стараешься придумать, как бы поскорее затащить меня в постель?

— Нет.

— Нет? — Она притворно негодует. — В таком случае, мистер Сыщик, вам лучше вызвать кеб. Почему ты об этом не думаешь? Я вот думаю.

— У тебя есть еще одна попытка, — говорит Исидор.

— Ладно. — Пиксил становится серьезной. Она прикладывает пальцы к вискам и закрывает глаза. — Ты думаешь…

— Только никаких фокусов с гевулотом и кватами, — предупреждает ее Исидор.

— Ты шутишь? Я никогда не жульничаю. — Она поджимает губы. — Я бы сказала, что ты думаешь об Адриане и о том, зачем я его сюда пригласила, зачем попросила Синдру представить тебя старейшинам, и еще о том, почему моя бедная старая матушка тебя ненавидит? — Она ласково улыбается. — Это похоже на правду? Или ты считаешь меня совсем глупой?

— Да, — произносит Исидор. — То есть нет. Ты угадала. Так зачем все это?

Гнев сжимается в его груди в плотный комок. В висках стучит кровь.

— Ты такой милый, когда смущаешься.

— Ответь мне.

— Рабы не выдвигают требований. Я выиграла, — заявляет Пиксил.

— Я сейчас не играю. Зачем?

— Ну, есть одна причина. Я хотела тобой похвастаться.

Она берет его за руку.

— Похвастаться? Да я умудрился *оскорбить* их в первые же пять минут. А твоя мать действительно меня возненавидела.

— Мать по сцепленности. На самом деле никакой ненависти. Просто она слишком сильно меня опекает. Первый ребенок, созданный на Марсе, совместимость гевулотов, мостик между двумя мирами и все такое прочее. И все они до сих пор в *шоке,* что я встречаюсь с одним из вас. Они *заслуживают* легкого оскорбления. Они до сих пор думают, что мы когда-нибудь вернемся на Юпитер, хотя там ничего не осталось, кроме пыли и дронов Соборности, которые ее поглощают. Теперь мы живем здесь, но никто из них не желает этого признавать.

— Значит, — говорит Исидор, — ты меня использовала.

— Конечно. Это игра. Оптимизация ресурсов — не шутка. Каждый из нас поступает так, как лучше для него. Мы не в силах этого изменить. В данном случае небольшой мятеж — это идеальный вариант.

— Значит, это не настоящий мятеж?

— Ой, да ладно! — восклицает Пиксил. — Ты *все время* проделываешь то же самое с людьми. Ты в этом преуспел. Как думаешь, почему ты встречаешься со мной? Потому что я загадка. Потому что ты никак не можешь вычислить меня, как вычисляешь остальных. Я видела, как ты беседуешь с людьми: ты говоришь им что-то, но это не *ты* настоящий, ты просто пытаешься выстраивать умозаключения. И не убеждай меня, что для тебя это не игра.

— Это совсем не игра, — возражает Исидор. — Сегодня я чуть не погиб. Девушка убила своего отца самым ужасным способом. Такие вещи случаются, и кто-то должен *разгадывать* эти загадки.

— А от этого кому-то лучше?

— Мне лучше, — негромко произносит Исидор. — И ты это знаешь.

— Да, я знаю. И я думаю, остальные тоже должны это узнать. У тебя хорошо получается, и кто-то *должен* вести счет. Поэтому я и пригласила Адриана, чтобы вы могли поговорить здесь без этой чепухи с гевулотами. Он сделает тебя известным.

— Пиксил, это не самая хорошая идея. У меня из-за этого будет куча неприятностей. Как ты можешь решать, что для меня лучше? Я не принадлежу к обществу твоих зоку. Со мной так не получится.

— Не получится, — соглашается Пиксил. — С зоку у меня просто нет выбора. — Она дотрагивается до камня зоку, вставленного у основания шеи, над самыми ключицами. — С тобой я остаюсь только потому, что хочу этого.

В глубине души Исидор понимает, что это ложь, но почему-то не придает этому значения и целует ее.

— Не забывай, — говорит она, — ты проиграл. Идем со мной, я хочу тебе кое-что показать.

Пиксил берет его за руку и ведет к невзрачной двери, которой мгновение назад здесь еще не было. Рука об руку они заходят в нее, а позади снова сверкают вспышки дуговых разрядов сцепленности.

Исидору кажется, что он выпадает из реальности.

Они оказываются в огромном помещении, заполненном стоящими друг на друге черными кубами различной величины — от одного метра до размера целого дома. Стены, пол и потолок — где-то высоко-высоко — все белое и слегка светится. При таком сиянии даже Пиксил кажется бледной.

— Где мы? — спрашивает Исидор.

Его голос порождает странное эхо.

— Тебе ведь известно, что мы разбойники, верно? Мы занимаемся грабежом. Так вот, здесь мы храним свои сокровища.

Пиксил отпускает его руку, бежит вперед и дотрагивается до одного из кубов. Он мгновенно становится прозрачным. Внутри мерцает странное существо, похожее на покрытую перьями змею. Оно кружится в воздухе, не в силах вырваться из клетки. Парящая спайм-сфера сообщает Исидору, что это червь Лэнгтона, пойманный на неосвоенных виртуальных окраинах Царства и облеченный в физическую форму.

Пиксил смеется.

— Здесь можно найти *все* что угодно. — Она бежит дальше и прикасается к следующим контейнерам. — Идем, давай посмотрим.

Здесь стеклянные яйца, древние часы и конфеты со старой Земли. В одном из больших кубов Исидор обнаруживает старинный звездолет. Он похож на гигантский потемневший зуб — керамическая поверхность испещрена коричневатыми пятнами. Пиксил открывает куб, набитый театральными костюмами, и со смехом напяливает на голову Исидора котелок.

— Наверное, кому-то может не понравиться, что мы здесь, —

опасается Исидор.

— Не беспокойся, раб, — озорно усмехаясь, отвечает Пиксил. Напевая себе под нос, она вываливает костюмы на пол, устраивая огромную перину. — Я же тебе говорила: оптимизация ресурсов.

Пиксил обнимает его за шею обеими руками и крепко целует. Ее платье куда-то испаряется. Она увлекает Исидора на груду плащей и пышных юбок. Его гнев улетучивается, и вокруг не остается ничего, кроме нее.

Интерлюдия
Великодушие

Как и каждый марсианский Сол Солис,[24] Сюэсюэ приходит в парк, чтобы улыбнуться красному роботу.

Он стоит одиноко, в стороне от боевых машин, расположившихся на черно-белых мраморных клетках. И еще он немного отличается от них своим видом: под слоем ржавчины угадываются гладкие очертания красного спортивного автомобиля, а шлем венчает маленькая блестящая фигурка лошади.

Сюэсюэ садится перед ним на складной стульчик, смотрит в темную прорезь шлема и улыбается, сохраняя полную неподвижность, пока хватает сил. Ее рекорд составляет два часа. Труднее всего удерживать улыбку. Сегодня это легко: в детском саду выдался хороший день. Маленькие императоры и императрицы Ублиетта — купленные родителями за изрядное количество Времени и, соответственно, сильно избалованные — доставляют немало хлопот, но и с ними выдаются спокойные моменты. Возможно, сегодня Сюэсюэ побьет собственный рекорд.

— Извините? — доносится чей-то голос.

Сюэсюэ сдерживает недовольство и продолжает улыбаться, не оборачиваясь.

К ее плечу прикасается рука, и она вздрагивает. *Проклятье.* Надо было закрыть гевулот, но это испортило бы улыбку.

— Я пытаюсь сосредоточиться, — с упреком произносит Сюэсюэ.

На нее с изумлением смотрит молодой человек. У него угольно-черные волосы, легкий загар, темные брови, нависшие над тяжелыми веками. Одет так, словно собрался на вечеринку, — пиджак и брюки из гладкой ткани и вдобавок к ним очки с синими линзами, защищающие от яркого света Фобоса.

— Приношу свои извинения. — В его тоне сквозит насмешка. — От чего же я вас отвлек?

— Вы не поймете, — вздыхает Сюэсюэ.

— Попробуйте объяснить.

Он снимает очки и с любопытством смотрит на Сюэсюэ. Его фигура поражает своей безупречностью, несвойственной жителям Ублиетта. У незнакомца слегка рассеянный вид, словно он прислушивается к чему-то.

— Я улыбалась красному гладиатору, — говорит Сюэсюэ. — И делаю это уже около года. По крайней мере один час в неделю.

— Зачем?

— Ну, существует мнение, что внутри них заключены медленные гоголы, — поясняет она. — Старая игра Королевства. Для роботов это яростная битва. Они сражаются за свою свободу. Знаете, если долго на них смотреть, можно заметить, что они двигаются. Поэтому я предположила, что они тоже нас видят, если мы достаточно долго остаемся неподвижными.

— Понятно. — Незнакомец искоса смотрит на робота. — У меня, наверное, не хватило бы на это терпения. А почему вы выбрали именно этого?

— Не знаю, — признается Сюэсюэ. — Возможно, он показался мне очень одиноким.

Молодой человек трогает нагрудник робота.

— А вам не приходило в голову, что вы можете отвлечь его? И он проиграет бой. И никогда не обретет свободу.

— Королевства давно нет. Они свободны уже около ста лет, — отвечает она. — Думаю, кто-то должен сказать им об этом.

— Отличная мысль. — Он протягивает ей руку. — Меня зовут Поль. Я немного заблудился в этих перемещающихся улицах. И надеялся, что вы могли бы подсказать мне выход.

Его примитивный гостевой гевулот пропускает отголоски эмоций: смущение, тяжесть вины. Сюэсюэ представляется, что на его спине огромный прилипала. Ощущение ей знакомо. И внезапно разговор с незнакомцем становится для нее важнее, чем созерцание робота.

— Конечно, я могу это сделать, — отвечает она. — Но почему бы вам немного не задержаться? Что привело вас в Ублиетт?

Она составляет мысленный контракт гевулотов и предлагает его Полю. Он недоуменно моргает.

— Что это?

— Наш последующий разговор никто не услышит и не запомнит, — поясняет она. — Даже я его забуду, если вы не позволите сохранить его в памяти. — Она улыбается. — Так у нас принято.

— Это все равно что иметь при себе переносную исповедальню.

— Что-то вроде этого.

Поль садится на землю рядом с Сюэсюэ и смотрит на робота.

— Знаете, — произносит он, — редко встретишь настоящего альтруиста. Это великолепно.

Сюэсюэ улыбается.

— Себя вы к их числу не относите?

— Я свернул с этой дороги эволюции очень и очень давно. Где-то на полпути между динозаврами и птицами.

— Никогда не поздно измениться, — говорит она. — Особенно здесь.

— Что вы имеете в виду?

— Это же Ублиетт. Место забвения. Здесь вы можете встретить тиранов Королевства или лидеров Революции и даже не узнаете их. Или сидеть рядом с кем-то гораздо худшим, вроде меня.

Она вздыхает.

Поль удивленно смотрит на нее. Она открывает гевулот слой за слоем, словно чистит луковицу, и предлагает ему свои воспоминания.

Сюэсюэ продавала бессмертие. Она странствовала по городам и селениям, пострадавшим от землетрясений или оползней, или по рыбацким деревням, оказавшимся на берегах пересохших озер. Она заглядывала в сознание детей при помощи магниторезонансного сканера, вмонтированного в телефон, и рассказывала их отчаявшимся родителям о жизни вне плоти. Она демонстрировала детям видео с Небес, в которых боги и богини говорили о вечной жизни, как создатели о новой программе. Дети смеялись и показывали на нее пальцами. Но в каждой деревушке находилось несколько ребятишек, желающих уйти с ней. С помощью помощников-дронов она собирала их в автоматизированные грузовики и везла к Сверкающим Вратам Небес.

Врата представляли собой наскоро возведенные бараки в пустыне Ордос,[25] накрытые маскировочными тентами. В уборных стояла страшная вонь. Походные койки были застелены грязным бельем.

В первые две недели здесь даже не было душа, но Сюэсюэ и остальные инструкторы — по большей части просто лица на мониторах дронов с дистанционным управлением — говорили, что все это неважно, что скоро потребности плоти утратят значимость.

Первая стадия трансформации происходила в классной комнате. Детям надевали на головы специальные шапочки, благодаря которым машины компании могли узнать, о чем они думают. Сюэсюэ наблюдала за ними все время, пока шли занятия: долгие часы программирования, формирования блокирующих кодов и последовательностей символов. В случае успеха вмонтированный в шапочку транскраниальный магнитный стимулятор вызывал у ученика взрыв оргазмического удовольствия, а в случае промедления или ошибки заставлял пережить адские муки. В классе не было никаких разговоров, только повторяющиеся крики боли и наслаждения.

Как правило, дети были готовы через шесть недель: на бритых головах с впалыми висками оставались незаживающие следы ожогов, глаза постоянно были полузакрыты, а конечности подергивались, словно во время быстрого сна. Сюэсюэ одного за другим приводила учеников к Божественному Доктору, обещая, что теперь они получат прививку бессмертия. Из палатки Доктора не возвращался никто. Вечером Сюэсюэ устанавливала сверхплотный канал связи со спутником компании и отправляла тысячи терабайт информации, полученной из молодых мозгов, новых гоголов, предназначенных для небесных ферм программного обеспечения.

После этого она позволяла себе ненадолго забыться с помощью дешевого рисового вина и наркотиков, а потом снова отправлялась к людям.

Десять лет работы на компанию, и она получит настоящее бессмертие для себя лично. Высококачественная закачка по технологии Моравеца,[26] никаких разрывов в сознании, последовательная хирургическая замена каждого нейрона искусственным имитатором — истинное перевоплощение в цифровое существо.

Она говорила себе, что дело того стоит.

С новой группой рекрутов Сюэсюэ прибыла на место в тот самый момент, когда с неба злобно жужжащим облаком налетели микробеспилотники с запада, сжигающие все вокруг. На мгновение ей показалось, что это правильно, и она стояла и смотрела, как исчезают Врата. Затем ее охватил ужас приближающейся смерти, и она сделала единственное, что было возможно: побежала в палатку Доктора.

Второе рождение в этой палатке до сих пор остается для нее тайной, Сюэсюэ запомнила только океан ярко-красных уколов, зажимы на черепе и скрежет в ушах.

Сюэсюэ открывает глаза. Воспоминания стекают с нее потоком ледяной воды. Поль в изумлении смотрит на нее.

— А что было потом? — шепотом спрашивает он.

— Долгое время ничего не было, — отвечает она. — Вместе с миллиардами королевских гоголов меня привезли сюда. Я очнулась в состоянии Спокойной. Революция оказалась для меня благом. Мы действительно создавали нечто новое. Мы построили город без маленьких бессмертных. — Она переводит взгляд на робота. — Наверное, мне хочется что-то сделать для них. Вряд ли это когда-нибудь удастся, но попытаться стоит.

— Вероятно, — отзывается Поль. Он улыбается ей, и на этот раз в его взгляде сквозит искренняя теплота. — Благодарю вас.

— Не стоит, — произносит Сюэсюэ. — Я прихожу сюда

каждую неделю. Если решите остаться, приходите и вы.

— Спасибо, — говорит Поль. — Возможно, я так и сделаю.

Они сидят вдвоем и смотрят на робота. Постепенно улыбка возвращается к ней. Сюэсюэ слышит дыхание молодого человека. Может быть, сегодня ей удастся побить свой рекорд.

Глава шестая
Вор и Поль Сернин

— Время, немного Времени, мисс, прошу вас…

— Я в третий раз должен стать Спокойным, я заплатил свои долги, помогите, пожалуйста…

— Я мастер, портной, вы можете дешево получить мой разум…

Миели отбивается от толпы клянчащих Время нищих. Кто-то из них совершенно обнажен, как и первый бродяга, другие ничем не отличаются от прохожих, но у всех одинаково голодный, страждущий взгляд. Многие носят маски или капюшоны. Нищие толкаются, чтобы приблизиться к ней, кольцо напирающих тел сжимается, и некоторые из ее наиболее автономных гоголов защиты уже начинают пробуждаться.

Я должна выбраться отсюда, пока не выдала себя.

Она отпихивает одного нищего, другого бьет плечом, и они валятся на землю. Миели протискивается мимо. Кто-то из упавших хватает ее за ногу. Она падает и больно ударяется локтем о мостовую. Чья-то рука сжимает ей горло. В ухе раздается хриплый голос:

— Отдай нам Время, или Воскресителям придется восстанавливать тебя, чужеземная сука.

— Помогите! — кричит Миели.

У нее темнеет в глазах, в висках стучит. Метамозг пробуждается: смягчает боль, замедляет время и начинает подключение остальных систем. Сейчас она легко сможет разбросать этих оборванцев, словно тряпичных кукол…

Поднимается ветер. Хватка на горле ослабевает. Раздаются крики, а затем удаляющийся топот. Миели открывает глаза.

Над ней парит человек с тростью, в черной одежде с серебряной отделкой. Безупречно начищенные туфли зависли в двух метрах над землей. Вокруг него дрожит раскаленный воздух, чувствуется предательский озоновый запах утилитарного тумана. *Этого здесь быть не должно,* мелькает в голове Миели.

Руки из жаркой мглы — продолжение конечностей человека в черном, сформированное многочисленными нанороботами, — прижимают к земле нищих в масках. Остальные попрошайки стремительно убегают к границам агоры, где скрываются под пеленой гевулотов и мгновенно исчезают в толпе.

— Вы не пострадали? — спрашивает незнакомец странным скрипучим голосом.

Он опускается на землю рядом с Миели, и подошвы звонко цокают о мраморные плиты. Маска из полированного металла закрывает всю голову: Миели твердо уверена, что это сфера из квантовых точек. Незнакомец протягивает ей руку в белой перчатке. Ухватившись за нее, Миели встает на ноги.

Наставник. Отлично.

База данных Соборности, которую она изучала во время поездки, содержала не слишком много информации о блюстителях порядка в Ублиетте. Они действуют около двух десятков лет и явно имеют доступ к технологиям за пределами Марса. Василевы — внедренные агенты Соборности, сотрудничающие с гогол-пиратами, — утверждают, что наставники имеют какое-то отношение к колонии зоку, появившейся на планете после Протокольной войны.

— Я в порядке, — отвечает Миели. — Просто немного испугалась.

Вот это да, говорит «Перхонен». *Кто это? Прекрасный принц на белом коне?*

Помолчи и выясни, как я сумела не выдать себя.

— Давайте уйдем с агоры, пока не появились журналисты, — произносит наставник, предлагая девушке руку.

Миели с удивлением ощущает, что у нее дрожат ноги, поэтому принимает помощь и позволяет увести себя в тень вишневых деревьев на шумном Устойчивом проспекте. Там очень людно — в основном это туристы, наблюдавшие за происходящим. Наставник делает движение рукой, и Миели понимает, что они оба скрываются под покровом уединения.

— Благодарю вас, — говорит она. — Журналисты?

— Да, они очень внимательно следят за агорами. И мы тоже. И нищие в поисках легкой добычи, как вы могли убедиться.

Тростью он указывает на ее обидчиков, все еще лежащих на мостовой.

— И что с ними будет?

Наставник пожимает плечами.

— Это зависит от решения Голоса. Возможно, они раньше срока или дольше обычного будут находиться в состоянии Спокойных, но это ожидает их в любом случае. — В его необычном голосе слышатся сердитые нотки. — Такова цена, которую мы платим за другие преимущества. — Затем он снимает шляпу и кланяется. — Но прошу прощения. Джентльмен — таков мой псевдоним — к вашим услугам. Надеюсь, этот случай не слишком расстроил ваши планы на сегодняшний день.

Он флиртует с тобой, снова вмешивается «Перхонен». *Точно флиртует.*

Ничего подобного. У него даже нет лица.

Легкое покалывание подсказывает Миели, что наставник сканирует ее. Хоть это и не грозит ей разоблачением, но служит очередным напоминанием о том, что местные обитатели имеют в своем арсенале не только луки и стрелы.

У меня тоже нет лица, но меня это никогда не останавливало.

Неважно. Что мне теперь делать? Я не могу воспользоваться биотической связью с вором, когда этот тип сканирует меня.

Он же филантроп. Попроси его о помощи. Придерживайся своей роли, глупышка. Постарайся быть любезной, хотя бы для разнообразия.

Миели пытается улыбнуться и сообразить, что бы сказала та, за кого она себя выдает, — туристка из городка в астероидном поясе.

— Вы ведь полицейский, верно? Администратор?

— Что-то вроде этого.

— Я потеряла своего приятеля, когда… они набросились. И теперь не представляю, где его искать.

Возможно, «Перхонен» права: не только вор способен прибегнуть к помощи прикладной социологии.

— А, понимаю. И вы не знаете, как послать ему сообщение посредством разделенных воспоминаний? И вы не заключили контракт гевулотов, чтобы подать сигнал, где вы находитесь? Конечно, нет. Это ужасно. Спокойные-таможенники строго следят за тем, чтобы приезжие оставляли все свои технологические устройства, но не объясняют, как пользоваться нашими.

— Мы просто хотели увидеть город, — говорит Миели. — Посетить Олимпийский дворец, может, поохотиться на фобоев.

— Вот что мы можем сделать, — предлагает Джентльмен. — Давайте просмотрим память агоры — вот так.

Ощущение необычное — словно наконец находится слово, которое долго вертелось на языке. Миели вспоминает вид агоры с высоты, но необычайно подробно, вплоть до каждого лица в толпе. И отчетливо видит убегающего с площади вора.

— О! — восклицает Джентльмен, и тотчас поступает требование его гевулота забыть об этой реакции.

Миели принимает его: метамозг все равно все сохранит. Она делает себе мысленную пометку обратить на это внимание. *Любопытно.*

— Я могу немного нарушить правила, чтобы помочь вам. Мы, наставники, пользуемся некоторыми… особыми ресурсами. — Наставник отвинчивает набалдашник трости. Из отверстия, словно мыльный пузырь, выскакивает сгусток утилитарного

тумана. Он зависает в воздухе рядом с Миели и начинает светиться. — Этого будет достаточно. Просто следуйте за светлячком, и он приведет вас к вашему приятелю.

— Спасибо.

— Рад помочь. Постарайтесь избегать неприятностей.

Наставник притрагивается к полям шляпы и в облаке дрожащего горячего воздуха снова поднимается в воздух.

Видишь? Это было не так уж и трудно, замечает «Перхонен».

— Простите, — извиняюсь я. — Я не понимаю, о ком вы говорите.

Я блокирую запрос гевулота садовника. По крайней мере, *думаю,* что блокирую. Интерфейс гостевого гевулота не включает всех тонкостей повседневного взаимодействия жителей Ублиетта, он рассчитан на простейшие операции: от полного разделения воспоминаний до совершенного уединения. Я смутно помню ощущение истинного уединения — то, что испытываю сейчас, можно сравнить лишь с монохромным зрением.

— Создатели твоего тела, вероятно, без ума от какого-то киногероя, — говорит садовник. — Ты похож на парня, который приходит сюда со своей подружкой. Она тоже хорошенькая.

Я медленно спускаюсь с робота.

— Ладно, а что ты делал там, наверху? — озадаченно спрашивает он.

— Я только хотел получить более полное представление об игровой площадке, — отвечаю я. — Знаете, меня можно назвать настоящим любителем игр. — Я отряхиваю пыль с костюма. — Это вы ухаживаете за здешними цветами? Очень красиво.

— Да, я. — Садовник усмехается и засовывает большие пальцы под лямки комбинезона. — Годы работы. Это место всегда было популярным среди влюбленных. Я для этого слишком стар — несколько периодов в состоянии Спокойного напрочь выбивают подобные мысли, но мне нравится заботиться об этом парке. Вы приезжий?

— Верно.

— Вам повезло: большинство туристов сюда просто не доходят. Вашей подружке здесь, похоже, тоже понравилось.

— О какой подружке?.. Ох.

В тени одного из больших роботов стоит Миели, над ее головой порхает светлячок.

— Привет, дорогой, — произносит она.

Я напрягаюсь, ожидая погружения в какой-нибудь ад. Но она только улыбается, хотя и очень холодно.

— Ты заблудилась? — спрашиваю я. — Я скучал.

Я подмигиваю садовнику.

— Не буду вам мешать. Приятно было поболтать, — закрывшись гевулотом, садовник исчезает среди роботов.

— Хочу напомнить, — говорит Миели, — что некоторое время назад ты сам предложил оставаться профессионалами.

— Я могу объяснить…

Я даже не замечаю приближающейся руки, только чувствую неожиданный удар в нос, точно рассчитанный на максимальную боль без перелома костей, и отскакиваю назад, к роботу. Затем следуют несколько пинков — я стукаюсь о металл, у меня перехватывает дыхание, а в солнечном сплетении вспыхивает настоящий пожар. И, наконец, несильные толчки костяшек по скулам, завершающиеся выпадом в челюсть. Мое тело способно выдержать подобные испытания, но я остаюсь практически бездыханным и в состоянии некоторой отстраненности, как будто наблюдаю за невероятно быстрыми движениями Миели со стороны.

— *Вот* что для меня значит быть профессионалом, — шипит она. — В моем оортианском кото мы никогда не выслушиваем объяснения.

— Спасибо, что не нажала адову кнопку, — хрипло отвечаю я.

— Только потому, что ты что-то нашел. — Судя по отстраненному взгляду, Миели просматривает недавние воспоминания, сохраненные в моем теле. — Показывай.

Она протягивает руку. Я отдаю ей Часы, и Миели задумчиво подбрасывает их на ладони.

— Хорошо. Вставай. Мы поговорим об этом позже. Осмотр достопримечательностей окончен.

— Я знаю, ты раздумываешь о том, как бы их украсть, — говорит она, как только мы садимся в паукеб, чтобы добраться до отеля.

Суставчатые ноги экипажа распрямляются и поднимают нас на крыши Лабиринта. Миели, похоже, нравится поездка.

— Вот как?

— Да. Теперь мне известны признаки. Тебе дважды удавалось провести меня с помощью своих воровских приемчиков, но больше не выйдет.

— Извини, это рефлекс. Что-то вроде проверки сил, — отвечаю я, потирая разбитое лицо. — Сколько времени необходимо этому телу, чтобы восстановиться?

— Столько, сколько я захочу. — Она откидывается назад. — Так что же это такое — воровство?

— Это… — *Это инстинкт,* хочется мне сказать. *Это сродни влечению плоти. Это больше, чем я. Это искусство.* Но она все

равно не поймет, и я повторяю старую шутку. — Это что-то вроде заботы о чужой собственности. Я превращаю ее в свою, чтобы собственноручно о ней позаботиться.

Миели не ничего не отвечает и молча смотрит на проносящиеся мимо пейзажи.

Наш отель располагается в массивном здании вблизи причала планеров, куда мы попали сразу по прибытии в город. Мы занимаем несколько больших, стоящих немало Времени комнат почти под самой крышей. Они обставлены не слишком роскошно, на мой вкус, — строгие линии и стеклянные поверхности ксантийских дизайнеров — но здесь, по крайней мере, имеется фабрикатор, и я могу сменить одежду.

Однако Миели не дает мне такой возможности.

— Садись. — Она указывает на небольшой столик и кресло перед балконом и кладет передо мной Часы. — Рассказывай. Что, черт побери, произошло на агоре?

Она сжимает и разжимает пальцы. Я сглатываю.

— Ладно. Я видел себя.

Она приподнимает брови.

— Это не было очередным воспоминанием, не так, как на корабле. Возможно, это сконструировано при помощи гевулота, и остальные тоже могли видеть происходящее. Мой двойник привел меня в парк. Так что мы кое-чего достигли.

— Может быть. А тебе не приходило в голову посвятить в это меня? Имеется какая-то причина, по которой я должна позволить тебе ускользнуть из вида? Или мне пора рекомендовать своему нанимателю сбросить шелковые перчатки и перейти к более… настойчивому воздействию на твой мозг?

— Это случилось… неожиданно. — Я перевожу взгляд на Часы. Свет играет на их поверхности, и я замечаю какую-то гравировку. — Мне казалось, что это слишком… личное дело.

Она обхватывает мою голову невероятно сильными пальцами и поворачивает к себе. Сердитые зеленые глаза смотрят на меня не моргая.

— Пока мы вместе над этим работаем, никаких *личных* дел быть не может, понятно? Если потребуется, ты расскажешь мне обо всех своих детских воспоминаниях, обо всех подростковых фантазиях, обо всех юношеских разочарованиях. Тебе ясно?

— Интересно, — медленно и осторожно начинаю я, — может ли что-то повлиять на твой профессионализм? И я хотел бы отметить, что это не я напортачил во время побега из Тюрьмы. Я как раз таки спас нас.

Миели отпускает мою голову и некоторое время просто глядит в окно. Я встаю и получаю из фабрикатора порцию

коньяка времен Королевства, но ей не предлагаю. Затем снова осматриваю Часы. В сетке семь на семь клеток расположены знаки Зодиака, Марс, Венера и другие символы, которые мне неизвестны. А снизу надпись: *Полю от Раймонды с любовью.* И опять это слово — Тиберменил, выгравированное медью.

Я обращаюсь к «Перхонен»: *Не могла бы ты взглянуть на это? Ты ведь не станешь бить меня?*

Мне незачем тебя бить, отвечает корабль, *у меня есть лазеры. Посмотрим, что я сумею выяснить.*

В ее тоне сквозит непривычная напряженность, но меня это не удивляет. Я пытаюсь убедить себя, что мое лицо пылает исключительно из-за коньяка.

— Хорошо, — произносит Миели. — Давай поговорим об вещице, которую ты украл.

— Нашел.

— Как тебе угодно. — Она берет Часы. — Расскажи мне о них. Мои данные об Ублиетте безнадежно устарели.

У нее абсолютно равнодушный голос. Несмотря на опасность, я испытываю смутное желание взломать этот ледяной покров, чтобы увидеть его толщину.

— Это Часы. Прибор, в котором в виде квантового счета хранится Время — исключающий возможность подделок и копирования квантовый счет оставшейся жизни граждан Ублиетта в базовом человеческом теле. И еще Часы обеспечивают личный канал связи с экзопамятью. Прибор сугубо индивидуальный.

— И ты считаешь, что эти Часы принадлежали тебе? В них то, что мы ищем?

— Возможно. Но мы кое-что упустили. Сами по себе Часы не представляют никакой ценности, если в голове нет особого ключа — гевулота.

Миели постукивает по Часам кончиком пальца.

— Понятно.

— Вот как это работает. В экзопамяти хранится информация — вся информация, имеющаяся в Ублиетте: условия жизни, ощущения, мысли, абсолютно все. Гевулот в реальном времени обеспечивает доступ определенной личности к определенным разделам. Это не просто пара персонального и общедоступного ключей, это сложная иерархия, древовидный дешифратор, где каждая ветвь может быть открыта только при наличии корневого узла. При встрече с кем-либо ты заключаешь соглашение о том, какими данными обмениваться, что рассказать о себе и что оставить в памяти.

— Звучит довольно запутанно.

— Так и есть. У марсиан для этого существует специальный

орган. — Я стучу себя по голове. — Чувство личного. Они *безошибочно* определяют, что можно открыть другим, что относится к частной сфере, а что — нет. Еще они обмениваются так называемыми разделенными воспоминаниями — предоставляют другим доступ к определенному фрагменту памяти путем передачи соответствующего ключа. Мы получили детскую версию гевулота. Гостям предоставляют частицу экзопамяти и вполне конкретный интерфейс к ней. Но всех тонкостей оценить нам не дано.

— А *почему* они так поступают?

Я пожимаю плечами.

— Главным образом это обусловлено историческими причинами, хотя о том, что произошло здесь после Коллапса, известно не слишком много. Самая распространенная версия гласит, что *некто* в ходе реализации частного проекта по терраформированию привез сюда миллиард гоголов и провозгласил себя Королем. Но гоголы взбунтовались. Так или иначе, во многом благодаря действующей системе гевулотов Соборность до сих пор не сумела поглотить это место. Расшифровывать все коды — слишком сложное занятие.

Эй вы, двое, вмешивается «Перхонен». *Извините за задержку, но я не хотела вас прерывать. Символы относятся к области астрологии. Точно такая же последовательность присутствует только в Театре Памяти Джулио Камилла. Это оккультная система эпохи Возрождения. Тиберменилль — замок во Франции. Вот детали.*

«Перхонен» пересылает по нашему нейтринному каналу спайм. Миели просматривает его и оставляет висеть в воздухе между нами.

— Прекрасно, — говорит она. — И что же все это означает?

— Понятия не имею, — хмуро отвечаю я. — Но, полагаю, все, что нам необходимо, заключено в моей прежней экзопамяти. Осталось только придумать, как до нее добраться. Кажется, мне снова надо стать Полем Сернином, кем бы он ни был.

Я наливаю себе еще коньяку.

— И где же, по-твоему, осталось твое прежнее тело? Или он — ты — уезжая, взял его с собой? И какой смысл в этих значках?

— Может, и взял. А что касается символов, не знаю, но у меня всегда была склонность к театральным эффектам. Правда, сейчас, когда я смотрю на эти знаки, мне ничего не приходит в голову.

Мое прежнее «я» действует мне на нервы. *Зачем, черт побери, все так усложнять?* Но ответ очевиден: чтобы тайна оставалась тайной. А хранить секреты среди секретов — наилучший способ.

— А нельзя ли попытаться через Часы получить доступ к

твоей памяти при помощи грубой силы? Мы могли бы использовать «Перхонен»…

— Нет. Здешние обитатели достигли совершенства в трех областях: изготовлении шоколада, виноделии и криптографии. Но, — я поднимаю указательный палец, — гевулот можно *украсть*. Система слишком сложна, чтобы быть безупречной, и иногда можно получить целый каскад ключей, если кто-то поделится с тобой нужными сведениями в нужный момент. Прикладная социология, если можно так выразиться.

— У тебя все и всегда сводится к воровству?

— Что я могу сказать? Это одержимость. — Я морщу лоб. — Я даже знаю, с чего начать: у меня здесь был близкий человек. Но сначала необходимо получить некоторые инструменты для взлома гевулотов. А пытаться воспользоваться тем примитивным гевулотом, который нам выдали, — все равно что в темноте взламывать замок при помощи кирпича. Я думаю, тебе пора связаться со своим нанимателем, чтобы он свел нас с какими-нибудь гогол-пиратами.

— С чего ты взял, что?..

— Да перестань. Твой наниматель из Соборности, это ясно как день. Возможно, какой-нибудь могущественный копи-клан, решивший свести счеты с Основателями. Он-оно-они — не знаю, какое местоимение сейчас употребляется, — обязательно имеет контакт со здешними пиратами, Соборность — их основной покупатель. — Я вздыхаю. — Никогда не обращал на них особого внимания. Но если хочешь выкопать клад, невозможно не испачкать руки.

Миели складывает руки на груди.

— Ладно, — говорит она. — Хочу заметить — хотя и совершенно напрасно, как мне кажется, — что с твоей стороны не слишком благоразумно и безопасно задавать вопросы и строить предположения о нашем общем… благодетеле. — Последнее слово прозвучало с едва заметным оттенком иронии. — В любом случае нам предстоит сделать три вещи. Первое, выяснить, почему ты оставил Часы для самого себя. Второе — попытаться отыскать твой труп. И третье — постараться наладить контакт с теми немногими людьми на этой планете, у которых совести еще меньше, чем у тебя.

Она поднимается.

— Я посмотрю, что можно предпринять по третьему пункту. Тем временем ты и «Перхонен» будете работать над первым вопросом, а второй оставим до тех пор, пока не получим дополнительную информацию. И не забудь помыться.

Она поворачивается, чтобы уйти.

— Подожди. Послушай, я прошу прощения за то, что сбежал. Просто сработал рефлекс. Я не забыл о своем долге. Но пойми, что все это немного странно.

Миели оборачивается и смотрит на меня с циничной усмешкой, но ничего не отвечает.

— В моей профессии очень важно не оглядываться в прошлое. Если мы продолжаем работать вместе, я надеюсь, что и ты тоже не будешь этого делать. — Я улыбаюсь. — Я прошу прощения далеко не у каждого. И не каждому позволяю себя поймать. Так что считай, что тебе повезло.

— А тебе известно, — говорит Миели, — как поступают с ворами там, откуда я родом? — Она улыбается. — Мы наполняем их легкие жизнеобеспечивающей синтбиосмесью, а потом выбрасываем наружу. У них лопаются глаза и вскипает кровь. Но они живут еще несколько часов. — Она берет со стола мой бокал и направляется к двери. — Так что считай, что тебе повезло.

Гнев придает Миели странную бодрость. Гнев по отношению к вору — чистое, искреннее чувство. Долгое время ей приходилось сдерживать и скрывать свою ярость, но теперь она уместна и полезна. Глубоко дыша, Миели прохаживается по своей комнате, почти наслаждаясь борьбой с силой притяжения. Затем допивает остатки коньяка из бокала вора. Это прекрасно подходит к ее настроению — резкий вкус, дающий ощущение теплоты. Чувство вины возникает незамедлительно. *Я опять позволяю ему подобраться к себе. Мерзавец.*

Она оставляет бокал в воздухе и не может сдержать проклятье, когда тот падает на пол. Комната ее раздражает: слишком двумерная, а гравитация напоминает о Тюрьме. Радует только слабый аромат роз.

Он теперь долго будет думать о вакуумной казни, говорит «Перхонен». *Отличный ход.*

Я не хотела давать ему повод считать меня какой-то жестокой дикаркой. Но он заставляет меня так себя чувствовать. А теперь я прошу немного тишины. Я должна поговорить с Пеллегрини.

Ты уверена, что все будет в порядке?

Я ведь уже делала это раньше, помнишь? Ради встречи с этой сукой мы прилетели к Венере с другого края Системы. Думаю, я смогу мысленно совершить это небольшое путешествие.

Давай, девочка. И «Перхонен» умолкает.

Миели ложится на кровать, закрывает глаза и представляет храм. Он стоит в тени горы Кунапипи[27] — щитовидного вулкана, возвышающегося на базальтовом плато. Поверхность горы

покрыта тонким слоем свинца и теллура, сформировавшегося из металлических испарений, которые поднимаются из каньонов и трещин, где температура доходит до семисот градусов по шкале Кельвина.

Храм представляет собой каменную тень, проекцию многомерного объекта со странной геометрией: черные коридоры, по которым движется Миели, неожиданно выводят к обширным провалам, пересеченным каменными мостиками под самыми невероятными углами. Но она и раньше бывала в этом лабиринте и безошибочно следует по указателям в виде металлических цветков.

В центре имеется ось, маленькая пойманная в ловушку сингулярность, парящая в цилиндрическом углублении, словно подвешенная падающая звезда. Здесь и живет богиня. Даже сейчас Миели помнит, как чувствовала себя в конце путешествия сюда — в тяжелом ку-скафандре, придавленная непомерной гравитацией, с горящими от усталости руками и ногами.

— Миели, — говорит богиня. — Рада видеть тебя здесь. — Странно, но сейчас она больше похожа на человека, чем в тех случаях, когда является по собственной воле. Видны очертания ее лица и шеи и уголки глаз. — Дай-ка посмотреть, где ты находишься. А, Марс. Ну конечно. Марс мне всегда нравился. Я думаю, мы сохраним это местечко, когда Великая Всеобщая Цель будет достигнута.

Она отводит прядь волос со лба Миели.

— Знаешь, мне бы хотелось, чтобы вы приходили сюда, не только когда желаете о чем-то попросить. У меня найдется время для каждого, кто мне служит. Почему бы и нет? Ведь меня много.

— Я допустила ошибку, — произносит Миели. — Я позволила вору ускользнуть от меня. Я была невнимательна. Этого больше не повторится.

Пеллегрини приподнимает брови.

— Сейчас просмотрю твои воспоминания. Ага. Но ведь ты снова его отыскала? И добилась успеха? Дитя мое, тебе не обязательно приходить ко мне, чтобы облегчить душу после каждой мелкой неудачи или задержки на пути. Я тебе доверяю. Ты всегда хорошо мне служила. А теперь скажи, что тебе нужно?

— Вор хочет получить средства для кражи того, что называют гевулотом. Он считает, что на Марсе есть агенты Соборности, и хочет установить с ними контакт.

Пеллегрини на мгновение останавливает взгляд на яркой точке оси.

— При нормальных обстоятельствах это было бы несложно. Они беспрекословно подчинились бы при виде моей печати. Но я

не могу участвовать в вашей миссии. По крайней мере, напрямую. Я предоставлю информацию и координаты, но все переговоры тебе придется вести самой. Речь идет о василевах, они способны доставить немало хлопот. Хорошенькие мальчики, и они об этом знают.

— Я понимаю.

— Это несущественно. Я перешлю все, что тебе требуется, на этот твой маленький симпатичный корабль. Твои успехи меня радуют, не беспокойся о мелких неудачах.

Миели непроизвольно сглатывает, и у нее вырывается вопрос:

— Меня накажут?

— О чем ты? Конечно нет.

— Но почему мне приходится применять к вору такие деликатные методы? На войне воины-разумы взяли бы пленных и раскопали бы в их мозгах мельчайшие подробности. Разве вор какой-то особенный?

— Нет, — отвечает Пеллегрини. — Но будет особенным.

— Я не понимаю.

— Ты и не должна понимать. Поверь, эту миссию поручили тебе после тщательного отбора. Продолжай работать, и скоро я и твоя подруга увидим тебя здесь во плоти.

После этого Миели вновь оказывается в своей пахнущей розами комнате. Она медленно поднимается и заказывает у фабрикатора еще порцию коньяка.

В отсутствие Миели «Перхонен» и я осматриваем Часы. Вернее, это делает «Перхонен» при помощи моих рук. Похоже, Миели предоставила кораблю возможность пользоваться органами чувств моего тела. Возникает странное ощущение, когда я держу Часы в руках, а из моих пальцев тянутся тончайшие щупальца из ку-точек.

— Мне всегда они нравились, — говорю я вслух. — Часы. Такое сложное сочетание осцилляторов и механизмов. Большие и маленькие. Красивые.

Гм. Поднеси их ближе к своему глазу.

Пока «Перхонен» занимается анализом, я бегло просматриваю в экзопамяти сведения о дворцах памяти и глушу выпивкой возникающую при этом головную боль.

— Знаешь, я, наверно, выжил из ума. Дворцы памяти?

Тщательно разработанная система хранения информации, основанная на воздействии на мозг запоминающихся мест и образов. Воображаемые дворцы, где содержатся символы, отображающие воспоминания. Использовались греческими ораторами, средневековыми учеными и оккультистами эпохи

Возрождения. Потеряли ценность с распространением книгопечатания.

В раздражении я дергаю Часы.

— Знаешь, я полагал, что спрятал здесь что-то для того, чтобы впоследствии мог это с легкостью найти. Получается, что я как будто сам не желаю ничего отыскивать.

Успокойся.

— Я ничего не могу узнать про Поля Сернина. Никаких сведений в общедоступной экзопамяти. И меня это не удивляет. Остается только гадать, чем я занимался на Марсе помимо свиданий с этой Раймондой.

Наверно, что-то крал.

— Мне нравится это местечко, но для вора оно не представляет особого интереса. Здесь нечего красть. А гоголпиратством я не стал бы заниматься.

Ты уверен? Теперь положи Часы на стол.

— Конечно уверен. А тебя-то что беспокоит?

Корабль вздыхает, издавая странный звук.

Ты. Может, ты и считаешь себя неотразимым, но мою подругу ты сильно огорчаешь. Разгадывания секретов и взломы тюремных замков не по ее части. Ее даже нельзя считать воином. По крайней мере, настоящим воином.

— Так почему она этим занимается? Служит Соборности?

А почему люди идут на все? Ради кого-то. Не задавай так много вопросов, я пытаюсь сосредоточиться. Ионные ловушки в этих устройствах — весьма деликатные штучки.

— Ладно. Чем быстрее мы с этим разберемся, тем быстрее сможем заняться более важными и приятными вещами.

Я ощупываю Часы. Буквы в слове «Тибермениль» немного выпуклые.

— Ага.

Внезапно появляется ассоциация. Когда я приходил в себя, я видел во сне книгу о воре с именем, как у цветка. И заголовок. «Шерлок Холмс приходит слишком поздно». Потайной ход, открываемый…

Кончиком пальца я трогаю букву Н. После легкого нажатия она поворачивается. То же самое происходит с буквами Р и Л. Крышка Часов поднимается. Внутри снимок мужчины и женщины. Мужчина — это я, только молодой, черноволосый и улыбающийся. У женщины рыжевато-каштановые волосы и россыпь веснушек на носу.

— Ну привет, Раймонда, — говорю я.

Глава седьмая
Сыщик и его отец

Утром Исидор щурится на яркий свет Фобоса. Во рту скверный привкус, голова трещит. На мгновение он прячет лицо в волосах Пиксил, наслаждаясь ее теплом. Затем заставляет себя снова открыть глаза и осторожно высвобождает руку из-под ее плеча.

Утром зал выглядит совершенно иначе. Стены и другие поверхности пропускают внутрь рассеянный свет, и вдали ему удается разглядеть красноватую линию края кратера Эллада. Исидору кажется, что он проснулся в каком-то странном геометрическом лесу.

Минувшая ночь представляется беспорядочной чередой обрывочных образов, и он инстинктивно обращается к экзопамяти, чтобы все восстановить, но, конечно же, натыкается на белую стену.

Исидор смотрит на лицо спящей Пиксил. Губы изогнуты в полуулыбке, веки подрагивают. Камень зоку мерцает в утреннем свете на ее оливковой коже у основания шеи.

Что же, черт побери, я делаю? Она права, это просто игра.

Поиски одежды в груде тряпья занимают некоторое время, и Исидор едва не надевает панталоны вместо своих брюк. Пиксил между тем дышит ровно и не просыпается, даже когда он осторожно отходит.

При дневном свете нагромождение кубов напоминает головоломку, и Исидору трудно определить, где находится выход, несмотря на прекрасную способность ориентироваться в пространстве, выработанную годами жизни в Лабиринте. Неактивность гевулота сбивает Исидора с толку, и на обнаруженный выход он смотрит с нескрываемым облегчением. *Должно быть, здесь.* Серебристая арка, безупречный полукруг с филигранной чеканкой по краю. Он набирает в грудь побольше воздуха и делает шаг вперед. Реальность как будто резко обрывается…

— Еще вина, мой господин?

…И он оказывается в огромном бальном зале, который не может быть ничем иным, как Королевским залом в Олимпийском дворце. Рабыни-гоголы в мерцающих драгоценностях немыслимым образом изгибаются на высоких шестах, демонстрируя чудеса механической акробатики. Автоматический слуга в красной ливрее протягивает в похожей на клешню руке

бокал вина. Исидор с облегчением обнаруживает на себе наряд марсианской знати: легкий плащ поверх темного камзола из куткани и меч. Его окружают люди в еще более вычурных нарядах, все залито светом Фобоса, струящимся из огромного окна с видом на склоны Олимпа. Купол высоко над головой напоминает золотистое небо.

Все выглядит вполне реально, и ошеломленный Исидор молча принимает предложенный бокал.

— Не желаете ли потанцевать?

Высокая женщина в венецианской маске, с кожей, отливающей красноватым золотом, и пышными формами, едва прикрытыми полосками ткани и драгоценностями, протягивает ему руку. Все еще страдающий от головокружения Исидор позволяет увести себя на свободное пространство в центре зала, где многорукий гогол играет невероятно красивые мелодии на медных флейтах. Женщина легко движется, приподнявшись на цыпочки и, словно перо на бумаге, повинуется его руке, уютно устроившейся на плавном изгибе ее бедра.

— Я хочу заставить своего мужа ревновать, — шепчет она, обдавая его ароматом экзотического вина.

— А кто ваш муж?

— Вон он, на помосте.

При очередном развороте Исидор поднимает голову. А там, конечно же, стоит марсианский Король — смеющийся, в белом с золотом костюме, окруженный толпой почитателей и придворных. Он поворачивается к краснокожей женщине, чтобы сказать, что ему уже надо уходить, как вдруг все замирает.

— Что ты делаешь? — спрашивает Пиксил.

Она смотрит на него, сложив руки на груди. Пиксил выглядит вполне бодрой и уже одета в повседневный наряд зоку.

— Танцую, — говорит он и отодвигается от краснокожей женщины, превратившейся в статую.

— Глупый мальчишка.

— Что это за место?

— Фрагмент старого Королевства. Я думаю, Дратдор собрал эти экспонаты. Он у нас романтик. — Пиксил пожимает плечами. — Не в моем вкусе. — Она взмахивает рукой, и за ее спиной возникает арка. — Я шла приготовить тебе завтрак. Все зоку еще спят.

— Я не хотел тебя будить.

Разрыв реальности на этот раз приносит облегчение, возвращая Исидора к некоему подобию нормальности.

— Да ладно. В чем дело? Собирался тайком ускользнуть после такой ночи?

Он ничего не отвечает, но стыд скользит по спине, оставляя холодные следы, а Исидор даже не до конца понимает его причину.

— Это из-за наставника, — наконец говорит он. — Я должен все обдумать. Я пошлю тебе кват-сообщение. — Он оглядывается вокруг. — Как мне отсюда выбраться?

— Ты и сам это знаешь, — отвечает Пиксил. — Тебе надо только *захотеть*. Обязательно свяжись со мной.

Она посылает ему воздушный поцелуй, но в глазах заметно разочарование.

Еще один разрыв реальности, и он стоит за пределами колонии и моргает от яркого дневного света.

Исидор снова берет паукеб до окраины Лабиринта, но на этот раз просит водителя не торопиться. В животе что-то бурлит; какие бы древние химические вещества ни входили в состав напитков старейшин, марсианские тела явно не предназначены для их усвоения.

Исидор испытывает огромное облегчение, когда кеб покидает Пыльный район. В голове возникает легкое жужжание гевулота, окружающие предметы вновь становятся материальными. Это уже не просто эфемерные геометрические фигуры, а камень, дерево и металл.

Исидор завтракает в маленьком, украшенном изображениями драконов кафе на углу и прогоняет слабость чашкой кофе и небольшой порцией китайского риса. Но чувство вины не отпускает.

А затем он замечает газету. Пожилой джентльмен в жилете и с Часами на бронзовой цепочке за соседним столиком читает «Вестник Ареса».

Заголовок статьи гласит: «Помощник наставника веселится». Дрожащим голосом Исидор заказывает у своего столика экземпляр, и его тотчас приносит автоматический официант. На движущейся картинке действительно он, Исидор, рассказывающий обо всем — о шоколадном деле и о Пиксил.

«Мы уже долгое время пользуемся защитой скрывающихся под масками могущественных мужчин и женщин, наставников, и те, кто следит за нашими публикациями, знают, что в особо трудных случаях им тоже требуется помощь. Мы надеемся, что нет необходимости напоминать читателям об исчезновении города Скиапарелли или возлюбленного мадмуазель Линдгрен. В расследовании этих происшествий ключевую роль сыграла персона, до сих пор никому не известная. Этот человек, описываемый как „приятный юноша“, несколько раз работал с Джентльменом и разгадывал загадки, которые ставили в тупик

наставника.

Теперь „Вестник“ может открыть, что этот таинственный герой не кто иной, как Исидор Ботреле, студент-архитектор десяти лет. Мистер Ботреле дал вашему покорному слуге невероятно исчерпывающее интервью вчера вечером на изысканном праздновании в Пыльном районе. Юный детектив был приглашен туда молодой леди, с которой его уже некоторое время связывают романтические отношения…»

А вот и снимки: его черно-белый портрет с открытым ртом на вечеринке зоку. Он бледен, с безумным взглядом и растрепанными волосами. Сознание того, что посторонние люди, для которых он не открывал гевулота, теперь знают, кто он и чем занимается, вызывает ощущение грязи на коже. Джентльмен за соседним столиком теперь внимательно разглядывает его. Исидор поспешно расплачивается, закрывается пеленой уединения и отправляется домой.

Вместе с еще одной студенткой по имени Лин он снимает двухуровневую квартиру в старой башне на краю Лабиринта. У них пять комнат с разномастной мебелью из недолговечной материи и отслаивающимися обоями, которые меняют рисунок в зависимости от настроения жильцов. Как только Исидор входит, по стенам пробегает рябь, и на обоях возникает эшеровский[28] узор из переплетающихся черно-белых птиц.

Исидор принимает душ и варит себе кофе. На кухне с высоким потолком, фабрикатором и шатким столом большое окно с видом на крыши Лабиринта. Некоторое время Исидор сидит у окна и, глядя на лучи света, пробивающиеся между зданиями, пытается собраться с мыслями. Лин тоже здесь — ее аниматронные фигурки опять разбросаны по кухонному столу. Но сама она, по крайней мере, достаточно тактична, чтобы оставаться под покровом гевулота.

У Исидора хватает разделенных воспоминаний, которые привязывают его подсознание к статье в «Вестнике», вызывая головную боль. Он хотел бы забыть об этом раз и навсегда. Хорошо хоть разговор с репортером не сохранился в экзопамяти и нельзя бесконечно возвращаться к нему, словно к больному зубу. И еще наставник. Трудно не думать о нем.

От Лин поступает гевулот-запрос. Исидор нехотя принимает его и позволяет своей соседке по квартире себя увидеть.

— Ис? — зовет она.

Лин приехала из провинциального городка в долине Нанеди, чтобы изучать традиционную анимацию. На ее круглом лице беспокойство, а на волосах — пятна краски.

— Да?

— Я видела газету. Я и не предполагала, что ты принимал участие во всех этих делах. В Скиапарелли жил мой кузен.

Исидор не отвечает. Он смотрит на ее лицо и размышляет, стоит ли выяснять, с чем связано ее беспокойство. Но затем решает, что это бессмысленно.

— Нет, правда, я даже не догадывалась. Но мне все равно жаль, что так получилось с газетой. — Она садится за стол напротив него и наклоняется вперед. — Ты в порядке?

— Все отлично, — говорит он. — Мне надо заниматься.

— Хорошо. Дай мне знать, если захочешь вечером пойти куда-нибудь выпить.

— Вряд ли.

— Ладно. — Она берет со стола какую-то вещь, завернутую в ткань. — Знаешь, вчера я думала о тебе и сделала вот это. — Она протягивает ему сверток. — Ты так много времени проводишь один. По-моему, компания тебе не помешает.

Исидор медленно разворачивает ткань. Внутри оказывается странное карикатурное существо зеленого цвета величиной с кулак. Оно состоит из головы и щупалец, в огромных белых глазах черные точки зрачков. При малейшем надавливании существо начинает двигаться, источая слабый запах воска.

— Я нашла эту старую модель робота и поместила в нее синтбиомозг. Можешь сам дать ему имя. И скажи мне, если захочешь выпить.

— Спасибо, — отзывается Исидор. — Мне нравится. Правда.

Неужели мне не остается ничего другого, кроме жалости и ложной благодарности?

— Не слишком усердствуй в занятиях.

После этого Лин снова скрывается за стеной своего гевулота.

В своей комнате Исидор сажает робота на пол и начинает размышлять о влиянии стиля Хэйан-Кё[29] на архитектуру Королевства. Ему легче сосредоточиться в окружении собственных вещей: пары старых статуэток отца, книг и громоздкого принтера из недолговечной материи. На полу и на столе располагаются трехмерные проекты зданий, как воображаемые, так и реальные, и самой значительной является модель Храма Ареса. Зеленое существо прячется за ним.

Умный ход, дружок. Вокруг нас большой и скверный мир.

Многих друзей-студентов Исидора раздражает необходимость учиться. Но экзопамять, какой бы ни была совершенной, дает только поверхностные представления по теме. Глубокие знания до сих пор требуют не менее десяти тысяч часов работы по каждому отдельному предмету. Исидора это не напрягает: в спокойный день он способен на долгие часы погружаться в

царство безупречных форм и ощупывать каждую деталь моделей, изготовленных из недолговечной материи.

Он выбирает текст о Тэндай-сю[30] и дворце Дайдайри[31] и начинает читать, ожидая, когда исчезнет окружающий современный мир.

Милый, как ты? Кват-сообщение Пиксил заставляет Исидора вздрогнуть. Оно приходит вместе с разрядом эйфорической радости. **Отличные новости. Все считают тебя чудесным. И хотят видеть снова. Я говорила с матерью, и мне кажется, ты просто параноик…**

Исидор срывает с пальца кольцо сцепленности и швыряет его на пол. Кольцо попадает в модель марсианского здания. Зеленое чудовище отскакивает и прячется под кроватью. При этом оно задевает модель храма. Часть здания рассыпается в инертный порошок, и в воздух поднимается белая пыль. Исидор продолжает громить модели, пока весь пол не покрывается слоем пыли и обломков.

Некоторое время он сидит над руинами и пытается сообразить, как мысленно восстановить здания, но не может сосредоточиться, и ему кажется, что ни один обломок не подходит к другому.

На следующий день, в Сол Мартиус, Исидор, как всегда, отправляется проведать отца в земле мертвых.

Вместе с другими скорбящими он молча, потирая воспаленные от бессонной ночи глаза, спускается по длинной извилистой лестнице Опрокинутой башни. Башня свисает из чрева города наподобие хрустального соска. На всем пути видна тень города и слышны медленные ритмичные шаги его ног. Над головой перемещаются и сталкиваются городские платформы, когда в процессе движения происходит перераспределение веса. Повсюду налет оранжевой пыли. Свет Фобоса — бывшей луны, превращенной в звезду с помощью крошечной сингулярности, помещенной внутрь, — придает миру таинственный сумеречный вид.

Скорбящих в это утро не много. Исидор идет вслед за чернокожим мужчиной, сгибающимся под тяжестью гостевого скафандра.

Время от времени они проходят мимо платформ, заполненных молчаливыми Воскресителями, чьи лица скрыты под масками. Спокойных внизу не видно из-за облаков пыли, но противофобойные стены уже можно разглядеть. Защитные барьеры простираются до самого горизонта, очерчивая запланированный маршрут города. Позади остаются следы новой

жизни — цветные мазки синтбиополей и техника тераформирования. Подобно своим братьям и сестрам, город старается снова окрасить Марс в зеленый цвет. Но всегда приходят фобои.

У основания башни скорбящих ожидают подъемники. Воскресители снабжают каждого путевым светлячком и строгим наказом вернуть его к полудню. Один из Воскресителей помогает Исидору облачиться в скафандр, изготовленный в Ублиетте из современного программируемого материала, но со множеством дизайнерских деталей из бронзы и кожи, что придает ему сходство с древним водолазным костюмом. Перчатки настолько неудобные, что Исидору с трудом удается удержать принесенный с собой букет цветов. Пройдя через шлюз, скорбящие грузятся на подъемник — это обычная платформа, подвешенная на нитях из нановолокна — и сквозь пелену оранжевого тумана спускаются, раскачиваясь из стороны в сторону в такт шагам города. Наконец они оказываются на поверхности — неторопливо движущиеся фигуры в похожих на колокола шлемах, следующие каждый за своим светлячком.

Невероятная громада города маячит наверху подобно второму, более тяжелому небу, пересеченному трещинами и швами в местах соединения платформ. Отдельные части медленно вращаются, словно детали гигантского часового механизма. Городские ноги — целый лес многосуставчатых опор — снизу кажутся слишком хрупкими для такой тяжести. Мысль о падающем городе заставляет Исидора невольно поежиться, и он решает полностью сосредоточиться на светлячке.

Песок утрамбовался под ногами и механизмами Спокойных. Они повсюду — совсем крошечные, разбегаются по сторонам, освобождая Исидору путь, как будто он сам гигантский город. Есть терраформирующие Спокойные, они выше нормального человека, перемещаются группами и работают с окаменевшими водорослями и реголитом. Мимо проходит Спокойный-атлант, заставляя землю дрожать под ногами. Это огромная, как небоскреб, гусеничная машина с шестью манипуляторами, которая следит за балансом городских ног и безопасностью площадки для следующего шага. Вдали можно разглядеть воздушную фабрику, которая и сама словно небольшой город, установленный на гусеницы, а вокруг рой летающих Спокойных. Но светлячок не позволяет Исидору задерживаться. Он заставляет его быстрым шагом пересечь тень города и направляет прямо к отцу, помогающему строить противофобойные укрепления.

Рост отца теперь около десяти метров, и у него длинное, как у насекомого, туловище. Он со скрежетом вгрызается в

марсианский реголит, пропускает раздробленный камень через химический процессор, где порода смешивается с синтбиобактериями, и получает строительный материал для стены. Дюжина конечностей — тонких и проворных — направляет поток материала из похожего на клюв рта и слой за слоем выкладывает стену. Панцирь отца мерцает металлическим блеском, но в оранжевом свете кажется покрытым ржавчиной. На боку видна прореха и торчащий из нее зачаток конечности — след недавней стычки с фобоями.

Отец работает бок о бок с сотней других Спокойных. Они забираются на спины друг другу, чтобы увеличить высоту стены. Но участок отца отличается от других. Он покрыт рисунками и барельефами. Большую часть сразу же уничтожают Спокойные-механики, устанавливающие на стене оружие. Но отцу, похоже, все равно.

— Отец! — окликает его Исидор.

Спокойный прерывает работу и медленно поворачивается к сыну.

Металлический панцирь, остывая, издает звонкие щелчки и стоны. Исидора охватывает привычный страх, осознание того, что в один из дней ему *самому* придется оказаться внутри такого же тела. Отец нависает над ним в оранжевой пыли, словно подрубленное дерево, механизмы его рук постепенно замирают.

— Я принес тебе цветы, — говорит Исидор.

Букет состоит из любимых отцом высоких аргирских лилий. Исидор бережно кладет цветы на землю. Отец осторожно поднимает букет. Его челюсти снова приходят в движение, тонкие конечности исполняют стремительный танец, и Спокойный ставит перед Исидором крошечную статуэтку из темного строительного материала: улыбающийся человечек отвешивает поклон.

— Пожалуйста, — отвечает Исидор.

Некоторое время они стоят молча. Исидор переводит взгляд на осыпающийся барельеф стены, разглядывает лица и фигуры, созданные отцом. Среди них с любовью вырезанное в камне дерево, на ветвях которого множество большеглазых сов.

Возможно, Элоди права, думает он. *Это несправедливо.*

— Я должен тебе кое-что рассказать, — произносит Исидор.

Чувство вины, влажное и холодное, расползается по спине, плечам и животу скользким прилипалой. В его объятиях трудно даже разговаривать.

— Я совершил глупость, — признается Исидор. — Я беседовал с журналистом. Я был пьян.

Он испытывает слабость и садится на песок, не выпуская из рук статуэтку отца.

— Это непростительно. Мне очень жаль. У меня уже возникли проблемы, возможно, у тебя они тоже возникнут.

На этот раз появляются сразу две фигурки: рука более высокого человека лежит на спине второго.

— Я знаю, что ты мне доверяешь, — говорит Исидор. — Я просто хотел все тебе рассказать.

Он поднимается и разглядывает барельеф стены: бегущие кони, абстрактные фигуры, лица, Достойные, Спокойные. Скафандр пропускает внутрь дымный запах только что обработанного камня.

— Репортер спрашивал, зачем я пытаюсь разгадывать загадки. Я сказал ему какую-то глупость. — Он надолго умолкает. — Ты помнишь, как она выглядела? Она оставила тебе это?

Спокойный, угловатый, поблескивающий металлом, выпрямляется. Его формирующие конечности проходят вдоль ряда незавершенных женских лиц. Каждое немного отличается от остальных, демонстрируя попытки вернуть утраченное.

В памяти Исидора запечатлелся тот день, когда он не смог вспомнить лицо матери, когда закрылся ее гевулот. У него возникло странное ощущение *пустоты.* Прежде он все время чувствовал какую-то защищенность, был кто-то, кто знал, где он находится и о чем думает.

Спокойный создает еще одну композицию из песка: женщина без лица держит зонтик над двумя другими людьми.

— Я понимаю, ты думаешь, что она старалась нас защитить. Я не верю в это.

Он пинает скульптуру. Фигурки рассыпаются. И тут же возникает сожаление.

— Я не хотел этого делать. Прости.

Он снова смотрит на стену, на бесконечную работу отца.

Они все ломают, а он снова строит. Его работу видят только фобои.

Исидор неожиданно чувствует себя глупцом.

— Давай больше не будем о ней говорить.

Спокойный раскачивается, словно дерево на ветру. Затем создает две фигурки с узнаваемыми лицами, держащиеся за руки.

— Пиксил в порядке, — отзывается Исидор. — Я… Я не знаю, что из всего этого выйдет, но когда мы это поймем, я снова приведу ее повидаться с тобой.

Он опять садится и прислоняется спиной к стене.

— Почему ты не расскажешь мне, чем занимался?

Когда Исидор снова оказывается в городе, на ярком дневном

свете, ему становится легче, и дело не только в том, что он освободился от скафандра. Он несет в кармане первую из статуэток, и ее тяжесть действует на него успокаивающе.

Он позволяет себе пообедать в роскошном итало-китайском ресторане на Устойчивом проспекте. «Вестник Ареса» все еще транслирует его интервью, но на этот раз Исидор заставляет себя сосредоточиться на еде.

— Не расстраивайтесь, мистер Ботреле, — раздается чей-то голос. — Любая популярность полезна.

Исидор изумленно поднимает взгляд. По другую сторону стола сидит женщина. Его гевулот даже не отреагировал. У нее высокое, молодое, изготовленное на заказ тело, коротко стриженые волосы, а лицо отличается необычной красотой: крупный нос, полные губы и изогнутые брови. На ней белая одежда — ксанфийский жакет поверх дорогой имитации революционной формы. В ушах поблескивают два крошечных бриллианта.

Она кладет тонкие руки поверх газеты, и длинные пальцы выгибаются, словно спина кошки.

— Нравится ли вам слава, мистер Ботреле?

— Простите, не имею удовольствия…

Исидор снова посылает гевулот-запрос, чтобы узнать хотя бы, как ее зовут. Он даже не уверен, что ей было доступно его имя или что она могла видеть его лицо. Но вокруг женщины воздвигнута стена уединения, словно зеркальный барьер.

Незнакомка небрежно взмахивает рукой.

— Это не светская беседа, мистер Ботреле. Просто ответьте на мой вопрос.

Исидор смотрит на ее руки, сложенные поверх черно-белого снимка. Между ее пальцами он видит собственные безумные глаза.

— Почему это вас интересует?

— Не хотели бы вы расследовать дело, которое принесет вам *настоящую* славу? — В ее улыбке проскальзывает что-то ребяческое. — Мой наниматель уже некоторое время наблюдает за вами. Он никогда не пропускает таланты.

Исидор уже достаточно владеет собой, чтобы размышлять и обращаться к экзопамяти. Женщина отлично чувствует себя в своем теле, а это означает, что она довольно давно стала Достойной, возможно, слишком давно, чтобы выглядеть так молодо. В ее речи слышится акцент уроженки медленногорода, впрочем, тщательно скрываемый. Или, возможно, скрываемый ровно настолько, чтобы Исидор его заметил.

— Кто вы?

Она складывает газету пополам.

— Вы узнаете это, если примете наше предложение. — Женщина отдает ему газету, а вместе с ней короткое разделенное воспоминание. — Хорошего дня, мистер Ботреле.

Затем она встает, сверкнув улыбкой, и уходит, превратившись в серое пятно гевулота в толпе прохожих.

Исидор открывает послание, и в его сознании мелькает смутная ассоциация. Указано место и время. А также имя — *Жан ле Фламбер*.

Интерлюдия
Одержимость

Идея вломиться в синагогу принадлежит Исааку. Но возможность проникнуть внутрь обеспечивает, конечно, Поль. Это он нашептывает что-то в оформленный в виде раковины белый гевулот здания, пока тот не показывает ему одну из дверей под высокой аркой с затейливо расписанной штукатуркой.

— После вас, рабби, — говорит Поль, отвешивая шутливый поклон и едва не спотыкаясь.

— Нет, после вас, — настаивает Исаак. — Или, черт возьми, войдем вместе.

Он кладет руку на плечо молодого человека, и они бок о бок входят в святилище.

Они пили четырнадцать часов. Исааку нравится грубое воздействие алкоголя, вызывающее шум в голове, это намного лучше, чем изощренные наркотики. Стремительно уменьшающаяся трезвая часть его сознания воспринимает это скорее как традицию, нежели реальный процесс, — тысячелетняя культура отравления алкоголем, почитание Бахуса, заложенное в его изготовленном в Ублиетте теле.

В любом случае важно то, что мир вокруг теперь подчиняется странной, искаженной логике, и сердце в груди бьется так, что Исаак готов взобраться на одну из защитных стен и прокричать вызов мрачным порождениям марсианской пустыни. Или сразиться с самим Богом, в чем и состояло его первоначальное намерение.

Но тихое святилище синагоги, как всегда, заставляет его почувствовать себя ничтожным. Негасимый свет — яркая ку-сфера — горит над дверцами ковчега, и его сияние смешивается с первыми лучами рассвета, проникающими сквозь золотисто-голубые узоры витражных окон.

Исаак садится на стул лицом к кафедре, вынимает из кармана куртки походную металлическую фляжку и встряхивает ее. Судя по звуку, сосуд полупустой.

— Ну, вот мы и на месте, — говорит он Полю. — Что ты задумал? Рассказывай. В противном случае мы потратили уйму выпивки впустую.

— Хорошо. Но сначала ответь мне: зачем нужна религия? — спрашивает Поль.

Исаак смеется.

— А зачем алкоголь? Раз попробуешь, а потом очень трудно

отказаться. Он открывает фляжку и делает глоток. Водка обжигает язык. — Кроме того, это путь избранных, друг мой: тысяча всевозможных правил, которые ты должен просто принять, ибо все они иррациональны. И никакого детского лепета о том, что будешь спасен, если просто веришь. Ты должен как-нибудь попытаться.

— Спасибо, но я отказываюсь. — Поль направляется к дверям ковчега, и на его лице появляется странное выражение. — Прекрасный звук законов нарушенья, — бормочет он. Затем оборачивается. — Исаак, ты знаешь, почему мы с тобой друзья?

— Потому что я ненавижу тебя не так сильно, как остальных идиотов, которых этот гнусный марсианский город тащит на своей спине, — отвечает Исаак.

— Потому что у тебя нет ничего, что я мог бы захотеть.

Исаак смотрит на Поля. В свете витражей и сквозь туман водочного опьянения он кажется очень юным. Исаак вспоминает их первую встречу: спор в баре для приезжих из других миров, вышедший из-под контроля. Когда застарелая ярость Исаака стала вырываться из него, словно кашель, началась драка, во время которой он с радостью заметил, что молодой парень рядом с ним не прячется под гевулотом.

Некоторое время Исаак молчит.

— Позволю себе не согласиться, — наконец произносит он, поднимая флягу. — Вот, подойди и возьми. — Он долго и громко смеется. — Серьезно, что тебя гложет? Я знаю, из-за чего бывают эти продолжительные возлияния. Только не говори, что это опять из-за девчонки.

— Может быть, — отзывается Поль. — Я сделал глупость.

— Ничего другого я и не ожидал, — говорит Исаак. — Хочешь получить от меня взыскание? Или хочешь, чтобы Бог тебя наказал? Я с радостью выполню твое желание. Подойди поближе, чтобы я смог тебя отшлепать.

Он пытается подняться, но ноги не слушаются.

— Слушай, ты, сумасшедший ублюдок. Я не врезал тебе при первой встрече только по одной причине: я увидел одержимость. Я не знаю, что тобой владеет, но ты не можешь этого от меня скрыть. Для меня все вокруг просто стереотипы: червяки в голове, религия, поэзия, каббала, Революция, федоровская философия, выпивка. Для тебя — нечто другое. — Исаак нащупывает фляжку в кармане, но руки оказываются слишком большими и неуклюжими, словно в рукавицах. — Что бы это ни было, ради этого ты собираешься отказаться от чего-то хорошего. Избавься от этого чувства. Не повторяй мою ошибку. Отрекись.

— Я не могу, — отвечает Поль.

— Почему? — спрашивает Исаак. — Больно будет только один раз.

Поль прикрывает глаза.

— Есть… *кое-что.* Оно сильнее меня. Я думал, что сумею избавиться от этого, но не сумел: всякий раз, когда я хочу заполучить какую-то вещь, это нечто приказывает мне взять ее. И я могу это сделать. Это несложно. Особенно здесь.

Исаак смеется.

— Не стану притворяться, что я что-нибудь понял. Все это какая-то чужеземная чепуха. Воплощенное познание. Множество разумов и тел и прочая чушь. А по-моему, ты похож на маленького хнычущего мальчишку, у которого слишком много игрушек. Избавься от них. Если не можешь их уничтожить, запри где-нибудь, откуда очень трудно достать. Так меня когда-то давно, еще на Земле, отучили грызть ногти. — Исаак откидывается назад и чувствует, что съезжает по гладкому деревянному сиденью. Его взгляд останавливается на резных львах, украшающих потолок. — Будь мужчиной. Будь выше своих игрушек. Мы всегда выше вещей, которые делаем. Откажись от них. Начни что-то новое, используй собственные руки и мозги.

Поль садится рядом с ним и смотрит на двери ковчега. Затем вытаскивает из кармана Исаака флягу и пьет.

— И как все это помогло тебе самому?

Исаак дает ему пощечину. И, к собственному удивлению, не промахивается. Поль роняет фляжку и изумленно смотрит на него, держась одной рукой за горящую щеку и ухо. Фляжка со звоном подпрыгивает на полу, расплескивая остатки содержимого.

— Нет, ты посмотри, что ты заставил меня сделать, — говорит Исаак.

Глава восьмая
Вор и пираты

Музей современного искусства находится ниже уровня улиц. Это комплекс прозрачных туннелей, балконов и галерей, опоясывающий чресла города затейливым стеклянным поясом. Подобное расположение обеспечивает великолепное освещение экспонатов и удивительный вид на ноги города, вышагивающие по кратеру Эллада.

Мы переходим из одной галереи в другую с недолговечными стаканчиками кофе в руках. Я наслаждаюсь экскурсией, предметы искусства всегда действовали на меня успокаивающе, несмотря на то, что в последних работах, демонстрирующих всплески цвета и острые углы, заметна откровенная агрессивность и жестокость. Но Миели скучает. Изучая серию акварелей, она что-то мурлычет себе под нос.

— Ты не слишком большая поклонница живописи?

Она негромко смеется.

— Искусство не должно быть *плоским,* или мертвым, как это, — говорит Миели. — Оно должно *звучать.*

— Мне кажется, в таком случае его назвали бы музыкой.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд, и после этого я предпочитаю помалкивать, рассматривая молоденьких студенток, изучающих живопись, с не меньшим вниманием, нежели работы старых абстракционистов.

Спустя некоторое время мы начинаем замечать гогол-пиратов.

От своего нанимателя Миели получила общедоступные ключи агентов Соборности и послала им разделенное воспоминание. Идея назначить встречу в музее принадлежала мне. Здесь отличная структура гевулота с достаточно просторными агорами вокруг экспозиций, что должно было предотвратить насилие, но в то же время имеются и уединенные уголки для спокойных переговоров. Однако я не ожидал, что гогол-пираты явятся в таком количестве.

Маленькая девочка, рассматривающая картину со стадом грациозных слонов, которые пасутся в долине Нанеди, притрагивается к кончику носа точно так же, как это делает проходящая мимо парочка, держащаяся за руки. Этот же жест повторяет высокая студентка в футболке с глубоким вырезом, на котором я не мог не задержать взгляд. И целое семейство, возглавляемое отцом с редеющими рыжеватыми волосами,

который смеется в унисон со своим сыночком. И еще многие из окружающей нас толпы. Как я понимаю, они приоткрывают гевулот ровно настолько, чтобы продемонстрировать нам свое присутствие. Странно, но подобный прием кажется мне знакомым еще по давней человеческой жизни на Земле.

— Они ведут нас, — шепчет мне Миели. — Туда.

В конце концов мы оказываемся на обширном балконе, отделенном от основного пространства музея стеклянными дверями. Посреди широкого мелкого бассейна — фонтан с тремя скульптурами. Они напоминают тотемы, выполненные из острых металлических и органических деталей, которые — как я узнал из небольшого сопутствующего воспоминания — являются списанными в утиль частями тел Спокойных. Из стыков медленно капает вода, и этот звук мог бы действовать умиротворяюще, если бы не вызывал мысли о крови.

На балконе собралось около двух десятков человек, и одна группа прочно обосновалась у самых дверей, перекрывая путь к бегству.

К моему удивлению, скульптуры заинтересовывают Миели, и она стоит возле них, пока я не касаюсь ее руки.

— Я думаю, пора начинать.

— Хорошо, — соглашается она. — Только помни, что все переговоры веду я.

— Пожалуйста.

К нам подходит маленькая темнокожая девочка, лет шести. На ней ярко-голубое платье, а волосы собраны в хвостики, торчащие по обе стороны головы. Она потирает кончик носа уже очень хорошо знакомым нам жестом.

— Вы из другого мира? — спрашивает она. — Откуда? Меня зовут Анна.

— Привет, Анна, — отвечает Миели. — Мы среди друзей, так что нет необходимости сохранять маскировку.

— Осторожность никогда не помешает, — бросает длинноногая студентка, не поднимая головы от своего альбома с эскизами.

— У вас есть ровно одна минута, чтобы объяснить, как вы нас нашли, — подхватывает женщина в разноцветной одежде, стоящая у перил балкона за руку с молодым человеком.

— Иначе мы сами начнем это выяснять, — добавляет Анна.

— Я уверена, вы ничего не станете предпринимать здесь, — говорит Миели. — В музее полно агор.

— Мы давно привыкли иметь дело с агорами, — усмехается Анна. — Пятьдесят секунд.

— Я работаю на того, кто служит вашему копи-отцу, —

объясняет Миели. — Нам требуется помощь.

— Покажите печать, — требует рыжеволосый отец семейства, одновременно стараясь успокоить плачущего младенца.

— Мы рады служить, — подхватывает студентка. — Но сначала покажите печать.

На балконе повисает напряжение. Кое-кто из гогол-пиратов продолжает разговаривать, смеяться и указывать на статуи, но все взгляды обращены в нашу сторону.

— Для достижения Великой Всеобщей Цели необходимо соблюдение тайны, и вам это известно лучше, чем мне, — отвечает Миели. — Мы сумели вас отыскать. Разве это недостаточное доказательство?

— Дорогая, нам требуется нечто более существенное. Мы василевы. Немногие стремятся к достижению Великой Всеобщей Цели с такой же страстью, как мы. — Анна своей маленькой ручкой хватает край одежды Миели. — И мы не собираемся прыгать только потому, что некто, служащий ничтожному клану не-Основателей, щелкает пальцами. — Она улыбается, демонстрируя неровный ряд белоснежных квадратных зубов. — Время заканчивается. Может, нам пора заглянуть в твою хорошенькую головку?

— Нам не так уж много надо, — говорит Миели. — Всего лишь инструменты для имитации гевулота, идентификации марсианской личности…

— Так вы *конкуренты?* — спрашивает рыжеволосый отец семейства. — С какой стати нам с вами делиться?

Миели напряжена. Все это может закончиться скверно. Представители Соборности не сильны в переговорах: если твое поведение полностью определено схемой копи-клана, простора для творчества уже не остается. Именно поэтому они мне и нравятся. Я вспоминаю, где в последний раз видел нужную улыбку, жесты, слышал подходящий тон. Это было на Земле, несколько столетий назад, в баре, где я пил с хакерами и спорил с ними о политике. И кто же еще там был? *Ах, да.* Матчек. Маленький и злой Матчек, впоследствии ставший богом Соборности.

Я меняю позу, как будто стараюсь казаться выше, отвожу плечи назад, принимаю выражение праведного негодования.

— Вам известно, кто я такой?

По лицам василевов пробегает страх. Студентка роняет свой альбом, и он с плеском падает в бассейн. *Есть!*

— Моим служителям нет необходимости давать объяснения. И, думаю, мне не надо представляться. Великая Всеобщая Цель требует *веры.* Вам ее явно не хватает.

Миели смотрит на меня, вытаращив глаза.

Просто подыгрывай, шепчу я ей по биотической связи. *Потом я все объясню.*

— Или для того, чтобы узнать пришедшего к вам Основателя, вам нужны какие-то печати и символы? Мне требуются инструменты. Я выполняю здесь миссию. Во имя достижения Цели нам порой приходится оказываться в самых неожиданных местах, и потому я прибыл неподготовленным. Вы немедленно предоставите мне все необходимое.

— Но… — пищит Анна.

— У меня с собой фрагмент Дракона, — зловещим шепотом произношу я. — Хочешь стать его частицей?

На несколько мгновений воцаряется тишина. А затем в голову мне ударяет поток информации. Я ощущаю, как тело Соборности распознает данные и сохраняет их в памяти. Шаблоны личности, имитаторы ощущений гевулота, принципы защиты: все, что необходимо для создания фальшивой персоны в Ублиетте. *Надо же, это действительно сработало…*

Внезапно Анна вздрагивает, и ее взгляд стекленеет. Поток информации обрывается так же неожиданно, как и возник. Не выходя из образа, я обвожу взглядом собравшихся, стараясь изобразить царственное неудовольствие.

— Что это означает? Разве я не ясно выразился?

— Абсолютно ясно, мистер ле Фламбер! — хором восклицают василевы. — А теперь стой смирно. Наши друзья хотят с тобой поговорить.

Черт.

Я поворачиваюсь к Миели, чтобы сказать, что уже получил все необходимое и что ей пора вытаскивать нас отсюда, но, прежде чем успеваю закончить мысль, начинается фейерверк.

Миели наблюдает за гамбитом вора со смесью изумления и возмущения. Она встречалась с Матчеком Ченом, и вор в совершенстве копирует его голос и жесты. Для разумов Соборности, заключенных в украденные тела марсиан, это все равно, что оказаться в присутствии богоподобного существа. А их последующая атака преисполнена ярости истинно верующих, столкнувшихся с еретиком. *К дьяволу осторожность. Я всех их уничтожу.*

Метамозг пробуждается. В первую очередь Миели замедляет время, чтобы иметь возможность подумать, а затем погружается в боевую сосредоточенность.

«Перхонен». Зондирование.

Корабль, находящийся на огромной высоте, посылает заряд

слабо взаимодействующих экзотических частиц. Перед Миели проступают структурные очертания василевов. Ее метамозг классифицирует скрытое оружие. Гостганы. Оружие Соборности с пулями, поражающими разум. *Проклятье.* Мысленным приказом она приводит в боевую готовность собственное оружие.

В ее правой руке имеется ку-винтовка, линейный ускоритель, стреляющий полуавтономными когерентными зарядами. В левой руке установлена ку-винтовка с комплектом наноракет: в каждой содержится боевой гогол, готовый поразить вражеские системы, наводнить их своими копиями. Программируемый слой под эпидермисом становится броней, ногти приобретают алмазную твердость. Термоядерный реактор в правом бедре наращивает мощность. Процессор Нэша выбирает оптимальную последовательность целей и укрытие для вора.

Огневая поддержка, командует она «Перхонен». *По моему сигналу.*

Мне придется переменить позицию, отвечает корабль. *Предвижу проблемы со Спокойными на орбите.*

Выполняй.

Миели чувствует себя на грани гибели. Она должна сражаться в одиночку, любой другой вариант стал бы предательством по отношению к памяти предков. В случае неудачи второго шанса не будет. Порой эта грань определяет все, особенно в случае борьбы против Соборности.

Гогол-пираты тоже активизируются. Но это внедренные агенты, их синтбиотические тела не обладают достаточным уровнем боевой оснащенности. Тем не менее у них имеются гостганы, встроенные в глаза, руки и туловища. Уже через десять миллисекунд они выпускают первый залп, на их лицах, словно мерцающий макияж, зажигаются инфракрасные огоньки, и вылетают наноракеты. Усовершенствованным зрением Миели видит, как помещение покрывается смертоносной паутиной лучей.

Она хватает вора и швыряет его к основанию средней статуи, в прореху этой паутины. И в то же время выпускает залп ку-частиц. Она будто рисует пальцами в воздухе — очередной взмах оставляет после себя светящийся след. Каждая частица, представляющая собой конденсат Бозе-Эйнштейна, несет заряд энергии и квантовой логики и становится продолжением мысли Миели, словно бесплотная конечность. Тремя частицами, словно бичом, она сметает летящие снаряды, разрывая опасную паутину и обеспечивая себе пространство для маневра. Еще две направлены в толпу василевов и готовы взорваться вспышками когерентного излучения.

Ракеты василевов реагируют и нацеливаются на нее. Некоторые меняют траекторию и направляются к вору. Группа василевов разделяется в попытке уклониться от летящих кучастиц, но слишком медленно. Заряды вспыхивают белыми лазерными звездами, освещающими галерею, плавящими стекло, синтбиотические тела и бесценные предметы искусства.

Миели устремляется вперед. Воздух кажется шелковисто-гладким. Даже в состоянии боевой сосредоточенности свобода движений вызывает у нее восторг. Миели уклоняется от ракет, оставляя следы на поверхности воды, и, как будто в задумчивости, пробивает рукой живот студентки.

Все набрасываются на нее: Анна, семейство в полном составе, женщина в слишком яркой одежде и еще трое других. Из их пальцев бьют расщепляющиеся лучи, которые поражают ткани вибрацией. Один хлещет Миели по спине. Защитное снаряжение выжигает поврежденный слой, и на мгновенье у нее вырастают огненные крылья.

Миели задает своему гостгану простейшую программу обороны и стреляет в противников: один, два, три — вору требуется дополнительная защита. Она поражает двух. Гостгоголы овладевают разумом василевов и бросают их навстречу нацеленным в вора ракетам.

Миели отклоняет расщепляющийся поток и направляет его на Анну. Молекулярные стрелы разрывают клетки ее плоти, и туловище девочки взрывается облаком пыли. Последнюю кучастицу Миели посылает в глаз рыжеволосого мужчины. Несколько василевов еще ведут ответный огонь. Броня стонет под ударами гостганов. Сжав зубы, Миели перехватывает один из снарядов и зажимает его в кулаке. В нем содержится копия разума василева — позже можно будет задать ему несколько вопросов.

Василевы бросаются на нее всей толпой: целая гора управляемой синтбиотической плоти, которая не реагирует на удары — кулаки Миели погружаются в противников, словно в туман. Ее голова уже прижата к полу. Миели посылает «Перхонен» координаты. *Давай.*

Налетевший с неба огонь отсекает балкон, словно скальпелем. Раздается скрежет металла. Откуда-то сверху крылья «Перхонен» орошают врагов пылающим светом.

Внезапное ощущение свободного падения кажется возвращением домой. Миели пробирается сквозь кровавый туман и исковерканные тела, находит вора и крепко хватает его. А затем раскрывает крылья. Как всегда, это чувство распускающихся за плечами бутонов переносит ее в детство, когда она летала по

ледяным лесам в своем кото, гоняясь за пара-пауками. Но теперь ее крылья стали сильнее и даже в этом тяжеловесном городе способны нести не только ее саму, но и вора.

Они вдвоем пробивают потолок галереи. Искореженные, горящие обломки балкона и останки василевов падают под ноги города.

Жаль статуй, думает Миели.

Мир превращается в хаос, заполненный взрывами и запахом горящей плоти. Я моргаю, и мое тело ударяется о камни. На голову обрушивается стаккато ударов. Потом я пробиваю стекло, Миели держит меня, и мы *летим.* Внизу полыхает огонь, а вокруг свистит ветер, словно в аэродинамическом туннеле.

Я кричу. Потом падаю. Примерно с метровой высоты. При марсианской силе тяжести. Приземляюсь на спину, перед глазами пляшут разноцветные искры. Я беспомощно открываю рот, не в силах восстановить дыхание.

— Прекрати, — приказывает Миели.

Она стоит на коленях рядом со мной, и два *крыла* медленно складываются у нее за спиной — два серебристых каркаса с тонкой, как паутина, сеткой, разделенные прозрачной мерцающей пленкой, похожей на ткань в крыльях «Перхонен». Через мгновение они исчезают.

— Черт, — выдавливаю я, как только снова начинаю дышать.

Мы находимся на слегка покатой крыше, где-то на окраине города. Столб огня и дыма на горизонте отмечает то место, где мы были всего несколько секунд назад. Над полем боя, словно стая воронов, уже кружат наставники.

— Черт, черт, черт.

— Я же тебе сказала, прекрати, — произносит Миели, поднимаясь на ноги.

Ее одежда изорвана в клочья, и в прорехах видна гладкая смуглая кожа. Она замечает мой взгляд и поворачивается спиной, а ткань начинает восстанавливаться.

— Ч… — Я со свистом втягиваю воздух. — Ублюдки. Им кто-то сказал. Кто мы такие. Кто-то знал.

Милые голубки, говорит «Перхонен». *Я рада, что у вас все в порядке, но не рассчитывайте меня услышать в ближайшие нескольких часов. Я должна незаметно покинуть занимаемую позицию: орбитальные Спокойные, какими бы глухими и слепыми они ни были, не могли не заметить лазерные лучи, направленные на их планету. Я дам вам знать, когда вернусь. Будьте осторожны.*

— Что там произошло? — спрашиваю я у Миели.

— Они атаковали. Пришлось попросить «Перхонен» принять

экстренные меры. Согласно регламенту.

— Так все они убиты?

— Уничтожены. Без дальнейшей возможности восстановления экзопамяти. Если даже их воскресят, они нас не вспомнят. Это были тайно внедренные василевы, без оборудования для нейтринной связи.

— О господи. Есть какие-нибудь сопутствующие разрушения?

— Только предметы искусства, — отвечает Миели, и я никак не могу понять, шутит она или нет. — Но ты ведь получил то, зачем мы пришли, не так ли?

Я обращаюсь к данным, перекачанным в мою память девчонкой-пиратом. Некоторые фрагменты утрачены, но самое важное осталось.

— Да. Мне надо будет все это изучить. — Я потираю виски. — Послушай, что-то происходит. Нет ли какой-то двойной игры, в которой замешан твой наниматель из Соборности? Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет.

Ее ответ пресекает любые дальнейшие расспросы.

— Ладно, придется предположить, что это были местные интриги. Нам нужно этим заняться.

— Этим займусь *я*. А *тебе* необходимо сосредоточиться на миссии.

Я медленно поднимаюсь. Мое тело не пострадало — ни одной сломанной кости — но оно реагирует так, словно сплошь покрыто синяками. — Да, вот еще что.

— Что?

— Тебе не кажется, что моему телу недостаточно одной лишь способности исцеляться? Если уж мне предстоит создать новую личность, потребуется большая гибкость. Даже для того, чтобы отыскать эту девчонку, Раймонду, нужны не только глаза и уши. Не говоря уже о моделировании гевулота или *выживании* в случае новой встречи с нашим многоголосым приятелем.

Миели пристально смотрит на меня, потирая руки. Кожа очищается, и с ладоней слетают хлопья высохшей крови.

— Да, кстати, благодарю за спасение моей задницы, — добавляю я. Я знаю, что подобные усилия напрасны, но придаю немного теплоты — почти искренней — своему взгляду и дарю ей лучшую из своих улыбок. — Ты должна дать мне возможность отплатить тебе за эту услугу.

Миели хмурится.

— Хорошо. Когда вернемся, я посмотрю, что можно сделать. А теперь давай выбираться отсюда. Я уверена, что мы не оставили никаких следов за пределами гевулота, но на наставников эти

правила не распространяются. Я не хочу после всего этого драться еще и с *ними*.

— Мы полетим?

Миели цепко хватает меня за плечо и подтаскивает к краю крыши. Улица метрах в ста под нами.

— Можешь попробовать, если хочешь, — говорит она. — Но в твоем теле *не предусмотрены* крылья.

Ночью в отеле я делаю себе новое лицо.

Мы возвращались кружным путем, под полностью закрытым гевулотом, охватывающим еще и часть городских достопримечательностей — настоящая паранойя, как будто под гевулотом нас невозможно узнать, но Миели настаивает на этом. Кроме того, она сооружает нечто вроде защитного заграждения — из ее пальцев вылетают маленькие светящиеся точки, которые проверяют все окна и двери.

— Не прикасайся к ним, — предупреждает она, хотя в этом нет никакой необходимости.

А потом она творит настоящее волшебство — за это мне хочется ее расцеловать. И я бы так и сделал, если бы в голове не мелькали отрывочные воспоминания о том, как она вырвала руку из тела девчонки и с ее помощью забила насмерть трех противников. Так или иначе, Миели на мгновение прикрывает глаза, и в моей голове раздается *щелчок*. Ничего особенного, нет даже намека на ту свободу, которой я недолго обладал во время борьбы против архонтов, но это уже кое-что. Более полное осознание самого себя, ощущение контроля. Теперь я знаю, что сеть ку-частиц — искусственных атомов, способных принять любую форму и любые физические свойства, — под кожей этого тела может имитировать эпидермис любого цвета, фактуры и вида.

Миели заявляет, что ее системы нуждаются в подзарядке, что ей необходимо устранить кое-какие повреждения, и потому рано уходит спать. «Перхонен» молчит, без сомнения играя в прятки с орбитальными часовыми или вламываясь в их системы, чтобы внедрить убедительные оправдания тому, что ее на какое-то время потеряли из вида. И я остаюсь в полном одиночестве, чего не случалось с самого побега из Тюрьмы.

Мне это нравится; некоторое время я просто сижу на балконе, любуюсь видом ночного города и на этот раз потягиваю односолодовое виски. Этот напиток всегда способствовал самоанализу — пауза после глотка, долгое послевкусие, дающее возможность насладиться оставшимся на языке ароматом.

Я мысленно один за другим раскладываю полученные

инструменты.

Гевулот несовершенен. В нем попадаются петли — фрагменты, где узел, содержащий воспоминание, событие или личность, имеет более одного источника. Это означает, что в некоторых случаях, раскрывая гевулот на каком-то невинном воспоминании о вкусе или интимном моменте, можно обнажить целые пласты экзопамяти индивидуума. У гогол-пиратов оказалась особая программа, которая копирует древовидную систему гевулота, определяет ключевые узлы в процессе разговора.

Есть еще одна программа, позволяющая вторгаться в квантовую связь между Часами и экзопамятью. В этом случае требуется огромная мощность и квантовая электроника: на эту тему надо поговорить с «Перхонен». И безупречный имитатор гевулота, которым я и намерен немедленно воспользоваться. Кроме того, обнаружился целый набор общедоступных/персональных ключей и пустые пласты экзопамяти, из которых можно выбрать. Мне не хочется думать о том, как они были получены, но, по крайней мере, грязную работу за нас сделали другие. Некоторые пласты фрагментарны из-за внезапного прерывания загрузки, однако и того, что есть, пока достаточно.

Подготовка к превращению в другое существо вызывает во мне трепет предвкушения, наслаждение собственной властью. Вероятно, в моей жизни уже были моменты, когда я из одной личности перевоплощался в другую: постгуманоида, зоку, обыкновенного человека или представителя Соборности. И одно это уже вызывает у меня страстное желание снова быть королем воров.

Я открываю Часы и еще раз смотрю на снимок.

Кем я должен стать для тебя, Раймонда? Кем я был для тебя прежде?

Ее улыбка не дает ответа, и я защелкиваю крышечку, допиваю виски и начинаю разглядывать себя в зеркале в ванной комнате.

Мой вид — глаза под тяжелыми веками, проблеск седины в волосах — снова наводит меня на мысль о нанимателе Миели. Должно быть, она знала меня очень давно. Но, кем бы она ни была, Тюрьма лишила меня этой части воспоминаний. Несколько мгновений я с удовольствием разглядываю свое отражение. Я не страдаю нарциссизмом, но люблю зеркала за их способность передавать внутреннюю сущность через внешние черты. В конце концов я решаюсь испытать свое тело. *Стань немного моложе,* приказываю я ему. *Немного выше, с высокими скулами и более длинными волосами.* Отражение в зеркале подергивается рябью, словно вода, и трепет предвкушения сменяется ликованием.

— Тебе все это нравится, верно? — раздается голос.

Я отрываюсь от зеркала и оглядываю комнату, но поблизости никого нет. А голос кажется невероятно знакомым.

— Я здесь, — говорит мое отражение.

Это молодой человек со снимка, привлекательный, темноволосый, улыбающийся. Он слегка наклоняет голову, осматривая меня сквозь стекло. Я поднимаю руку и дотрагиваюсь до него, но изображение не двигается. Как и при встрече с мальчишкой на агоре, меня охватывает ощущение нереальности происходящего.

— Ты думаешь о ней, — замечает он. — А это означает, что ты снова намерен с ней поговорить. — Он печально вздыхает. — Тебе надо кое-что узнать.

— Да! — кричу я ему. — Где мои воспоминания? К чему все эти игры? Что означают те символы…

Он игнорирует мои вопросы.

— Мы действительно думали, что она та самая. Что в ней наше спасение. И некоторое время так оно и было. — Он касается стекла с противоположной стороны, повторяя мой недавний жест. — Знаешь, я немного завидую тебе. Тебе предстоит попытаться снова. Но запомни, что в прошлый раз мы очень плохо с ней обошлись. Мы не заслуживаем второго шанса. Постарайся не разбить ей сердце, а если все же разобьешь, убедись, что есть кто-то, кто мог бы собрать осколки.

Потом усмешка возвращается на его лицо.

— Я уверен, ты теперь меня ненавидишь — слегка. Но это дело и не должно было быть легким. Я затруднил поиски не из-за тебя, а ради себя самого. Как алкоголик, который запирает выпивку в подвале и выбрасывает ключ. Но ты здесь, значит, я плохо старался. Мы оба здесь. Передавай ей привет.

Он вынимает Часы, те самые, которые держу я, и смотрит на них.

— Что ж, мне пора. Развлекайся. И не забудь, ей нравится летать на воздушном шаре.

Он исчезает, и в зеркале появляется мое собственное новое отражение.

Я сажусь на стул и начинаю превращаться в нового человека для первого свидания.

Глава девятая
Сыщик и письмо

Позже тем же вечером Исидор принимает присланное в коротком разделенном воспоминании приглашение и направляется в Черепаший парк. По узкой песчаной тропинке Исидор проходит через заросли сосен и вязов и за деревьями обнаруживает замок.

Это самое большое отреставрированное здание эпохи Королевства, которое он видел, за исключением Олимпийского дворца. Просто поразительно, что оно скрыто от посторонних взглядов пеленой гевулота. Последние лучи заходящего солнца скользят по двум башням, которые наклонены вправо и влево наподобие восточных кинжалов. Длинная голубоватая тень замка накрыла огромный цветник, разбитый с геометрической точностью. Растения образуют разноцветные треугольники и многоугольники, словно садовник намеревался доказать теорему Эвклида. Только через несколько мгновений Исидор понимает, что перед ним дорические солнечные часы с тенью более высокой башни в качестве стрелки.

Вокруг замка высокий железный забор с воротами. За ними в ожидании застыл Спокойный. Это необычное существо: человекообразное, не выше нормального мужчины, в расшитой серебром голубой ливрее, золотистой маске и перчатках, скрывающих острые углы и края. Он напоминает Исидору увешанные драгоценностями манекены в имитации Королевства. Спокойный, естественно, молчит, но Исидор считает необходимым что-нибудь сказать.

— Я Исидор Ботреле, — говорит он. — Меня ждут.

Спокойный без слов открывает ворота и ведет его к замку. Они проходят мимо лилий, роз и более экзотических цветов, узнать которые Исидор может, только обратившись к экзопамяти.

Небольшую лужайку, где стоит похожая на пагоду беседка, заливает золотистый солнечный свет. Светловолосый молодой человек — почти мальчик, шести или восьми марсианских лет — сидит внутри с книгой. Перед ним опустевшая чайная чашка. Простая Революционная форма сидит на нем слишком свободно. Тонкие брови на детском пухлом личике сосредоточенно сдвинуты. Спокойный-слуга останавливается и звонит в серебряный колокольчик. Юноша медленно поднимает голову и с преувеличенной осторожностью встает из-за стола.

— Дорогой мой! — восклицает он, протягивая руку. В ладони

Исидора его пальцы кажутся фарфоровыми. Он выше, чем Исидор, но почти болезненно худ — обычная для Марса фигура в своем крайнем воплощении. — Как замечательно, что вы смогли прийти. Хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— Садитесь, садитесь. Как вам понравился мой сад?

— Впечатляюще.

— Да, мой садовник настоящий гений. Очень скромный человек, но гений. Эта черта присуща и многим другим людям, обладающим редким талантом, таким, как ваш.

Исидор некоторое время молча смотрит на него и пытается отделаться от ощущения тревоги. Это не отсутствие уединения, как в Пыльном районе, а какая-то неустойчивость, словно покров гевулота вот-вот порвется.

— А вы достаточно гениальны, чтобы догадаться, кто я? — улыбается молодой человек.

— Вы Кристиан Унру, — отвечает Исидор. — Миллениэр.

Выяснить это было несложно, но Исидор потратил полдня, просматривая общественную экзопамять и сравнивая информацию с фрагментом разделенной памяти, оставленным ему женщиной в белом. Унру — если его действительно так зовут — скрытный человек даже по меркам Ублиетта: кроме того, что он очень молод, трудно отыскать какие-нибудь сведения. Его имя обычно упоминается в газетах в связи с социально значимыми событиями или крупными сделками. Ясно одно — времени у него не меньше, чем у Бога.

— Вы разбогатели на посредничестве через гевулоты, операциях, разрешенных Голосом несколько лет назад. И, очевидно, вас что-то беспокоит. Гогол-пиратство?

— О нет. Я обычный человек во всех отношениях, кроме накапливания Времени. Можно назвать это защитным механизмом. А беспокоит меня вот это.

Унру протягивает Исидору листок дорогой белой бумаги с несколькими словами, начертанными элегантным плавным почерком. Письмо гласит:

> Дорогой мистер Унру.
>
> В ответ на ваше не присланное приглашение с удовольствием сообщаю, что буду рад посетить ваш прием «Carpe diem»[32] 28-го Вришики, в 24–00. Со мной будет еще один гость.
>
> *Ваш покорный слуга, Жан ле Фламбер.*

О ле Фламбере Исидор размышлял весь день. В экзопамяти

Ублиетта о нем не было почти никакой информации. В конце концов он потратил Время на дорогого информ-агента, который отваживался заглядывать в Царство за пределами информационного пространства Ублиетта. То, что он раздобыл, можно назвать смесью фактов и легенд. Никаких актуальных воспоминаний или описаний жизни, никаких видео- и аудиоматериалов. Фрагменты сообщений, относящиеся к эпохе до Коллапса, и сетевые дискуссии о выдающемся преступнике, действовавшем в Лондоне и Париже. Фантастические истории о солнечном заводе, украденном у Соборности, о взломе электронного мозга *губерний;* подозрительные операции в ирреальном Царстве.

Все это не могло относиться к одной личности, возможно, это копи-семейство. Или мем — что бы это слово ни означало в других частях Системы — которым преступники отмечали свои злодеяния. В любом случае это какой-то розыгрыш.

Исидор возвращает записку.

— Ваш прием «Carpe diem»? Это через неделю.

— Да, тысяча лет растрачивается быстро, особенно в наши дни, — улыбается Унру. — Я отказываюсь от большей части своего Времени, и некоторой долей будет распоряжаться моя помощница Одетта, с которой вы уже встречались.

— Я понимаю, для нашего поколения это редкость — не протестовать против этой несправедливости, но я в некотором роде идеалист. Я верю в Ублиетт. Я провел в этом теле восемь великолепных лет и теперь готов отдать свой долг в качестве Спокойного. Но я, конечно, хочу закончить этот период с шиком. Использовать напоследок все свои возможности. — В его словах звучит неожиданная горечь.

Спокойный-слуга приносит изящные фарфоровые чашки с чаем. Унру с наслаждением смакует напиток.

— Кроме того, ощущение конца придает чувствам особую остроту, не правда ли? Мне кажется, именно об этом думали наши отцы и матери, основатели. Изведать все — вот чего я хотел. До того момента, как пришла эта записка.

— Как она к вам попала?

— Я обнаружил ее в своей библиотеке, — отвечает Унру. — В моей библиотеке! — Гневные морщины выглядят на его детском личике абсолютно неуместно. Он с дребезжанием опускает чашку на стол. — Я *никого* не допускаю в свою библиотеку, мистер Ботреле. Это мое убежище. И никто, за исключением моих ближайших друзей, не может попасть в этот замок. После того, что появилось в газетах, я уверен, вы меня поймете: я чувствую, что… подвергся насилию.

По спине Исидора пробегает дрожь. При одной мысли о том, что кто-то может тайно вторгнуться в его личное пространство без доступа к его гевулоту, ему становится не по себе.

— Вы не допускаете мысли, что это был какой-то розыгрыш?

Унру складывает ладони.

— Безусловно, я рассматривал такую вероятность, — говорит он. — Как вы догадываетесь, я внимательно просмотрел экзопамять замка. И ничего не обнаружил. Вчера вечером, примерно от семи до половины восьмого, письмо просто возникло в библиотеке. Почерк мне незнаком. Такую бумагу можно купить в любом канцелярском магазине на проспекте. Нет никаких следов ДНК, кроме моих собственных. Одетта уже проверила это. Я уверен, что здесь замешаны технологии других миров. А *modus operandi*[33] — заранее объявить место и время преступления — определенно соответствует тому, что нам известно об этой личности. В некоторой степени я даже не удивлен. Пришельцы считают нас отсталыми простаками. И этот… вор по какой-то причине выбрал для забавы именно меня. Но если бы я обратился к Голосу или к наставникам, мне бы ответили то же самое: это просто шутка. Вот по этой причине я и пригласил вас, мистер Ботреле. — Унру улыбается. — Я хочу, чтобы вы мне помогли. Хочу, чтобы вы выяснили, как это письмо попало в мою библиотеку. Хочу знать, что он задумал, и расстроить его планы. А если преступление все-таки будет совершено, хочу вернуть то, что он похитит.

Исидор глубоко вздыхает.

— Мне кажется, вы несколько преувеличиваете мои способности, — говорит он. — Как бы то ни было, я сомневаюсь, что за этим стоит реальный ле Фламбер. Но даже если это он, почему вы полагаете, что я в силах бороться с подобным существом?

— Как я уже говорил, я идеалист, — отвечает Унру. — Я знаком с вашей работой. Более того, я могу назвать себя вашим поклонником. И поскольку меня глубоко оскорбило поведение вора, я считаю удачной идеей устроить подобную битву умов в качестве компенсации за это оскорбление. Естественно, ваши усилия будут достойным образом вознаграждены, если дело в этом. Что скажете?

Поймать вора, размышляет Исидор. Нечто ясное. Нечто простое. Даже в том случае, если это всего лишь шутка.

— Хорошо, — говорит он. — Я согласен.

Унру хлопает в ладоши.

— Отлично! Знаете, мистер Ботреле, вам не придется сожалеть о своем решении. — Он встает. — А теперь давайте

отыщем Одетту и посетим место преступления.

Замок построен с той же пышностью, что и имитация Королевства в колонии зоку: высокие потолки, мраморные полы, матово-черные доспехи боевых роботов, охраняющих коридоры, и пейзажи старого Марса — красные скалы, долины Маринер,[34] улыбающееся лицо Короля, облаченного в белое с золотом.

Одетта — женщина в белом — ждет их в библиотеке и приветствует вошедшего Исидора сдержанным кивком.

— Отличная работа, — говорит ей Унру. — Похоже, ваше очарование убедило молодого мистера Ботреле помочь нам решить эту небольшую проблему.

— Я так и думала, — отвечает она. — Я уверена, вы заинтересуетесь этим делом, мистер Ботреле.

В библиотеке высокий стеклянный потолок, обеспечивающий прекрасное освещение, и огромные окна, выходящие в сад. Кожаные кресла выглядят очень удобными. И книги — аналоговые и спаймы, тысячи томов, стоящие аккуратными рядами на темных дубовых полках, которые обслуживает похожий на дерево синтбиотический дрон. В центре на бордовом ковре стоит бронзовая модель планетарной системы Марса и его окрестностей.

Унру поднимает руку, и дрон подает ему книгу, снятую черной рукой-веткой с одной из верхних полок.

— Это жизнеописание графа равнины Исида. Он был членом небольшой группы заговорщиков, пытавшихся свергнуть Короля за несколько лет до Революции. У них, естественно, ничего не получилось. Но предреволюционные годы — это удивительный период, тогда все могло пойти по-другому. Безусловно, в книге полно пробелов, оставленных Вспышкой. Как вы уже, вероятно, могли заметить, в недавнем прошлом я сильно увлекался эпохой Королевства. — В его голосе проскальзывает фальшивая нотка.

— Так или иначе, но именно эту книгу я читал, когда заметил письмо. Оно было вот здесь. — Миллениэр показывает на небольшой письменный стол. — Аккуратно положено таким образом, чтобы я сразу его заметил, садясь в любимое кресло. — Он оставляет книгу на столе, подходит к одному из кресел и садится. — Гевулот этого места имеется только у меня, трех Спокойных-слуг и Одетты. И теперь у вас.

— Есть еще какие-нибудь охранные системы?

— Пока нет, но я с радостью предоставляю вам полную свободу установить все что угодно, включая устройства с черного рынка. О деталях позаботится Одетта, только дайте ей знать, что вам нужно. — Унру окидывает Исидора взглядом и усмехается. — И я бы посоветовал вам вместе с ней пройтись по Устойчивому

проспекту. Для вечеринки вам потребуется какой-нибудь костюм.

Исидор смущенно кашляет, внезапно вспомнив о том, что одет в помятую копию революционной формы.

— Вы не возражаете, если я немного осмотрюсь?

— Нет, конечно. Я догадываюсь, что в течение нескольких ближайших дней вы будете проводить здесь значительную часть времени. Я предоставил вам доступ к экзопамяти — за исключением нескольких очень личных фрагментов. Так что чувствуйте себя свободно в своем расследовании.

Исидор берет в руки оставленную Унру книгу и открывает ее. Его мгновенно подхватывает ошеломляющий поток образов, действий и текстов. Видео с различных ракурсов, музыка и шумы, мелькание изысканных лиц и просторных залов…

Унру с неожиданной яростью выхватывает у него книгу. Его глаза мечут молнии, и на бледных щеках проступают красные пятна.

— Я бы предпочел, чтобы вы не касались содержимого библиотеки, — шипит он. Многое из этого… было трудно достать, и я отношусь к книгам очень ревностно.

Он протягивает том библиотечному дрону, и тот возвращает книгу на полку.

На лице Исидора, вероятно, отразилось его изумление и волнение — Унру качает головой и смущенно улыбается.

— Прошу прощения. Вы должны понимать страсть коллекционера. И, как я уже упоминал, это место для меня очень личное. Я был бы весьма обязан, если бы вы продолжали свое расследование без… академических изысканий.

Исидор прогоняет видения и кивает, хотя его пульс все еще учащен. Лицо Одетты неожиданно становится суровым.

— Я никогда не проявлял большого интереса к истории, — негромко говорит он.

Унру смеется, но его смех больше похож на кашель.

— Возможно, нам всем было бы намного полезнее больше времени посвящать настоящему, не так ли? По правде говоря, в ближайшие несколько дней мне предстоит много дел. Напоследок нашлось немало… человеческих проблем, которыми я должен заняться. — Он берет Исидора за руку. — Я верю в вас, мистер Ботреле. И надеюсь, что не разочаруюсь.

— Я тоже на это надеюсь, — говорит Исидор.

После ухода Унру Исидор достает увеличительное стекло и начинает осматривать помещение. Комната заполняется слоями информации: следы ДНК, микрочастицы одежды на ковре, отпечатки пальцев и жирные пятна, молекулы и микроэлементы.

В то же время он обращается к экзопамяти библиотеки. В голове выстраивается бесконечная башня, состоящая из мгновений прошлого. Исидор узнает, что письмо появилось в восемь часов тридцать пять минут прошлым вечером, и ни секундой раньше. Ни до, ни после этого в библиотеке никого не было. Он запрашивает воспоминания всего замка: слуга в вечном молчании стоит *здесь,* второй — *там,* а затем блок, скрывающий от его взгляда личные покои Унру.

Исидор снова рассматривает письмо. Нет никаких признаков самоформирования: это настоящая, изготовленная руками бумага либо высококачественная нанокопия. Даже учитывая современные технологии других миров, трудно представить, чтобы облако микрочастиц в течение нескольких секунд сконцентрировалось в письмо, да и требуемая для этого энергия не могла не оставить следов в экзопамяти замка.

— Мы рассматривали все возможные варианты, — говорит Одетта, усевшись на подлокотник кресла Унру с присущей ей улыбкой маленькой девочки. — Сомневаюсь, чтобы ваша игрушка зоку обнаружила нечто такое, чего не заметила я.

Исидор едва слышит ее: он слишком сосредоточен на осмотре пола и стен библиотеки. Как можно было ожидать, они прочные, из текучего базальта. Затем Исидор садится и на некоторое время закрывает глаза. Мимолетные видения из книги затмевают очертания загадки, но в душе ему хочется вплести в общий узор и их тоже. Исидор прогоняет исторические образы и сосредоточивается на письме. Запертая комната, таинственный объект — в этом есть какая-то почти избыточная ясность.

— Когда вы в последний раз приобретали что-нибудь для мистера Унру? — спрашивает он у Одетты.

Она касается губ кончиком пальца.

— Приблизительно три недели назад. А что?

— Мне пришла в голову мысль о Троянском коне, — говорит Исидор. — Не мог ли он получить с покупкой замаскированное устройство, содержащее, к примеру, микродрона или нечто подобное, что могло бы положить письмо в то место, где бы оно попалось на глаза мистеру Унру? В таком случае устройство могло попасть в замок довольно давно и бездействовало, пока не было активировано.

— Я считаю это маловероятным, — возражает Одетта. — Каждый купленный предмет Кристиан с помощью экспертов проверяет самым тщательным образом. И даже если бы такое устройство оказалось в замке, оно оставило бы след в экзопамяти.

— Верно. — Исидор смотрит на нее с любопытством. — А у вас имеется собственная версия?

— Мне платят не за это, — отвечает Одетта. — Но если бы мне пришлось строить предположения… Что ж, скажем так: за время моей работы здесь я видела, как наш дорогой Кристиан занимается вещами куда более эксцентричными, чем написание писем самому себе. — Она улыбается, но на этот раз выглядит более старой и злой. — Им легко овладевает скука. Ради вашего же блага, мистер Ботреле, я надеюсь, что вы придумываете загадки не хуже, чем их разгадываете. И что сыщик в вас искуснее, чем модник. Ваш гардероб *определенно* оставляет желать лучшего.

В тот вечер, возвращаясь домой, Исидор все еще думает о письме. И понимает, как сильно скучал без медленно разворачивающейся в голове схемы новой тайны.

Лин, должно быть, еще не легла: в кухне горит свет. Он вспоминает, что не ел с самого утра, и заказывает кухонному фабрикатору порцию ризотто.

Наблюдая за тем, как рука фабрикатора танцует над тарелкой, производя атомным лучом зернышки риса, Исидор размышляет об Унру. С ним что-то не так. Предположение Одетты о том, что Исидора позвали для участия в какой-то замысловатой шараде, весьма вероятно. Но эта версия слишком неуклюжа, чтобы ее принять.

При виде дымящейся тарелки он решает, что голод способствует мыслительному процессу, а потому оставляет еду на кухонном столе и уходит в комнату.

— Выдался долгий день?

На его кровати, скрестив ноги и играя с зеленым монстром, сидит Пиксил.

— Что ты здесь делаешь? Как ты попала в комнату?

Он намеренно исключил Пиксил из своего гевулота несколько дней назад. Что-то вроде местной анестезии, заставляющей онеметь поврежденный орган.

Пиксил поднимает кольцо сцепленности. По едва заметной зернистости ее силуэта Исидор понимает, что это изображение создано утилитарным туманом.

— Знаешь, это не просто средство связи, — говорит она. — Я устала играть в игру под названием «Догадайся, что думает твой парень». Полагаю, она началась по твоей инициативе.

— Ты?..

— Серьезно? Нет. Но большинство зоку могли бы, в этом нет сомнения. Мне нравится этот малый. У него есть имя?

— Нет.

— Какой позор! Оно ему необходимо. Что-нибудь из Лавкрафта, например. Хотя там более крупные и скользкие

существа со щупальцами.

Исидор молчит.

— Я вижу, ты слишком занят, чтобы разговаривать? — замечает Пиксил. — Наверно, я устала и от игры в «Давай поговорим о наших чувствах».

Некоторое время Пиксил просто смотрит на него.

— Я понимаю. И я шла, чтобы предложить новую систему ведения счета. Одно очко каждый раз, когда ты скажешь правду, а переход на следующий уровень открывается подлинными откровениями. Но я вижу, что напрасно потратила время. — Она складывает руки на груди. — Знаешь, если бы я попросила Дратдора, он мог бы сконструировать модель эмоционального реагирования, которая точно указала бы, что заставляет тебя убегать.

В голове Исидора возникает кошмарная мысль.

— Тебе ведь не приходилось иметь дело с этим ле Фламбером?

Он натыкается на границы, определенные гевулотом в отношении его договоренности с Унру, и язык словно примерзает к гортани. Но это очень *похоже* на Пиксил: придумать сложнейшую загадку, чтобы восстановить его доверие. Исидор с ужасом сознает, что не в силах сразу отбросить это предположение.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — отвечает Пиксил. — Мне ясно, что ты хочешь сосредоточиться на *важных* делах. Я пришла сказать, что вне зависимости от того, в какую игру ты играешь, — а я играю лучше, можешь мне поверить — ход за тобой.

Она исчезает. Кольцо сцепленности и зеленый монстр с глухим стуком падают на кровать. Монстр приземляется на спину и беспомощно дергает щупальцами в воздухе.

— Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь, — говорит Исидор.

Он поднимает существо и переворачивает его, получив в ответ благодарный взгляд огромных глаз. Исидор ложится рядом и смотрит в потолок. Он понимает, что должен подумать о Пиксил и о том, как помириться с ней, но мысли упорно возвращаются к письму. Письмо — это физический объект. У него имеется автор. Кто-то его написал. Экзопамять не могла не зафиксировать, откуда оно появилось. Поэтому должна быть возможность отыскать отправителя в экзопамяти. Если только…

Если только сама экзопамять не повреждена.

При этой мысли он ошеломленно моргает. Это все равно что сказать, будто сила тяжести не равна 0,6g или что солнце завтра

утром может не появиться. Но как ни абсурдна эта мысль, она все объясняет. И не только эту загадку, но и нечто большее, что маячит во тьме. Наверное, справедливо высказывание: «Отбросьте все невозможное — то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался».[35]

К ногам прикасается что-то холодное, и Исидор невольно вскрикивает. Это зеленое существо исследует пространство под одеялом. Исидор вылавливает его и сердито разглядывает. Монстр с невинным видом помахивает щупальцами.

— Знаешь, — говорит Исидор, — я буду звать тебя Шерлок.

Как и было обещано, Одетта помогает ему в выборе костюма для званого вечера. Половину дня они проводят на Устойчивом проспекте. Праздник посвящен Времени, и портной ловкими искусными движениями снимает с Исидора мерки для костюма, черного с серебром, представляющего Сол Лунаэ, второй день дарийской недели.

— Разве Луна не женского рода? — протестует Исидор, услышав от Одетты об идее наряда.

— Кристиан все тщательно обдумал, — говорит она, внимательно рассматривая проекции различных моделей на худощавой фигуре Исидора. — Я бы не стала с ним спорить: мне ни разу не удавалось убедить его изменить мнение. Надо попробовать другую ткань; возможно, бархат. — Она улыбается. — Луна к тому же символизирует тайну и интуицию. Вероятно, именно это он в вас и видит. А может, и нет.

После этого Исидор умолкает и без жалоб переносит мучительный процесс.

Покончив с покупками, он возвращается в замок и начинает отбрасывать невозможное, переходя от одной гипотезы, объясняющей появление письма, к другой, более сложной. Он обдумывает и возможность самоформирования бумаги, и пелену-невидимку, достаточно изощренную, чтобы обмануть вездесущие сенсоры экзопамяти. Но все предположения приводят к одному недоказуемому выводу: нарушена работа самой экзопамяти.

Один из Спокойных-слуг приносит ему легкий ланч, который Исидор съедает в одиночестве. Вероятно, миллениэр слишком занят в эти последние дни, проводимые в теле Достойного, чтобы уделять Время уже запущенному процессу.

После полудня Исидор рассматривает возможность манипулирования экзопамятью. Он собирает данные до тех пор, пока голова не распухает от технической информации о распределенной повсеместной связи и квантовой криптографии ключей доступа, о задаче византийских генералов[36] и

разделенных секретных протоколах. Экзопамять присутствует повсюду. Ее микроскопические распределенные сенсоры в каждой частице интеллектуальной или латентной материи регистрируют все: от событий до изменений температуры, от движений до мыслей объекта, — и доступ к ней контролируется только гевулотом. Но память создана лишь для записи, с колоссальным резервом. Для того, чтобы взломать ее и внести изменения, потребовались бы технологические и компьютерные ресурсы, намного превосходящие возможности любого из граждан Ублиетта.

Эта мысль обжигает Исидора леденящим холодом. Возможно, на Унру и впрямь нацелились какие-то силы из других миров.

После прогулки по саду, где светловолосый человек в синем комбинезоне вместе со Спокойным-слугой трудится над цветниками Унру, Исидор просматривает доступную ему экзопамять замка в поисках других пробелов. Он сидит в одном из кресел библиотеки и вспоминает. Весь этот год Унру вел размеренную, почти отшельническую жизнь, если не считать участия в редких вечеринках. В памяти также запечатлелись моменты, связанные с экзотическими куртизанками с улицы Змеи, что навело Исидора на мысль об Адриане Ву. Интересно, что бы написал журналист о его новом патроне? Но по большей части Унру проводит время в одиночестве, иногда встречается с торговцами антиквариатом, обедает один и посвящает долгие часы чтению в своей библиотеке.

Исидор уже почти готов сдаться — невозможно переварить такое множество деталей за один раз — но затем решает обобщить воспоминания, относящиеся к книге, которую ему показывал Унру, о жизни графа Исиды. В последний раз Унру читал ее четыре недели назад. И в памяти…

Ему потребовалось всего несколько мгновений. После чего Исидор вскакивает на ноги и отправляется на поиски Одетты. Она следит за подготовкой приема в маленьком кабинете восточного крыла замка, в окружении парящих спайм-приглашений, которые напоминают застывшую стаю птиц.

— Я хочу видеть мистера Унру.

— Боюсь, это невозможно, — говорит она. — У Кристиана осталось всего несколько дней, и он решил распорядиться ими по своему желанию.

— У меня есть к нему вопросы.

— Мистер Ботреле, я бы на вашем месте довольствовалась ролью, отведенной вам в этой небольшой драме. — Она притрагивается к виртуальному листку, висящему в воздухе. Появляется женское лицо, Одетта рассматривает его, легонько

касаясь губ кончиком ручки. — Актриса. Не думаю, что она подойдет. Иногда мне кажется, что я могла бы стать композитором. Организация приема очень похожа на сочинение симфонии: необходимо учитывать, как различные инструменты дополняют друг друга. Для меня вы, мистер Ботреле, еще один инструмент. Кристиан доверил мне дирижировать его последним днем. Поэтому, прошу вас, оставьте свои драматические откровения до приема. Я всегда говорила, что самое главное в комедии — это правильный выбор момента.

Исидор складывает руки на груди.

— Однажды я услышал одну цитату, — говорит он. — «Если я поскользнулся на банановой кожуре, это трагедия. А если ты упал в яму и разбился насмерть, это комедия».[37] Интересно, что бы я смог выяснить, если бы больше внимания уделял *вам.*

Она стойко выдерживает взгляд Исидора.

— Мне нечего скрывать, — наконец отвечает Одетта.

Исидор улыбается и молчит. Она первой отводит глаза.

— Хорошо, — говорит Одетта. — Думаю, ему не повредит немного отвлечься.

Унру встречается с ним в одной из галерей замка. Он в халате и очень неприветлив. Исидор замечает, как кто-то удаляется по коридору под прикрытием гевулота, и гадает, каким делом миллениэр пожертвовал ради встречи с ним.

— Мистер Ботреле, мне сказали, что вы что-то выяснили.

— Верно. Я убежден, что ваше беспокойство не напрасно и здесь замешаны какие-то инопланетные силы. Я помогу вам подготовиться к вечеру надлежащим образом.

— Наверное, я должен поблагодарить вас за то, что вы не согласились с Одеттой и не заявили, будто письмо написал я сам, — отвечает Унру. — И что же дальше?

— Ничего. Местная экзопамять подверглась какому-то воздействию, и я не в силах определить, кто и как это сделал. Но я пришел поговорить не об этом.

— Вот как? — Унру приподнимает брови.

— Просматривая экзопамять в поисках пробелов, я заметил, что вы часто обращались к жизнеописанию графа Исиды, и вернулся к первому появлению этой книги. Признаю, что я, возможно, злоупотребил предоставленной мне свободой, но считал важным изучить все аспекты этого дела и со всех точек зрения.

— В самом деле.

— Я не мог не отметить вашу… реакцию на данный текст. — (Унру закричал, отшвырнул книгу на другой конец комнаты, стал сбрасывать с полок другие книги, опрокинул планетарную модель

с такой силой, какой нельзя было предполагать в его хрупком теле, а потом рухнул в свое кресло.) — Если я прав, вскоре после этого вы приняли решение раньше срока уйти в Спокойствие. Что же такое вы там увидели?

Унру вздыхает.

— Мистер Ботреле, возможно, я должен внести ясность: вы проводите здесь не рядовое расследование. Я не уполномочивал вас вмешиваться в мою личную жизнь и рассматривать причины тех или иных действий. Я прошу вас защитить мою собственность и меня лично от того обстоятельства, которое я нашел угрожающим.

— Вы наняли меня для того, чтобы раскрыть тайну, — заявляет Исидор. — И я уверен, не только тайну появления письма. Кстати, я запросил информацию и о графе Исиды.

— И что вы узнали?

— Ничего. Я не смог найти в общественной экзопамяти ни одного упоминания о графе равнины Исиды. Широкой общественности не известно о его существовании.

Унру подходит к одному из огромных окон галереи и смотрит вдаль.

— Мистер Ботреле, я признаю, что был не совсем честен с вами. В душе я надеялся, что вы самостоятельно выясните некоторые детали, что вы и сделали. — Он прижимает ладонь к стеклу. — Когда ты богат, с тобой происходят странные вещи, даже если богатство это искусственное, как в нашем обществе. Развивается своего рода солипсизм. Мир подчиняется твоей воле. Все превращается в твое отражение, и спустя некоторое время становится скучно смотреть себе в глаза. — Он снова вздыхает. — И я решил поискать твердую почву в прошлом, у наших истоков, в нашей истории. Думаю, никто из нынешнего поколения не приложил столько усилий к изучению Королевства и Революции, как я. Поначалу эта идея казалась мне спасительной. Такая яркая жизнь по сравнению с нашим пресным существованием: настоящая борьба, настоящее зло, стремление победить тиранию, отчаяние и надежда. Граф Исиды, замышляющий заговор против тирана. Драма. Интрига. А Революция! Я покупал воспоминания у выпрашивающих Время нищих. Я помню, как был в долине Хармакиса, как раздирал тела Достойных алмазными когтями. Но через некоторое время я стал понимать, что здесь что-то не так. Чем глубже становились мои изыскания, тем больше я встречал несоответствий. Люди, появляющиеся в жизнеописаниях, купленных на черном рынке, воспоминания, противоречащие друг другу. Жизнь графа Исиды натолкнула меня на первое откровение, и вы… видели, какой была моя реакция.

Унру судорожно сжимает кулаки.

— Я утратил веру в прошлое. В нем что-то не так. Что-то неправильно в том, что нам известно. Вот почему я не хотел, чтобы вы изучали тексты в моей библиотеке. Я не хотел, чтобы подобное чувство возникло у кого-то еще. Возможно, правы философы древности, и мы живем в какой-то имитации, мы игрушки каких-то сверхчеловеческих богов; возможно, Соборность давно одержала верх, мечты Федорова осуществились, и от нас остались одни воспоминания. А если не доверяешь истории, какой смысл заботиться о настоящем? Я больше так не могу. Просто стану Спокойным.

— Я уверен, всему этому есть объяснение, — говорит Исидор. — Возможно, вы стали жертвой обмана, возможно, стоит изучить источники, из которых поступали книги в вашу библиотеку…

Унру разочарованно машет рукой.

— Все это уже не имеет значения. Когда я уйду, вы можете поступать с этими знаниями как угодно. Еще одно прекрасное мгновение, и со мной будет покончено. — Он улыбается. — Но я рад, что оказался прав насчет ле Фламбера. Этот поединок должен стать захватывающим. — Он кладет руку на плечо Исидора. — Я благодарен вам, мистер Ботреле. Я давно хотел с кем-нибудь это обсудить. Одетта много для меня значит, но она бы не поняла. Она существо сегодняшнего дня, и мне следовало стать таким же.

— Я ценю ваше доверие, — отвечает Исидор, — но все же считаю…

— Не будем больше об этом, — решительно прерывает его Унру. — Теперь вы должны заниматься только приемом и нашим вором. Да, кстати, должен ли я попросить Одетту принять какие-то дополнительные меры безопасности?

— Мы могли бы потребовать полного раскрытия гевулота при входе или установить несколько агор в парке…

— Какая бестактность! Ни за что! — Унру хмурится. — Одно дело быть обворованным, но совсем другое — нарушить приличия.

Глава десятая
Вор и второе первое свидание

Мы снова встречаемся в первый раз. Раймонда ест свой обед неподалеку от детской игровой площадки, на ее коленях и на скамье разложены ноты, она изучает их и яростно вгрызается в яблоко.

— Простите, — произношу я.

Она приходит сюда ежедневно и торопливо проглатывает обед, словно чувствует вину за то, что позволила себе передышку. Дети постарше, словно обезьянки, карабкаются по высоким лесенкам, малыши возятся в песочнице с яркими синтбиотическими игрушками. Раймонда сидит на краешке скамьи, ее длинные грациозные ноги напряжены, словно она в любую минуту готова вскочить и убежать.

Она поднимает голову и хмурится. Ее гевулот приоткрыт ровно настолько, чтобы можно было заметить неприветливое выражение ее угловатого гордого лица. От этого оно почему-то кажется еще более привлекательным.

— Да?

Мы обмениваемся краткими приветствиями через гевулот. Программа гогол-пиратов ищет лазейки, но пока ничего не находит.

Вместе с «Перхонен» мы просматривали агоры и общедоступную экзопамять, и после нескольких часов работы наконец-то оно: неожиданно отчетливое воспоминание о девушке, целеустремленной походкой пересекающей агору. На ней аккуратная бежевая юбка и блузка, и в отличие от большинства марсиан, лица которых застывают неподвижной маской, стоит им попасть на всеобщее обозрение, Раймонда кажется очень серьезной и погруженной в свои мысли.

Днем раньше я под другой личиной украл у нее один листок с нотами. И теперь протягиваю его ей.

— Мне кажется, это ваше.

Она растерянно кивает:

— Благодарю вас.

— Должно быть, вы обронили его накануне. Я нашел лист на земле.

— Очень кстати, — говорит она.

Она все еще настороже: ее гевулот скрывает даже имя, и если бы я заранее не изучил ее лицо, то забыл бы его сразу же по окончании нашего разговора.

Она живет где-то на окраине Пыльного района. Занимается чем-то, связанным с музыкой. Ведет размеренную жизнь. Ее гардероб скромен и консервативен. Мне все это почему-то кажется странным: противоречит улыбке, запечатленной на снимке. Но за двадцать лет многое могло измениться. Возможно, она недавно побывала в состоянии Спокойной — обычно это побуждает молодых марсиан с особым старанием накапливать Время.

— Знаете, это очень хорошо.

— Простите?

— Музыка. Ноты записаны в аналоговой форме, и я не удержался и просмотрел их. — Я предлагаю ей фрагмент гевулота. Она принимает его. *Есть!*

— Меня зовут Рауль. Извините за настойчивость, но я долгое время искал повод поговорить с вами.

Это не сработает, шепчет мне «Перхонен».

Обязательно сработает. Женщина никогда не может устоять перед изящной речью. Таинственный незнакомец на садовой скамье. Ей это нравится.

— Что ж, я рада, что вы его нашли, — говорит она.

И приоткрывает еще часть гевулота: у нее есть парень. Проклятье. Но мы еще посмотрим, сможет ли он помешать.

— Кто-то сделал вам заказ? — Еще один блок гевулота. — Прошу прощения за назойливость. Мне просто любопытно. А что это?

— Опера. На тему Революции.

— А, понятно.

Она встает.

— Мне пора на занятие с учеником. Была рада с вами познакомиться.

Вот, пожалуйста, говорит «Перхонен». *Костер не разгорелся.*

Ее аромат — с оттенком хвои — проникает прямо в мой мозжечок и пробуждает воспоминание о воспоминании. Мы танцуем на стеклянном полу какого-то клуба в Чреве до самого рассвета. Так проходила наша первая встреча?

— У вас там небольшая проблема с фрагментом а-капелла, — говорю я. Она в замешательстве молчит. — Я могу подсказать, как это исправить, если вы согласитесь со мной поужинать.

— Почему я должна принимать ваши советы? — спрашивает она, забирая у меня листок с нотами.

— Это не совет, а просто предложение.

Она изучающе смотрит на меня, и я демонстрирую лучшую из своих улыбок. Я немало времени провел перед зеркалом, привыкая к новому лицу.

Раймонда закладывает прядь темных волос за ухо.

— Хорошо. Вы меня убедили. Но место встречи я выберу сама. — Она посылает мне фрагмент разделенного воспоминания с указанием местечка возле мемориала Революции. — Ждите меня там в семь часов.

— Договорились. Как, вы сказали, ваше имя?

— Я этого не говорила, — отвечает она и уходит вдоль детской площадки, постукивая каблуками по тротуару.

В то время как вор ищет в городе свою любовь, Миели пытается заставить себя допросить василева.

Пуля гостгана — не больше булавочной головки — обладает достаточной компьютерной мощностью, чтобы овладеть человеческим разумом. Миели заключает ее в сапфировый футляр, обеспечивающий состояние дремоты, и подбрасывает на ладони, все еще не привыкнув к гравитации. Даже этот крошечный предмет имеет вес, словно неудача: ее ладонь снова и снова ощущает легкие удары.

Это война, говорит себе Миели. *Они ее начали. Что еще мне остается делать?*

Гостиничная комната кажется ей слишком маленькой, слишком тесной. И неожиданно для себя Миели выходит в город, все еще с зажатой в руке пулей, и шагает по уже знакомому Устойчивому проспекту, довольно пустынному в полдень.

Ее волнение, возможно, обусловлено биотической связью с вором. После его попытки скрыться Миели не осмеливается ее подавлять, особенно сейчас, когда вопреки своему желанию согласилась дать ему возможность изменять внешность и ментальный облик. Поэтому Миели все время ощущает его эмоции, словно мучается от воображаемого зуда.

Она останавливается, чтобы съесть насыщенную и ароматную пищу, поданную молодым парнем, не перестающим улыбаться и забрасывать ее фрагментами разделенных воспоминаний с непристойными предложениями, пока она не закрывается гевулотом и не сосредоточивается на еде. Блюдо под названием *cassoulet*[38] вызывает неприятное чувство тяжести.

— Как там дела? — спрашивает она у «Перхонен».

Он только что уговорил ее на первое свидание, отвечает корабль.

— Прекрасно.

Похоже, ты не слишком обрадовалась. Это не профессионально.

— Мне надо некоторое время побыть одной. Присмотри за ним вместо меня.

Конечно. Хотя ты и сама могла бы за ним последить. В качестве развлечения.

Миели отключает связь. *Развлечение.* Она идет дальше, стараясь подражать легкой походке одетых в белое марсиан и жалея, что не имеет возможности снова летать. Спустя некоторое время небо кажется ей слишком большим. Ближайшее здание похоже на какой-то храм, и она входит внутрь, надеясь найти спокойное пристанище.

Миели не знает, какому божеству здесь поклоняются, и не имеет желания это выяснять. Но высокий сводчатый потолок напоминает ей о просторных храмах Ильматар в Оорте, о ледяных пещерах, посвященных богине воздуха и простора. Поэтому ей кажется вполне уместным пропеть негромкую молитву.

Мать воздуха, даруй мне мудрость,
Дочь неба, силы мне дай.
Укажи сироте дорогу к дому,
Направь заблудшую птицу к южным краям.
Прости дитя, чьи руки в крови,
Прости того, кто портит твое создание
Дурными делами и дурными мыслями,
Кто оставляет раны и шрамы,
Оскверняющие твою песнь.

Покаянная молитва наводит на мысли о доме и о Сюдян, и от этого ей становится легче. Еще некоторое время Миели сидит молча, а затем возвращается в отель, затемняет окна и достает из футляра пулю.

— Просыпайся, — приказывает она разуму василева.

Где? А…

— Привет, Анна.

Это ты.

— Да. Слуга Основателя.

Разум василева смеется. Миели дает ему голос, но не детский, а настоящего василева — мужской, плавный и низкий. Ей почему-то так легче.

— Это был не Основатель. Но достаточно умный, чтобы нас обмануть. Но это не Чен и не Читрагупта, — говорит разум.

— Речь идет не о нем, — шепчет Миели. — С тобой покончено. Ты являешься препятствием для достижения Великой Всеобщей Цели. Но из милосердия я даю тебе возможность перед Забвением свободно и добровольно высказаться, чтобы искупить свою вину.

Василев снова смеется.

— Мне наплевать, на кого ты работаешь, ты всего лишь слуга. К чему тратить слова на изучение моего разума? Спиши его в расход и не трать время Основателя на болтовню.

Миели с отвращением лишает василева голоса. Затем вызывает из своего метамозга гогола-хирурга и приказывает ему приступать к делу. Он запирает разум в «песочницу» и начинает резать: он отделяет высшие функции сознания, вознаграждающие и наказывающие. Процесс напоминает работу скульптора — с той лишь разницей, что это не поиски определенного образа в камне путем отсечения, а разделение на части и формирование из них чего-то нового.

В результате действий гогола-хирурга происходит ассоциативное обучение смоделированных групп нейронов, выдающих подборки информации. Спустя некоторое время Миели прекращает процесс. Приступ тошноты заставляет ее поспешно скрыться в ванной комнате, где она извергает вонючие и отвратительные остатки своего обеда.

К василеву она возвращается, ощущая во рту противный кисловатый привкус.

— Привет, дорогая, — обращается он к ней странно оживленным тоном. — Что я могу для тебя сделать?

— Для начала можешь рассказать о Жане ле Фламбере все, что тебе известно, — говорит Миели.

Раймонда немного опаздывает и намеренно проходит через небольшую агору рука об руку с высоким симпатичным парнем с львиной гривой. Он явно моложе своей спутницы и целует ее на прощание. Затем она машет мне рукой. Я встаю и отодвигаю для нее стул. Раймонда с легким кокетством принимает этот знак внимания.

Я ждал ее в маленьком ресторанчике, выбрав место под открытым небом, рядом с обогревателем. Это необычное заведение с простыми стеклянными дверями и непримечательной вывеской, внутри которого царит настоящий фейерверк красок и экзотики — прозрачные сосуды с чучелами чужеземных существ, стеклянные глаза и яркие картины. Прокрутив в голове нашу первую встречу, я понял, что Раймонда отреагировала не на таинственность, а на поддразнивание, и немного изменил свою внешность. Ничего такого, чего нельзя было ожидать при постепенном открытии гевулота, просто добавил чуть-чуть мальчишеского озорства. Достаточно, чтобы вызвать ее улыбку.

— Как прошло занятие?

— Хорошо. Дочь молодой пары. Огромный потенциал.

— Потенциал — это главное. Как и в твоей музыке.

— Не совсем, — отвечает она. — Я немного подумала. Ты блефуешь. Этот фрагмент не нуждается в доработке. Тебе, конечно, известно, что это Ублиетт, а я красивая девушка. Подобные случаи не редкость. — Она слегка наклоняет голову, и волосы падают на плечо. — Таинственный незнакомец. Интуиция. Все так? Это уже устарело.

Она уверенно диктует дрону-официанту два заказа.

— Я еще даже не заглянул в меню, — говорю я.

— Ерунда. Ты обязательно должен попробовать зебру под соусом терияки. Это восхитительно.

Я развожу руками.

— Ладно. Я думал, здесь так принято. Итак, почему же ты согласилась со мной встретиться?

— Может, все наоборот, и именно я охотилась за тобой.

— Может быть.

Раймонда съедает оливку из тарелки с закусками и тычет в меня шпажкой.

— Ты проявил исключительную вежливость. И не слишком активно пользовался своим гевулотом. Ясно, что ты не здешний. А это очень интересно. Теперь ты у меня в долгу. А это всегда может пригодиться.

Проклятье. Я запрашиваю пиратскую программу. Она все еще пытается взломать гевулот Раймонды, но пока без особого успеха. Похоже, она не намерена поддаваться.

— Признаю свою вину. Я купил гражданство. Прибыл с Цереры,[39] из Пояса.

Ее брови удивленно приподнимаются. Марсианское гражданство купить не так уж легко, обычно требуется согласие Голоса. Но гоголы-пираты, по-видимому, отлично поработали над легендой этой личности, осторожно подбрасывая необходимые фрагменты в экзопамять.

— Интересно. А почему ты решил приехать сюда?

Я широким жестом обвожу окрестности.

— У вас есть *небо.* В вашем распоряжении настоящая планета. И вы на ней что-то сделали. У вас есть *мечта.*

Раймонда смотрит на меня с такой же яростью, с какой откусывала яблоко за обедом, и вдруг мне кажется, что она и меня сейчас укусит.

— Так думает множество людей. Да, мы, безусловно, кое-что сделали. Для начала развязали ужасную гражданскую войну, в результате которой появились саморазмножающиеся машины-убийцы, и они свели на нет все успехи по преобразованию планеты, достигнутые правителями-рабовладельцами перед тем, как их истребили. — Она улыбается. — Но ты прав, у нас где-то

здесь есть мечта.

— Знаешь, никто до сих пор мне не сказал, как часто они нападают…

— Нападают? Ты имеешь в виду фобоев? Когда как. В большинстве случаев ты этого даже не заметишь, в крайнем случае услышишь далекие раскаты. С ними справляются Спокойные. Иногда молодежь на планерах отправляется посмотреть на бои. Я тоже так делала, когда была моложе. Потрясающее зрелище.

Переданный мне фрагмент воспоминаний вызывает изумление. Белокрылый планер из интеллектуальной материи, внизу грохот и пламя, лазерные лучи мечутся в оранжевом тумане, черная лавина *тварей* с ослепительной вспышкой разбивается о строй Спокойных. И при этом там с Раймондой кто-то еще, обнимает ее, целует в шею…

Я делаю глубокий вдох. Пиратская программа цепляется за фривольное воспоминание и начинает его перемалывать.

— Что случилось? — спрашивает Раймонда. — Ты выглядишь растерянным.

Я замечаю, что на столике появилась еда, аппетитные запахи вырывают меня из воспоминаний, оставляя с открытым ртом от сенсорной перегрузки. Официант — темнокожий парень с вызывающе белыми зубами — смотрит на меня с усмешкой. Раймонда кивает в его сторону.

— Это местечко приводит меня в замешательство, — говорю я.

— Это свойство всех интересных мест. Именно такой я хочу сделать свою музыку, относительно которой у тебя так много идей.

— Ты хочешь, чтобы у слушателей случались сердечные приступы?

Она смеется.

— Нет, я хотела сказать, что все мы тоже растеряны. Прекрасно говорить о Революционной мечте, о воссоздании Земли, о крае обетованном и тому подобном, но в реальности все не так просто. К мечтам примешивается чувство вины. А молодое поколение так не думает. Я однажды была Спокойной и не хочу, чтобы это повторилось. А те, кто еще моложе меня, смотрят на прибывающих сюда зоку и на людей вроде тебя и не знают, что думать.

— Как это было? Что значит быть Спокойным?

Я пробую принесенное блюдо. Зебра действительно восхитительна — темная и очень сочная. У Раймонды отличный вкус, возможно, она научилась этому у меня.

Она задумчиво крошит хлеб на своей тарелке.

— Это трудно объяснить. Все происходит стремительно: трансформация совершается сразу, как только твое Время истекает. Воскресители еще не успевают забрать твое тело, а ты уже там. Это все равно, что получить удар. Твой мозг внезапно начинает функционировать иначе, и в другом теле, с другими ощущениями. Но после того, как шок проходит, все оказывается не так уж плохо. Ты полностью сосредоточиваешься на своей работе, и эта целеустремленность доставляет удовольствие. И ты чувствуешь себя иначе. Ты не можешь говорить, но видишь красочные сны наяву, которыми можно делиться с другими. И еще, в зависимости от особенностей тела, появляется ощущение *силы.* Порой это… возбуждает.

— Выходит, у Спокойных есть что-то вроде сексуальной жизни?

— Возможно, ты когда-нибудь сам об этом узнаешь, чужеземный мальчишка.

— В любом случае все это звучит совсем не так страшно, — говорю я.

— Об этом ведутся бесконечные споры. Большая часть молодежи считает, что все дело в чувстве вины. Но Голос никогда не давал обещаний перестроить систему. Ты можешь задать вопрос: почему? Неужели нельзя решить проблему иначе? Неужели нельзя обойтись силами синтбиотических дронов? Но все не так просто. Когда возвращаешься, некоторое время остаешься в смятении. Ты смотришь в зеркало и видишь другого себя. И это вызывает грусть. Как в случае с сиамскими близнецами — разделиться по-настоящему невозможно.

Она поднимает свой бокал — вино тоже выбирала Раймонда, это совиньон из долины Дао. Я припоминаю, что ему приписывают возбуждающий эффект.

— Выпьем за растерянность, — предлагает она.

Мы пьем. Вино насыщенное, крепкое, с запахом персика и жимолости. С первым же глотком приходит странное чувство, смесь ностальгии и первого проблеска страсти. Мой прежний я, должно быть, усмехается, глядя из зеркала.

— Они хотели его заполучить, — охотно отвечает василев.

После каждого ответа на вопрос гогол-хирург стимулирует его центры удовольствия. Однако из-за этого он старается говорить короче.

— Кто?

— Скрытые. Они здесь правят. Они обещали за него души, сколько мы захотим.

— Кто они?

— Они говорят чужими ртами, как иногда делают Основатели. Мы согласились: почему нет, почему не поработать на них. Цель в конце концов поглотит их всех, все будет брошено к алтарю Федорова, так почему бы не сходить в музей и не посмотреть на слонов?

— Покажи мне.

Но связь с василевом прерывается. Миели, стиснув зубы, восстанавливает предыдущую версию и приказывает гоголхирургу начать все сначала.

Ужин заканчивается десертом, а потом мы гуляем по Черепашьему парку. Мы разговариваем, и гевулот Раймонды постепенно открывается.

Она родилась в медленногороде Казей. Провела бурную юность, безрассудно растрачивая Время, потом остепенилась (вероятно, сошлась с более взрослым мужчиной).

Раймонда не забывает о моем долге и заставляет купить мороженое у девочки в белом переднике. Она сама выбирает нам ароматические добавки — какое-то странное синтетическое сочетание, которому я не могу подобрать названия, напоминает одновременно мед и дыню.

Я стараюсь ненадолго задержаться на фрагментах, которыми она делится, и только потом бросаю их в ненасытную пасть пиратской программы.

— Мое желание написать оперу, — говорит она, когда мы со стаканчиками мороженого садимся у фонтана в стиле Королевства, — вызвано тем, что я хочу создать нечто *значительное.* Революция была значительной. Ублиетт значительный. Никто не может встать у него на пути. Что-то грандиозное, с гогол-пиратами и зоку, и восстанием, и большим шумом.

— Ублиетт-панк, — говорю я.

Она как-то странно смотрит на меня, потом качает головой.

— Называй как хочешь, но я хочу это создать.

С нашей скамейки можно увидеть Монгольфьевиль,[40] расположенный на другом конце парка, надутые шары тянутся вдоль горизонта, словно разноцветные фрукты. Раймонда жадно рассматривает их.

— А ты никогда не думала о том, чтобы уехать отсюда? — спрашиваю я.

— А куда? Я знаю, что существует бесконечное множество возможностей. Конечно, думала. Но я большая шишка на ровном месте и предпочитаю такой и остаться. Здесь, как мне кажется, я

могу хоть что-то изменить. В другом месте — не уверена.

— Мне знакомо это чувство.

К моему собственному удивлению, это действительно так. Искушение остаться здесь, сделать то, что в моих силах, что-то построить. Вероятно, *он* чувствовал это, когда приехал сюда. Или *она* внушила ему это чувство.

— Конечно, это не означает, что я лишена любопытства, — говорит Раймонда. — Может, ты покажешь мне, что значит жить там, откуда ты приехал.

— Не думаю, что это интересно.

— Ну же, я хочу посмотреть.

Она берет меня за руку и сжимает пальцы. У нее теплая, немного липкая от мороженого ладонь. Я роюсь в своей фрагментарной памяти в поисках видов. Ледяной замок в облаке Оорта, кометы и ядерные реакторы, связанные между собой в одну сверкающую космическую систему, и следующие за ними крылатые люди. Город Супра, где здания своими размерами не уступают планетам, а купола и башни вздымаются до самого кольца Сатурна. Миры-пояса, окрашенные дикими синтбиотическими организмами в коралловый и красно-желтый цвета. Мозги *губерний* Внутренней Системы — алмазные сферы, украшенные ликами Основателей.

Как ни странно, все это кажется менее реальным, чем то, что я, изображая из себя незначительного человека, сижу рядом с ней под марсианским солнцем.

Раймонда впитывает воспоминание, прикрыв глаза.

— Не знаю, может, ты все это только что придумал, — говорит она, — но ты заслуживаешь небольшой награды.

Она целует меня. В первое мгновение я пытаюсь угадать, какой вкус был у ее мороженого. А потом растворяюсь в ощущении ее губ, ее языка, прикасающегося к моему. Она посылает мне откровенное разделенное воспоминание, свои ощущения, что-то вроде обмена мнениями.

Пиратская программа в моей голове издает радостный возглас: она нашла лазейку, воспоминание обо *мне,* брешь в ее гевулоте, открывающую пропасть дежавю. Другой поцелуй, из далекого прошлого, совмещается с этим поцелуем. Химера из прошлого и настоящего. Я игнорирую торжествующий рев пиратской программы и отвечаю на поцелуй, тогда и сейчас.

— Расскажи мне о наставниках, — говорит Миели.

Она могла позволить гоголу-хирургу это сделать, но считает это безнравственным. Миели полна решимости нести это бремя в одиночестве.

— Аномалии, — с готовностью отвечает василев. — Наши злейшие враги. Технологии зоку. Здесь идет яростная невидимая борьба между скрытыми и зоку. Наставники — это оружие. Квантовая технология. Театральность. Здешние жители им доверяют. По возможности мы пытаемся их уничтожать, но они искусно скрывают свои личности.

— Кто они?

— Безмолвие. Безжалостный. Умелый. Футурист. Быстрый. Лукавый.

Василев радостно подбрасывает яркие имена и образы. Фигура в маске и синем плаще, красный расплывчатый силуэт, столь же стремительный, как Быстрые с Венеры. Предполагаемые личности, возможные цели, виды агоры и фрагменты экзопамяти.

— Джентльмен.

Человек в серебряной маске. За которой…

— Нет, нет, — шепчет Миели. — Проклятье.

Она пытается добраться до вора, но биотическая связь молчит.

Позже мы направляемся к ее квартире. Мы смеемся, спотыкаемся и останавливаемся, чтобы поцеловаться под пеленой гевулота, а иногда и открыто. Я пьянею от эмоционального коктейля — страсть, смешанная с чувством вины и ностальгией, — и ступаю на опасный путь, который ведет к столкновению с жестким и безжалостным настоящим.

Раймонда живет в одной из перевернутых башен, под городом. Мы спускаемся вниз на лифте, и в кабинке я целую ее в шею, а руки проникают под блузку и гладят шелковистую кожу живота. Она смеется. Пиратская программа впитывает каждое прикосновение, каждую ласку, которой позволено отложиться в памяти, и безжалостно вгрызается в ее гевулот.

В квартире Раймонда освобождается от моих объятий и прикладывает палец к губам.

— Если уж мы собираемся запомнить этот вечер, — говорит она, — пусть он будет этого достоин. Устраивайся поудобнее. Я сейчас вернусь.

Я сажусь на диван и жду. Комната с высоким потолком заставлена стеллажами, на которых разместились произведения марсианского искусства и артефакты старой Земли. Они кажутся мне знакомыми. В стеклянной витрине старинный револьвер. Он вызывает неприятные воспоминания о Тюрьме. Еще здесь много книг и старое пианино. Красное дерево резко контрастирует с металлом и стеклом. Все это Раймонда позволяет мне увидеть и запомнить, и я чувствую, как приближается к критической массе

улов пиратской программы, готовой высосать ее воспоминания до последней капли.

Слышится музыка, сначала очень тихая, потом громче и громче. Это фортепьянная пьеса с красивой мелодией, прерываемой мучительно размеренными диссонирующими тактами.

— Итак, Рауль, скажи, — произносит Раймонда, усаживаясь рядом со мной в черном шелковом халате и с двумя бокалами шампанского в руках, — что же здесь неправильно?

В синей темноте под нами светятся неяркие огоньки Спокойных, тысячи больших и малых огоньков, словно перевернутое звездное небо.

— Абсолютно ничего, — отвечаю я.

Мы чокаемся, и ее пальцы соприкасаются с моими. Она снова целует меня, медленно и неторопливо, легонько поглаживая одной рукой мой висок.

— Я хочу это запомнить, — говорит она. — И хочу, чтобы *ты* это запомнил.

Я ощущаю на себе ее теплую тяжесть, ее духи переносят меня в сосновый лес, ее волосы щекочут мое лицо, как *капли дождя, когда мы напились с раввином Исааком и пели, поздно ночью возвращаясь домой, и я вытащил ее на улицу посмотреть на тучи, и у нее намокли волосы* и пока музыка окружает нас, я вспоминаю *как она, обнаженная, в первый раз играла для меня после того, как мы любили друг друга, и ее легкие пальцы медленно порхали над черно-белыми клавишами* ее руки чертят линии на моей груди *планы, рисунки, схемы на протяжении долгих часов, и она поднимает один из моих набросков и говорит, что он похож на партитуру.*

— Расскажи мне, — говорит она.

и я рассказываю о том, что я вор, и о маленьком мальчике из пустыни, мечтающем стать садовником, о желании начать новую жизнь, и, к моему удивлению, она не убегает, а просто смеется

негромко

словно шаги танцующего кота в широкополой шляпе, Кота в сапогах из сказки, разгуливающего по коридорам замка…

— Ты мерзкий ублюдок! Грязный мерзкий ублюдок! — кричит Раймонда.

Настоящее обрушивается на мою голову, словно бутылка шампанского. Я на мгновение отключаюсь, а когда прихожу в себя, обнаруживаю, что лежу на полу, а Раймонда стоит надо мной со старой тростью в руке.

— Ты… представляешь… что ты наделал?..

Ее лицо скрывает серебряная маска, голос становится

неприятно-резким.

Какое место в этом мире занимает полиция? едва успеваю подумать я, как в окно врывается Миели.

Миели разбивает крыльями псевдостекло. Осколки, медленно кружась прозрачными снежинками, разлетаются по комнате. Из метамозга выплескивается поток информации. Вор *здесь,* наставник *там* — ядро из человеческой плоти, окруженное облаком боевого утилитарного тумана.

Миели отказалась от всяческой осторожности в поисках вора и велела «Перхонен», несмотря на риск быть обнаруженными, вычислить место, где исчез сигнал биотической связи. А потом взмыла в небо под пеленой гевулота, не забыв бегло просмотреть имеющееся на корабле досье той женщины. На то, чтобы составить полную картину, казалось, ушла целая вечность, но Миели не удивилась, выяснив, что наставник увел вора к себе домой.

Она пытается схватить ле Фламбера и умчаться с ним как можно скорее, но пелена тумана опережает ее, покрывая крылья слоем густого геля, пытаясь проникнуть в легкие и блокируя гостганы. Миели стреляет вслепую. Снаряд вылетает крошечным солнцем. Но туман действует быстрее. Он собирается вокруг яркой точки белым непрозрачным облаком, приглушая свет до мощности обычного гелиевого светильника. А затем выходят из строя радиаторы ее крыльев, и Миели приходится возвращаться в реальное время.

Усиленный утилитарным туманом удар наставника — словно столкновение с оортианской кометой. Он отбрасывает Миели на застекленный стеллаж, за которым стена. Миели пробивает и то, и другое, штукатурка и кирпичи — будто мокрый песок. Броня стонет от напряжения, и ребро, усиленное текучим камнем, все-таки ломается. Метамозг подавляет боль; Миели поднимается из груды обломков. Это ванная комната. Из зеркала на нее смотрит ангел-чудовище.

Снова сыплются удары. Она пытается блокировать выпады, но они проскальзывают между руками. Наставник остается вне досягаемости, фоглеты образуют аморфные щупальца, подчиняющиеся его воле. Миели сражается с призраком. Ей необходимо больше места. Она направляет поток энергии из ядерного реактора на бедре к микровентиляторам крыльев. Поднимается сильный ветер. Фоглеты рассеиваются. Она хватает воздух ладонью и глотает его, предоставляя работать гоголу. *Вот оно.* Вышедший из употребления боевой туман времен Протокольной войны. Гоголу потребуется несколько мгновений,

чтобы определить оптимальные меры защиты.

Крылья освобождены, и Миели перенаправляет энергию, чтобы опять ускорить время. Теперь можно приблизиться к наставнику, пройдя под застывшими фоглетами, которые при ее усиленном зрении кажутся замерзшими мыльными пузырями. Наставник замер, словно статуя в серебряной маске. Миели атакует, тщательно нацеленного удара в мягкое основание шеи достаточно, чтобы лишить противника сознания…

…но кулак пронзает лишь образованный фоглетами силуэт.

Еще одной неожиданностью становится 120-децибельный динамик, прижатый к барабанной перепонке. Вирусы с генетическим алгоритмом наводняют все системы, отыскивая пути к человеческому разуму Миели в обход машин. В голове пищит пронзительный голос гогола. Миели запускает его в туман и отключает все системы.

Внезапное возвращение в человеческое тело ощущается как сильный приступ тяжелой болезни. На мгновение она остается беспомощной в щупальцах фоглетов, крылья бессильно повисают вдоль спины. Но затем срабатывает защита, и туман рассыпается инертным белым порошком. Закашлявшись, Миели падает на пол, теперь остается полагаться лишь на собственную плоть.

В комнате полнейший беспорядок: обломки мебели, осколки стекла и мертвый туман. В центре, с тростью в руке, стоит наставник. Но у него тоже остались только человеческие способности. Надо отдать женщине должное, она быстро отреагировала и уже с поднятой тростью приближается к Миели быстрыми мелкими шажками бойца кэндо.

Не поднимаясь, Миели пытается сделать подсечку женщине в серебряной маске. Но та просто подпрыгивает — легко и невероятно высоко в марсианской гравитации — и нацеливает трость на голову Миели. Та перекатывается по полу, стремительно встает на ноги и делает выпад, но блокирующий удар трости заставляет ее поморщиться от боли.

— Прекратите. Обе, — произносит вор.

У него оружие — примитивный металлический предмет, кажущийся в его руках смехотворно громоздким. Но оно представляет опасность, и вор уверенно целится. *Конечно, он же провел в Тюрьме множество поединков.* А после атаки наставника блок дистанционного управления в его принадлежащем Соборности теле так же бесполезен, как и все системы Миели. *Ну разумеется.*

— Я предлагаю вам присесть — если найдется на что — и обсудить все, как подобает цивилизованным людям, — заявляет он.

— Скоро здесь будут и остальные, — говорит Раймонда.

В голове у меня звенит, в горле першит от пыли. Но я не могу не распознать блеф.

— Никого не будет. Как я догадываюсь, Миели выбила у тебя из рук туман. Но и сама осталась ни с чем, судя по тому, что я еще способен двигаться и говорить. Если бы не мое проклятое чувство долга, это был бы великолепный шанс скрыться.

Миели фыркает. Я покачиваю револьвером.

— Поищите, куда можно присесть.

Не сводя глаз с Миели, я отпиваю шампанского из чудом уцелевшего бокала. Горлу становится легче. Затем я усаживаюсь на обломок стены. Миели и моя бывшая подружка долго смотрят друг на друга, потом выбирают места с таким расчетом, чтобы наблюдать за всеми присутствующими.

— Должен признаться, мне льстит, когда женщины из-за меня дерутся. Но, можете мне поверить, я этого не стою.

— Ну, хоть в *чем-то* я с тобой согласна, — говорит Раймонда.

Знаешь, вмешивается «Перхонен», *хоть я и нахожусь на высоте около четырех сотен километров, я все еще могу сжечь твою руку, если не опустишь оружие.*

Ох.

Погоди. Это антиквариат. Вероятнее всего, оно не работает. Я блефую. Только не говори Миели, пожалуйста. Я хочу уладить это дело, чтобы никто не пострадал. Ладно?

Учитывая скорость действия гогола, корабль медлит с ответом недопустимо долго. *Хорошо,* в конце концов отвечает она. *У тебя одна минута.*

Опять ограничения во времени. Ты еще хуже, чем она.

— Раймонда, познакомься с Миели. Миели, познакомься с Раймондой. Раймонду и меня связывали определенные отношения; с другой стороны, Миели ведет себя со мной так, словно нас тоже связывают отношения. Но я признаю долг чести по отношению к ней и потому не жалуюсь. Почти. — Я делаю глубокий вдох. — Раймонда, здесь нет ничего личного, но мне необходимо вернуть мое прежнее я.

Она закатывает глаза и снова становится мучительно знакомой.

Я поворачиваюсь к Миели.

— Послушай, неужели все это было *так уж необходимо?* Я контролировал ситуацию.

— Я готова была оторвать тебе голову, — говорит Раймонда.

— Я полагаю, спасительное слово остается в числе многих вещей, которые я не могу вспомнить, — со вздохом отвечаю я. —

Слушай, забудь о тебе и обо мне. Я кое-что разыскиваю. Ты можешь мне помочь. Ты наставник, и это очень хорошо. Кстати, готов поспорить, что и мы, в свою очередь, можем тебе кое в чем помочь. К примеру, в деле с гогол-пиратами. Можем предоставить огромное количество, преподнести на блюдечке.

Они обе смотрят на меня, и на мгновение мне кажется, что драка вот-вот начнется заново.

— Ладно, — соглашается Раймонда. — Давайте поговорим.

Со вздохом облегчения я бросаю на пол оружие и мысленно благодарю Гермеса за то, что оно не выстрелило.

— Я полагаю, на секретность надеяться не стоит? — спрашиваю я, глядя на Миели.

Она ужасно выглядит: одежда снова разорвана в клочья, крылья опущены, словно сломанные голые ветки. Но смотрит угрожающе, так что я без слов понимаю, что она обо мне думает.

— Забудь о моем вопросе.

Раймонда подходит к разбитому окну, пряча руки в рукава платья.

— Что случилось? — спрашиваю я ее. — Кем я был здесь? Куда ушел?

— Ты и в самом деле не помнишь?

— В самом деле.

По крайней мере, пока. Новые воспоминания все еще возникают в моей голове, их слишком много, чтобы сразу во всем разобраться, и вместе с ними усиливается странная головная боль.

Она пожимает плечами.

— Это не имеет значения.

— Я что-то здесь оставил. Какие-то секреты. Инструменты. Фрагменты памяти. Не просто экзопамять, а нечто большее. Тебе известно, где это может быть?

— Нет. — Она хмурится. — У меня есть одна идея. Но моя помощь будет тебе стоить дороже, чем просто гогол-пираты. И твоя новая подруга должна мне новую квартиру.

Интерлюдия
Мудрость

Жизнь отделяет от смерти всего несколько шагов. Впереди появляется свет, но каждый шаг дается с трудом, словно преодолеваешь толщу воды, и Батильда чувствует, как начинает всплывать, поднимаясь над своим телом, облаченным в гостевой скафандр. Она видит себя, медленно бредущую вперед, видит отблески света на медном шлеме. Как ни странно, это кажется ей вполне нормальным. Она оставляет свое тело и поднимается к свету. *Наконец,* думает она…

…и ступает в марсианские сумерки, едва не падает, но ощущает поддержку двух крепких рук. Она моргает и жадно хватает ртом воздух. Затем оглядывается на зал, названный Переходом между Рождением и Смертью, — низкое прямоугольное сооружение, отпечатанное Спокойным-строителем. Оно расположено в неглубоком котловане, примерно в миле от границы города, в марсианской пустыне. Снаружи в нем нет ничего особенного — гравий и песок, склеенные бактериальной пастой, узкие щели и люки по бокам. На фоне стены, защищающей город от фобоев, оно кажется постройкой из детского конструктора. Но внутри…

— О боже! — восклицает Батильда, набирая полную грудь воздуха.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спрашивает Поль Сернин, архитектор ее краткой смерти.

Он бережно поддерживает ее и отводит от выхода, откуда появляются другие ошеломленные гости. Ее протеже торжествующе усмехается за стеклом скафандра.

— Похоже, тебе не помешает выпить.

— Обязательно, — отвечает Батильда.

Поль протягивает ей бокал шампанского в ку-сфере. Батильда принимает его и с удовольствием пьет, наслаждаясь приятным чистым вкусом вина после сухого воздуха шлема.

— Поль, ты гений.

— Значит, ты не жалеешь о своем покровительстве?

Батильда улыбается. Начинается вечеринка. Батильда рада, что рекламная кампания имеет успех, что множатся фрагменты воспоминаний о самых напряженных моментах в Переходе. Отличная идея — поставить его за противофобойной стеной: этот символический жест придает происходящему пикантный оттенок опасности.

— Ничуть. Надо убедить Голос устроить нечто подобное в самом городе. Это принесет много пользы. Как тебе в голову пришла такая идея?

Поль приподнимает темные брови.

— Ты же знаешь, как я ненавижу, когда меня об этом спрашивают.

— Ну пожалуйста, — настаивает Батильда. — Ты же любишь говорить о себе.

— Ладно, если уж тебе так хочется знать, меня вдохновило произведение Ногучи, созданное в Хиросиме. Рождение и смерть. Нечто такое, о встрече с чем мы стали забывать.

— Любопытно, — говорит Батильда. — Очень похоже на то, что Марсель, — она показывает на молодого темнокожего парня, с отвращением разглядывающего зияющий проем Перехода, — предлагал Голосу несколько месяцев назад.

— Идеи ничего не стоят, — отвечает Поль. — Все дело в их воплощении.

— Верно, — соглашается Батильда. — А возможно, тебе помогла твоя новая муза.

Рыжеволосая девушка в темном гостевом скафандре неподалеку от них трогает грубую шероховатую стену Перехода.

— Что-то вроде того, — произносит Поль, опустив голову.

— Не трать время на разговоры с пожилой женщиной, — говорит ему Батильда. — Иди и развлекайся.

Поль снова улыбается ей, и на мгновение Батильда сожалеет о своем решении поддерживать с ним только деловые отношения.

— Увидимся позже, — он слегка кланяется и исчезает в толпе людей в скафандрах.

Батильда снова рассматривает Переход. Снаружи он выглядит вполне безобидно, но внутри архитектура и освещение вступают в резонанс, затрагивая человеческий мозг и вызывая ощущения, похожие на смерть. Занятный трюк. Батильда вспоминает многие пережитые смерти и рождения и понимает, что ничего подобного прежде не испытывала. Это совершенно новый опыт. Она улыбается самой себе: сколько времени прошло с *той* поры? Батильда проводит пальцами по браслету Часов, которые дал ей Поль, и нащупывает выгравированное слово «Sapientia».[41]

— Привет, — произносит рыжеволосая девушка.

В ней сквозит истинная юность, не тронутая ни временной, ни какой-либо другой смертью.

— Здравствуй, Раймонда, — отвечает Батильда. — Гордишься своим парнем?

Девушка застенчиво улыбается.

— Не можете себе представить, — отзывается она.

— Да нет, могу, — говорит Батильда. — Странное дело: сначала ты смотришь, как они совершают нечто подобное, а потом начинаешь задумываться, а достаточно ли ты хороша для них. Я права?

Девушка смотрит на нее, но ничего не отвечает. Батильда качает головой.

— Прошу прощения. Я просто злая старуха. Но я, конечно, рада за вас. — Она дотрагивается до руки девушки, закрытой перчаткой. — Так что ты хотела мне сказать? Старики любят перебивать собеседников, нам кажется, что мы все уже слышали, и не по одному разу. Мне скоро снова предстоит стать Спокойной. Это научит меня прислушиваться к другим.

Раймонда нерешительно прикусывает губу.

— Я хотела попросить у вас… совета.

Батильда смеется.

— Что ж, если ты желаешь выслушать горькие истины о жизни, подкрепленные несколькими столетиями опыта, ты обратилась по адресу. О чем ты хочешь узнать?

— О детях.

— А что здесь знать? У меня были дети: много хлопот, но оно того стоит, если соблюдать осторожность. Экзопамять предоставит тебе информацию. Обратись к Воскресителям, они помогут подобрать подходящий генетический состав, а если ты честолюбива, можно поискать на черном рынке какие-нибудь чужеземные новинки. Просто добавь воды. И мужчину.

Батильда широким жестом обводит толпу, наслаждаясь выражением лица Раймонды.

— Я не об этом хотела спросить, — поясняет Раймонда. — Я имела в виду… его. Поля. — Она прикрывает глаза. — Я не могу его понять. Не знаю, готов ли он.

— Пойдем со мной, — приглашает Батильда.

Она уводит Раймонду к противофобойной стене. Небо над головой уже темнеет.

— Вот что я хочу сказать, — произносит Батильда. — Когда я говорю с Полем, я вспоминаю кое-кого, с кем была знакома много лет назад и кто причинил мне некоторую сердечную боль. — Она смеется. — Но я, безусловно, отплатила ему тем же. — Она прикасается к уже начинающей осыпаться стене Перехода. — Многие из нас живут очень долго. С годами мы учимся не меняться, что бы ни происходило. Тела, гоголы, трансформации — что-то в нас все равно остается неизменным. Это закон эволюции, в противном случае мы бы действительно умирали, и не было бы никакого света в конце туннеля, а только время, сокращающее нашу жизнь. Что бы Поль тебе ни говорил, он один

из нас, это я могу сказать наверняка. Так что тебе решать, хочешь ли ты, чтобы *настоящий* он — а не этот улыбающийся архитектор — стал отцом твоих детей.

— Но он старается, и старается для вас.

— А, вот вы где, — подходит к ним Поль. — Две мои любимые женщины. — Он обнимает Раймонду. — Ты еще не была внутри?

Раймонда качает головой.

— Ты должна пойти, — советует Батильда. — Это не так ужасно, как кажется с первого взгляда. Развлекайтесь.

Они вдвоем ступают в Переход с противоположного конца. Батильда провожает их взглядом и размышляет о времени, проведенном в Олимпийском дворце, об ускользающей акварели воспоминаний: о том, как она танцевала с Королем. И гадает, блестели ли ее глаза так же ярко, как сейчас у Раймонды.

Глава одиннадцатая
Вор и наставники

Собрание наставников я представлял себе совсем не так. Я воображал какое-то тайное убежище, возможно, украшенное трофеями прошлых побед, зал совета с круглым столом и высокими креслами, отмеченными персональными знаками каждого из наставников.

Вместо этого мы собрались на кухне у Безмолвия.

Футурист нетерпеливо двигает свой бокал по деревянному столу. Это стройное создание в красном одеянии, нечто среднее между человеком и древним автомобилем, не в состоянии усидеть спокойно.

— Ну, — говорит она, — может кто-нибудь объяснить, что мы здесь делаем?

Безмолвие проживает в доме-цеппелине в Монгольфьевиле: его гондола, подвешенная к каплевидному воздушному шару, связана с городом. Кухня небольшая, но превосходно оборудована. Помимо привычного фабрикатора здесь имеются традиционные приборы и посуда — ножи, кастрюли, сковородки и еще какие-то инструменты из хрома и стали, которые мне незнакомы. Ясно, что Безмолвие принадлежит к числу тех, кто уделяет немало внимания еде. Кроме нас с Миели здесь присутствует шесть наставников, и обстановка почти дружеская. Я втиснулся между Миели и наставником в черном, с маской в виде черепа — Епископом. Его костлявое колено упирается мне в бедро.

Наш хозяин ловким движением открывает бутылку вина. Как и у Джентльмена, его голова полностью закрыта безликой маской, только темно-синей, а окружающее фигуру облако утилитарного тумана делает его похожим на ожившую чернильную кляксу. Он довольно высок и, хотя еще не произнес ни слова, производит впечатление серьезной личности. Он быстро и ловко наполняет наши бокалы, а потом кивает в сторону Раймонды.

— Благодарю вас, что согласились собраться, — начинает она резким хрипловатым голосом Джентльмена. — Со мной двое чужеземцев, с которыми две ночи назад у нас произошло… некоторое недоразумение. У меня есть основания верить, что эти двое могут оказаться полезными нашему делу. Жан, я думаю, ты лучше меня сумеешь все объяснить.

— Спасибо, — отзываюсь я.

Миели позволила мне вести переговоры, но дала понять, что при любых осложнениях мне заткнут рот без всякого предупреждения.

— Мое имя Жан ле Фламбер, — продолжаю я. — Если хотите, можете навести справки обо мне в экзопамяти. — Для пущего эффекта я делаю паузу, но настроение слушателей в масках определить довольно трудно. — В прошлой жизни я был гражданином Ублиетта. Вместе с моей спутницей я ищу кое-какую оставленную здесь собственность. Ваша коллега — наставник, с которой я прежде… был хорошо знаком, заверила, что может мне помочь. В ответ мы предлагаем свою помощь *вам.*

Я пробую вино. Выдержанное «Бедекер Соларанцио». У Безмолвия отличный вкус.

— Я не уверена, что стоит продолжать этот разговор, — вмешивается Футурист. — К чему вовлекать в нашу деятельность третью сторону? И, ради бога, неужели только я одна чувствую запах технологий Соборности, которыми напичкана эта сука? — Она переводит злобный взгляд с Раймонды на Безмолвие. — Если уж на то пошло, надо их допросить. По крайней мере допросить. А если у тебя личные дела с этими существами, разбирайся сама. Нет никакой необходимости впутывать всех нас.

— Безусловно, я одна несу ответственность за все это, — говорит Раймонда. — Но я уверена, что их способности помогут нам справиться с криптархами.

— А я считала, что для этого ты натаскиваешь своего любимчика, молоденького сыщика, — замечает Василиск.

Ее облик существенно отличается от остальных: красное трико и венецианская маска, из-под которой видны светлые локоны и полные чувственные губы. При других обстоятельствах я бы не сводил с нее глаз.

Раймонда некоторое время молчит.

— Это совсем другой вопрос и не имеет отношения к сегодняшнему делу, — наконец говорит она. — В любом случае нам приходится работать над многими проблемами одновременно. Я лишь хотела сказать, что мы устраняем только *симптомы.* Чужеземные технологии. Гогол-пиратов. Но скрытая инфекция поразила нас в той же степени, что и людей, которых мы стараемся защищать. — Она наклоняется над столом. — И если я вижу возможность получить помощь от постороннего агента, я вам о ней сообщаю.

— А цена? — интересуется Крысиный Король.

У него звонкий молодой голос и грузная фигура. А смешная маска грызуна оставляет открытым подбородок с дневной щетиной.

— О цене позвольте позаботиться мне, — говорит Раймонда.

— И что же такого могут они, с чем мы сами не в состоянии справиться? — спрашивает Футурист, недоверчиво поглядывая в мою сторону.

Я отвечаю ей любезной улыбкой.

— К этому мы перейдем чуть позже, мадемуазель Диас.

Ее лица мне не видно, но дрожь изумления пробегает по ее телу, превращая на миг в расплывчатое красное пятно.

Я не бездельничал те два дня, пока Раймонда подготавливала встречу. Миели предоставила мне базу данных, о происхождении которой я даже не осмелился спросить. В этой базе имелась информация, позволяющая идентифицировать личности всех, кто принадлежал к числу наставников. Я сумел подкрепить полученные знания, предприняв несколько прогулок и покопавшись в гевулотах. В результате я, конечно, не выяснил, как зовут домашних животных наставников или какие позы они предпочитают в сексе, но в остальном сведений было *достаточно.*

— А пока нелишним было бы узнать, чего именно вы хотите добиться.

— Трех вещей, — отвечает Раймонда. — Защитить идеалы Ублиетта. Уберечь его жителей от гогол-пиратов и других внешних врагов. И отыскать тех, кто ими руководит, с целью последующего уничтожения. Все началось с Голоса.

Из экзопамяти я получаю информацию об электронной системе демократии Ублиетта, о специальных фрагментах разделенной памяти, заменяющих бюллетени при голосовании, и о важных политических решениях, проводимых в жизнь кабинетом Мэра и общественными служителями из Спокойных.

— В принимаемых решениях прослеживались… странные тенденции. Ослабление контроля над влиянием внешнего мира. Предоставление гражданства чужеземцам. Снятие многих ограничений в области технологий. Вскоре после этого начали появляться первые гогол-пираты. И Безмолвие стал одним из первых, кто от них пострадал. — Раймонда дотрагивается до руки высокого наставника. — Наша система недостаточно стабильна, когда речь идет о воздействии внешних сил. Спокойные не в состоянии справиться с технологическими сбоями. И мы приняли решение. У нас имеются покровители, естественно, преследующие собственные интересы, которые, однако, не противоречат интересам Ублиетта.

Мы старались творить добро. Но стоило нам увидеть проблему и найти способ укрепить стабильность — прекратить работу пиратской станции, перекачивающей украденную информацию, или изолировать зараженный вирусами участок

сети гевулотов, — как обнаруженные цели исчезали. Пираты *знают,* как отыскивать подходящие объекты и как к ним подбираться. Они отлично знают свое дело, но мы не сомневаемся, что им кто-то помогает.

Сейчас нам стало известно, что повреждена система экзопамяти. Есть человек, или люди, которые ею управляют. До какой степени и каким образом, нам не известно. Мы называем их криптархами. Или скрытыми правителями. Или, соглашаясь с Футуристом, проклятыми ублюдками.

Мы верим в достижения Революции. В Марс для людей. Это должно быть место, где каждый владеет своим разумом, где мы принадлежим самим себе. Но это невозможно, если где-то за занавесом кто-то дергает за веревочки. — Раймонда поворачивается ко мне. — Такова наша цена. Помогите нам отыскать криптархов, и мы вернем то, что принадлежит тебе.

— Правильно, — поддерживает ее Епископ. — И тогда высокое мнение Джентльмена о вас будет оправдано.

— Мистер Реверт. — Я демонстрирую свой самый хищный оскал. — Мне потребовалось всего два дня, чтобы узнать, кто вы такие. Эти криптархи тоже вас *знают.* Более того, они, вероятно, *поддерживают вас.* Вы вписываетесь в созданную ими систему. Вы поддерживаете стабильность. А это именно то, что им нужно. — Я допиваю вино и откидываюсь на спинку стула. — Вы не прибегаете к грязным методам. Вы честные копы, а должны быть бунтарями. *Преступниками.* И вот в этом я, безусловно, могу вам помочь. Вино еще осталось?

— Если говорить начистоту, — отвечает мне Футурист, — это именно то, против чего мы боремся. Против влияния чужеземцев, считающих себя лучше, чем мы. — Она обводит комнату взглядом. — Я за то, чтобы вышвырнуть их с планеты, а потом вернуться к нашим насущным делам. А Джентльмену за подобное поведение должно быть объявлено порицание.

Все собравшиеся за столом кивают, а я проклинаю себя за то, что неправильно их понял. Несмотря на пиратскую программу, я еще не так хорошо освоил гевулот, как урожденные марсиане. *Все это может закончиться очень плохо.*

И тогда в переговоры вступает Миели.

— Мы не враги вам, — говорит Миели.

Она встает со своего места и обводит взглядом наставников.

— Я прилетела сюда издалека. Моя вера сильно отличается от вашей. Но не сомневайтесь: какие бы обязательства не взял на себя вор, какое бы соглашение между нами не было достигнуто, я гарантирую, что мы сдержим слово. Я Миели, дочь Карху из кото

Хильяйнен.[42] И я никогда не лгу.

Странно, но люди в этой комнате кажутся ей более знакомыми, чем что бы то ни было в этом мире. На их скрытых под масками лицах сияет мечта, нечто более значительное, чем они сами. Такое же выражение Миели видела на лицах молодых воинов в своем кото. Вор этого никогда не поймет: он говорит на другом языке, языке игр и обманов.

— Загляните в мои мысли.

Она открывает им свой гевулот. Теперь наставники могут прочитать все ее поверхностные мысли, просмотреть все воспоминания об этом мире. Миели кажется, что она сбросила тяжелый плащ, и она ощущает необыкновенную легкость.

— Если вы обнаружите хоть намек на обман, можете прогнать нас без промедления. Вы примете нашу помощь?

На мгновение в комнате воцаряется полная тишина. А затем Безмолвие произносит одно только слово.

— Да, — говорит он.

Раймонда ведет нас по Монгольфьевилю, мимо небольших огороженных садиков, где стоят дома-шары. Яркое солнце, пробивающееся сквозь разноцветные оболочки шаров, и легкое головокружение, вызванное гевулотом, — нам не позволено запомнить место проведения собрания — некоторое время удерживают меня от разговоров. Но когда мы выходим на широкие и относительно знакомые улицы Края и Раймонда из Джентльмена снова превращается в элегантную женщину, я чувствую, что должен высказаться.

— Спасибо, — говорю я. — Ты сильно рисковала. Я постараюсь, чтобы ты об этом не пожалела.

— Что ж, велика вероятность, что ты сам в результате пострадаешь, — отзывается она. — Так что пока рано меня благодарить.

— Все было действительно так плохо?

— Да, очень плохо. Я думала, что совершила большую ошибку, пока не заговорила твоя подруга. — Она с уважением смотрит на Миели. — Это было… очень благородно с твоей стороны, — обращается к ней Раймонда. — Я сожалею об обстоятельствах нашей первой встречи и надеюсь, что мы сможем работать вместе.

Миели молча кивает.

Я смотрю на Раймонду. Только сейчас я понимаю, что она не такая, как в моих воспоминаниях. Не такая беззащитная. Не такая молодая. Говоря по правде, я не уверен, что знаю эту новую загадочную женщину.

— Для тебя это действительно очень важно? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает она, — очень важно. Думаю, это чувство тебе не знакомо. Желание приносить пользу другим людям.

— Прости, — говорю я. — Мне тоже пришлось немало пережить. Долгое время я провел в весьма неприятном месте.

Раймонда окидывает меня равнодушным взглядом.

— Ты всегда с готовностью рассыпался в извинениях. Сейчас это тебе не поможет. Если ты еще не понял, во всей Вселенной найдется всего несколько человек, которые вызывают у меня большую неприязнь, чем ты. Так что на твоем месте я бы поторопилась их разыскать, как мы и договорились. Возможно, сравнение с ними оказалось бы в твою пользу.

Она останавливается.

— Ваш отель в той стороне. А у меня скоро начнутся занятия по музыке. — Раймонда улыбается Миели. — Мы с тобой будем поддерживать связь.

Я открываю рот, но что-то подсказывает мне, что лучше промолчать.

Итак, я решаю заняться составлением планов.

Миели превращает наш номер в маленькую крепость — куточки теперь защищают все окна — и продолжает восстанавливаться после потасовки с Раймондой. Поэтому я снова могу насладиться относительным одиночеством — если не считать неприятного ощущения от биотической связи. Я устраиваюсь на балконе с пачкой газет, кофе и круассанами, надеваю темные очки и начинаю просматривать страницы, посвященные общественной жизни.

Как и все в этом мире, статьи отличаются явным мастерством, и вскоре я ловлю себя на том, что с наслаждением погружаюсь в драматические истории. Наставники пользуются неослабевающим вниманием, тон публикаций зависит от издания, кое-где прослеживается открытое восхищение. Я отмечаю статью о юноше, который вместе с Джентльменом работал над делом о гогол-пиратстве, и задаю себе вопрос, не тот ли это сыщик, о котором упоминала Василиск.

Но настоящую пищу для размышлений дают сообщения о прощальных вечеринках, называемых здесь «Carpe diem». Предполагается, что они проводятся тайно, однако журналисты не жалеют сил, чтобы выяснить детали.

Ты слишком хорошо устроился, чтобы это можно было считать работой, говорит «Перхонен».

— Но я действительно занят серьезным делом. Я составляю план.

Не мог бы объяснить поподробнее?

— Зачем загружать такую хорошенькую головку?

Я поднимаю глаза к ясному небу. Канал связи дает мне возможность разглядеть корабль — точку над горизонтом, незаметную для невооруженного взгляда. Я посылаю «Перхонен» воздушный поцелуй.

Лесть тебе не поможет.

— Я никогда не рассказываю о своих планах, пока они не сформировались окончательно. Это творческий процесс. Преступники — все равно что артисты, а сыщики — всего лишь критики.

Как я вижу, сегодня ты в приподнятом настроении.

— Знаешь, я наконец начинаю снова чувствовать себя самим собой. Бороться против банды властителей, контролирующих разум на планетарном уровне, да еще в компании скрывающихся под масками блюстителей порядка — такая жизнь мне нравится.

В самом деле? А как продвигается восстановление прежней личности?

— Это очень личное.

По словам Миели…

— Да, все верно. Раймонда раскрыла меня слишком рано. Я получил только обрывочные воспоминания. Ничего, что можно было бы назвать полезным.

Ты уверен?

— О чем ты?

Будь я более подозрительной, могла бы предположить, что ты уже знаешь, где искать то, что нам нужно. И что ты водишь нас за нос просто ради собственного удовольствия, чтобы лучше вжиться в колоритный образ легендарного вора.

— Я оскорблен. Неужели я на такое способен?

Но в словах корабля есть смысл. Я так ношусь со своими воспоминаниями отчасти потому, что это просто доставляет мне удовольствие.

У меня имеется еще одно предположение. Ты изо всех сил пытаешься произвести впечатление на эту Раймонду.

— Это, друг мой, уже в прошлом. При моей профессии отвлекаться на подобные вещи слишком опасно.

Угу.

— Как бы мне ни было приятно твое общество, но чем быстрее я вернусь к делам, в которых блестяще разбираюсь, тем лучше. Кстати говоря, мне бы не помешало немного тишины и покоя. Я пытаюсь придумать, как проникнуть в землю мертвых.

Я откидываюсь на спинку кресла, опускаю веки и прикрываю лицо газетой, чтобы спрятаться от солнца и от корабля.

Вот видишь? Об этом я и говорила. Ты весь день ждал, чтобы

это сказать.

Миели чувствует себя усталой. Ее тело завершает процесс проверки и перезагрузки систем. У нее уже много лет не было критических дней, но, судя по смутным воспоминаниям, сегодняшнее состояние очень схоже с этим недомоганием. После встречи с наставниками ей нестерпимо хочется упасть на кровать, послушать нежные оортианские песни, а потом погрузиться в глубокий сон. Но ее ждет Пеллегрини. На богине темно-синее вечернее платье, волосы собраны в высокую прическу, на руках длинные черные перчатки.

— Дитя мое! — восклицает она, запечатлевая на щеке Миели благоухающий поцелуй. — Это было *восхитительно!* Драма! Экспрессия! И такая страстная убежденность с твоей стороны. Эти люди в смешных костюмах сразу поверили, что нуждаются в твоей помощи. Специально запрограммированный гоголь и то не смог бы лучше справиться с этой задачей. Почти сожалею, что ты уже скоро получишь свою награду.

Миели моргает.

— Я думала, что мы позволим вору…

— Да, конечно, но имеются кое-какие ограничения. Несколько василевов — это еще куда ни шло, но ради достижения Великой Всеобщей Цели мы вынуждены считаться с некоторыми особенностями этого мира. В том числе и с криптархами. По разным причинам мы еще не готовы нарушить установившееся равновесие.

— Значит, мы не собираемся… их уничтожать?

— Конечно, нет. Вам следует *встретиться* с ними. И скоординировать свои действия. Вы должны помочь наставникам ровно настолько, чтобы получить то, что нам нужно. А потом — что ж, мы сдадим наставников криптархам. И все будут довольны.

Пеллегрини улыбается.

— А теперь, дитя мое, мне кажется, что вор готов поделиться с тобой своими новыми идеями. Иди, погладь его по шерстке. Чао.

Миели прикасается к камням Сюдян, просто чтобы вспомнить, почему ввязалась в это дело. А потом ложится и ждет стука в дверь.

Глава двенадцатая
Сыщик и прощальная вечеринка

В вечер перед прощальным приемом. Сад притих, словно актер, затаивший дыхание и повторяющий про себя роль.

Столы, уставленные бокалами для шампанского, выстроены стройными рядами, небольшие павильоны предлагают всевозможные экзотические наслаждения, повсюду летают еще не зажженные фоглеты-светлячки. Оркестр Спокойных настраивает свои инструменты, части тела, создавая негромкую какофонию из духовых партий. Эксперт-пиротехник в цилиндре заряжает разноцветными ракетами устройство, напоминающее миниатюрный орган.

— Итак, что вы обо всем этом думаете, мистер сыщик? — спрашивает Унру.

Его костюм символизирует Сол Джовис, последний день недели Дариского календаря. На ткани камзола полыхают цвета давно исчезнувшего газового гиганта. В тени деревьев от Унру исходит неяркое красно-белое сияние.

— Похоже на праздник эпохи Королевства, — отвечает Исидор.

— Ха! Точно. Не самый плохой способ провести последние несколько сотен мегасекунд, — говорит Унру. Он поднимает свои Часы, цепочкой прикрепленные к жилету. Это на удивление простая модель: черный диск с единственной золотой стрелкой. — Как вы думаете, когда я буду ограблен?

— Мы сделали все, что могли. Ле Фламбер это или нет, но вору придется изрядно потрудиться, чтобы заполучить добычу.

В итоге вся подготовка свелась к установке нескольких выгодно расположенных агор и привлечению дополнительных Спокойных, нанятых Одеттой с разрешения Голоса. Эти воины, предназначенные для борьбы с фобоями, снабжены множеством сенсоров и мощным оружием. Исидор надеется, что этого будет достаточно. Он собирался принять более изощренные меры, включающие использование устройств с черного рынка, но в конце концов решил, что от них будет больше проблем, чем пользы.

— Вы отлично поработали, — говорит Унру, похлопывая Исидора по плечу. — Да, мы ведь так и не обсудили ваш гонорар.

— Мистер Унру, заверяю вас…

— Да, да, это очень благородно с вашей стороны. Я хочу, чтобы вы получили библиотеку. Возможно, она окажется для вас

полезной. Или можете сжечь ее. Одетта уже подготовила контракт, я обязательно передам вам гевулот до конца приема.

Исидор ошеломленно смотрит на миллениэра.

— Благодарю вас.

— Не стоит меня благодарить. Лучше заставьте этого вора попотеть. А вы, случайно, не назначили на сегодняшний вечер свидание?

Исидор качает головой.

— Жаль. Ну а я намерен предаться разврату перед смертью. Прошу меня извинить.

Исидор еще некоторое время наблюдает за последними приготовлениями и расставляет Спокойных — приземистых, по-кошачьи ловких существ в черной броне — по их постам. Затем уходит в одну из гостевых спален, где приготовлен его костюм Сол Лунаэ. Костюм все еще кажется ему слишком женственным, слишком обтягивающим в самых неподходящих местах. Но Исидор все же переодевается. Возникает ощущение, что он что-то забыл, и Исидор вспоминает, что оставил кольцо сцепленности в кармане брюк. Он достает его и вешает на цепочку Часов.

Теперь я знаю, что такое предстартовая лихорадка, думает он.

Согласно обычаю мы с Раймондой приезжаем с большим опозданием, впрочем, как и все остальные гости. Паукебы вокруг нас высаживают мужчин и женщин в искусно созданных костюмах из ксанфийского шелка, кружев и интеллектуальной материи. Прием посвящен Времени, так что нас окружают индийские боги и богини Дариского календаря, планеты и звезды и, конечно, всевозможные модели Часов.

— Не могу поверить, что позволила тебе меня уговорить, — ворчит Раймонда.

Человекоподобный Спокойный в ослепительной ливрее и маске проверяет наши приглашения и провожает в сад, постепенно заполняющийся небольшими группами посетителей. Звон бокалов, протяжные мелодии современной марсианской музыки и голоса гостей сливаются в одну опьяняющую симфонию.

Я улыбаюсь Раймонде. Она кажется очень соблазнительной в наряде Фобоса, состоящем из глубоко декольтированного платья, белых перчаток и светящейся сферы на уровне живота, которая своим сиянием скрывает наиболее пикантный участок тела. Я в костюме с различными изображениями Часов, белом галстуке и с цветком в петлице выгляжу рядом с ней скромным павлином.

— Могу тебя заверить, это наименее безнравственное дело из

всех, в которых я когда-либо участвовал, — говорю я. — Ограбить богатого и раздать добычу беднякам. Что-то вроде этого.

— Тише. — Она кивает в сторону проходящей пары, которая изображает Венеру и Марса. Их гевулот приоткрыт ровно настолько, чтобы окружающие могли их видеть. — В действительности все совсем не так. Все наоборот.

Свет маленького Фобоса у нее на животе подчеркивает правильные черты лица: сейчас она напоминает мне скульптуру какой-то греческой богини.

— Твоим замаскированным дружкам нужны доказательства. Мы их представим.

Я беру бокал шампанского с подноса проходящего Спокойного-слуги. При этом стряхиваю невидимую пылинку с его одежды и незаметно впрыскиваю кое-что из своего цветка. Первая часть нашего плана. Это довольно мощное средство, но его необходимо пустить в ход заранее, до начала действия должно пройти немало времени.

— Не беспокойся. Если твой приятель обеспечит нам доступ, все пройдет гладко, как по маслу.

Как обстоят дела с охраной? Я шепотом спрашиваю Миели — она осталась в отеле и координирует операцию с «Перхонен».

Меры предосторожности минимальные, отвечает она. *Но все же значительнее, чем ты ожидал. Меня тревожат Спокойные-воины, они оснащены отличными сенсорами.*

— Сделай мне одолжение, — говорит Раймонда. — Не пытайся заставить меня расслабиться. Пойдем, надо смешаться с толпой.

Раймонда удивительно легко получила для нас приглашения. По всей видимости, Кристиан Унру — не только поклонник эпохи Королевства, но и покровитель искусств, и потому знакомый Раймонды из Академии музыки решил, что было бы неплохо обсудить с ним на приеме концепцию ее оперы. На вечере, несомненно, множество начинающих деятелей искусства, ищущих покровительства, но знакомый Раймонды пообещал нам добиться личной встречи с Унру, а это все, что мне требуется.

— Раймонда!

Нам машет рукой невысокая пожилая женщина. Костюм из интеллектуальной материи представляет ее в виде песочных часов, но без стекла: никакой ткани, только красный марсианский песок, струящийся по ее пышной фигуре. Эффект завораживающий.

— Как я рада тебя видеть! А кто этот симпатичный молодой человек?

Я кланяюсь и, как того требует вежливость, немного

приоткрываю свой гевулот, но при этом стараюсь, чтобы в памяти женщины не осталось никаких следов моего внешнего облика.

— Рауль д'Андрези, к вашим услугам.

Раймонда представляет меня в соответствии с легендой — как эмигранта с Цереры. Гевулот изображающей песочные часы женщины сообщает, что перед нами София дель Анджело, преподаватель Академии музыки и драмы.

— О, похоже, здесь есть над чем задуматься, — произносит София. — А что случилось с бедным Энтони? Мне *так* нравились его волосы.

Раймонда слегка краснеет, но не отвечает. София подмигивает мне.

— Вам следует быть настороже, молодой человек. Она собирается похитить ваше сердце для своей коллекции.

— Тише, не спугните его, пожалуйста. Я с таким трудом его подцепила, — говорит Раймонда. — Нашего хозяина пока не видно?

На пухлых щечках Софии вспыхивает румянец разочарования.

— Нет, боюсь, он еще не появлялся, я почти час пыталась его разыскать. Я абсолютно уверена, что его заинтересует твоя новая пьеса, но сегодняшний вечер он, вероятно, решил провести в кругу близких друзей. Знаешь, мне кажется, что на самом деле он просто боится этого ле Фламбера. Это ужасно, — приглушенным тоном добавляет она.

— Ле… кого? — переспрашивает Раймонда.

— Ты еще не знаешь? — восклицает София. — Ходят слухи о каком-то преступнике из другого мира, который намерен заявиться сюда без приглашения и даже письменно предупредил о своем приходе. Это так интригующе. Кристиан нанял сыщика, того самого молодого человека, о котором писали во всех газетах.

Раймонда изумленно поднимает брови.

Письменно предупредил? шипит Миели у меня в голове. *Предупредил?*

Я представления не имею, о чем она говорит, протестую я. *Это было бы в высшей степени непрофессионально.* И это действительно так: в последние несколько дней я был так занят подготовкой, что времени на дополнительные эффекты совсем не осталось. Внезапно я ощущаю легкое сожаление: ответ на несуществующее приглашение стал бы великолепным штрихом. *Клянусь, я в этом не виноват. Это то же самое, что и в случае с гогол-пиратами. Кто то слишком много знает.*

Мы прерываем операцию, заявляет Миели. *Если они тебя ждут, риск слишком велик.*

Не смеши меня. Другой такой возможности в ближайшее

время не будет. Просто дело становится еще интереснее. Кроме того, у меня есть идея.

Ничего не желаю слушать, отвечает Миели.

Хочешь сказать, что мы должны убежать, поджав хвост? Какой же ты после этого воин? Я доверяю тебе, когда дело касается грубой силы, верно? А это предоставь мне. Это то, что я умею. При малейших признаках опасности мы исчезнем.

Миели колеблется.

Ладно. Но я буду за тобой наблюдать, обещает она.

Я и так знаю, что будешь.

Раймонда благодарит Софию за предупреждение, и мы, извинившись, удаляемся в небольшой павильон рядом с площадкой, на которой выступает группа акробатов с двумя слонами — факелы в хоботах чертят замысловатые узоры — и стаей дрессированных мегапопугаев, поражающих яркостью расцветки.

— Я знала, что это плохая идея, — говорит Раймонда. — Нам не подобраться к Унру. Кроме того, почему он *обязательно* должен быть здесь?

Ее взгляд задерживается на высоком и худом молодом парне с растрепанными волосами и в плохо сидящем черном с серебром костюме. Он бродит в толпе на противоположном конце лужайки с рассеянным, почти сонным видом.

— Это и есть тот сыщик?

— Да, это Исидор Ботреле.

— Любопытно. Он, вероятно, близок к Унру?

Раймонда бросает на меня сердитый взгляд.

— Не впутывай его.

— Почему? — Я мысленно перебираю инструменты гоголпиратов. Программой для похищения личности я пока не пользовался, но готов попробовать в любой момент. — Ты ведь с ним знакома, верно? Можешь поделиться со мной доступом к его гевулоту?

Раймонда глубоко вздыхает.

— Да ладно, не будь такой щепетильной, — говорю я. — Мы здесь для того, чтобы совершить преступление. Приходится пользоваться любыми доступными средствами.

— Да, я имею доступ к его гевулоту, — отвечает она. — И что дальше?

— О? Еще один бывший возлюбленный? Еще одно украденное сердце?

— Это не твое дело.

— Помоги мне. Передай мне его гевулот, и мы сделаем то, ради чего пришли.

— Нет.

Я складываю руки на груди.

— Хорошо. В таком случае пойдем домой, и пусть ваши таинственные кукольники продолжают дергать за ниточки. Пусть манипулируют тобой и им. — Я показываю на парня в толпе. — Именно об этом я и говорил. Чтобы победить, вы должны пойти на компромисс.

Она отворачивается. На лице суровое выражение. Я пытаюсь взять ее за руку, но Раймонда не разжимает пальцы.

— Посмотри на меня. Позволь мне это сделать. Чтобы тебе не пришлось делать это самой.

— Проклятье! — Она хватает меня за руку. — Но после того, как это закончится, ты вернешь мне все, что я тебе дам. Обещай.

— Я клянусь.

— И я тоже клянусь: если ты причинишь ему вред, то пожалеешь, что не остался в Тюрьме.

Я смотрю на парня. Он прислонился к дереву и прикрыл глаза, словно во сне.

— Раймонда, я не собираюсь причинять ему вред. Ну, возможно, немного пострадает его эго. Но это сослужит ему хорошую службу.

— Ты никогда не умел делать ничего хорошего, — говорит она.

Я развожу руками, кланяюсь ей, а потом иду к сыщику.

Исидор не теряет бдительности. Он ходит, наблюдает и делает выводы. В потоке гевулотов нетрудно определить социальные особенности. Вот композитор, сочинивший музыку для сегодняшнего вечера, в ожидании комплиментов. А это активист движения за восстановление Спокойных, который надеется получить от Унру пожертвование для своего фонда. Он старается чувствовать, а не видеть, ощупывать все вокруг воображаемыми пальцами и по методу Брайля считывать знакомую реальность, пытаясь обнаружить малейшие изменения.

— Добрый вечер.

Сосредоточенность нарушена, и Исидор поднимает взгляд. Перед ним стоит темнокожий мужчина в белом галстуке. Его возраст определить трудно, а рост немного уступает росту самого Исидора. На костюме незнакомца переливаются вышитые золотом изображения Часов слишком крикливо, по мнению Исидора, на лацкане приколот ослепительно-красный цветок. Несмотря на приглушенный свет, глаза незнакомца скрыты за синими линзами очков. Он принес с собой едва ощутимый аромат женских духов — восхитительный запах сосны.

Мужчина снимает очки и устало улыбается Исидору, глядя из-под тяжелых век. Брови у него очень темные, словно нарисованные карандашом. Гевулот тщательно прикрыт.

— Да?

— Простите меня, я ищу… как это? Интимное место.

Исидор недоуменно хмурится.

— Извините?

— Заведение для телесных отправлений, понимаете?

— А-а. Вы из другого мира?

— Да. Джим Барнетт. Мне трудновато здесь ориентироваться. — Мужчина стучит пальцем по виску. — Мой мозг еще не приспособился. Вы мне поможете?

— Конечно.

Исидор посылает ему небольшой фрагмент разделенных воспоминаний, где указано расположение уборных. При этом он ощущает первые признаки начинающейся головной боли.

Наверно, я слишком много работал.

Мужчина усмехается и хлопает его по плечу.

— А! Очень удобно. Большое спасибо. Желаю приятного вечера.

После чего незнакомец скрывается в толпе. Исидор колеблется: не стоит ли поручить кому-нибудь из Спокойных присмотреть за ним. Но его внимание привлекает ближайшая агора. Фигура невысокого мужчины с крылатым шлемом на голове и в сверкающем серебром костюме, символизирующем Сол Меркурий, кажется ему знакомой. Мужчина беседует с молодой женщиной в наряде Близнецов — тень из фоглетов повторяет все ее движения, — но взгляд его при этом устремлен куда-то вдаль.

Исидор шепотом инструктирует одного из Спокойных, приближается к паре и трогает мужчину за плечо.

— Адриан Ву.

Журналист вздрагивает.

— Надо поговорить, — произносит Исидор.

— У меня есть приглашение, — заявляет Ву. — Унру раздавал их направо и налево. Я должен об этом написать. И я удивлен, что вижу здесь *вас*. Что мне сказать по этому поводу моим читателям?

— Ничего. — Исидор хмурится. — Вы снимаете на аналоговую камеру?

— Я…

Один из Спокойных-воинов бесшумно появляется рядом. Он обращает скрытое под маской лицо в сторону журналиста и издает низкий гул, который эхом отдается в груди Исидора. Ву с тревогой смотрит на Спокойного.

— Я здесь отвечаю за безопасность, — сообщает Исидор.

— Но…

— Отдайте мне камеру, и я позволю вам остаться.

Ву снимает свой шлем, откручивает от него продолговатый предмет и передает Исидору. Это и есть аналоговая камера, приводимая в действие проходящим под подбородком ремешком. Примитивное устройство, слишком простое, чтобы вызвать реакцию гевулота.

— Спасибо, — говорит Исидор. Затем он поворачивается к женщине в костюме Близнецов. — Следите за своими словами, когда рядом с вами этот человек. Если возникнут проблемы, дайте мне знать. — Он усмехается, глядя на Ву. — Поблагодарить сможете позже.

Начинаются танцы. Исидор решает, что заслужил передышку, и берет с подноса бокал с белым вином. Затем смотрит на часы: до запланированной смерти Унру остается еще целый час.

И только тогда он понимает, что кольцо сцепленности исчезло. У него сильно бьется сердце. Исидор запрашивает воспоминания о разговоре с человеком в синих очках и видит, что кольцо украл незнакомец. Почти неуловимым движением он отстегнул его Часы от цепочки, а затем вернул их на место, сняв кольцо. Все произошло в считанные секунды, и мужчина не прерывал разговора, тщательно скрывая под гевулотом все, что только можно.

Исидор делает глубокий вдох, а затем, оглядывая агоры, посылает фрагменты разделенных воспоминаний с обликом этого человека Одетте и Спокойным-воинам. Но вора не видно: он или ушел, или прячется под гевулотом. Исидор торопливо обходит лужайку, высматривая расплывчатое пятно гевулота, под которым может скрываться незваный гость. Исидор не сомневается, что это и есть Жан ле Фламбер. Но его нигде нет. *Зачем он со мной заговорил? Чтобы просто подразнить? Или…* Исидор снова испытывает странную головную боль и ощущение дежавю — перед глазами мелькают лица, словно он находится одновременно в двух местах.

Исидор достает свое увеличительное стекло и камеру Ву и начинает просматривать отснятый материал. Прибор зоку быстро преобразует микроскопические точки в многоцветное изображение. Исидор прокручивает запись, постукивая кончиком пальца по стеклянному диску. Светские дамы. Акробаты. И вот — Унру. Судя по метке, снимок сделан несколько минут назад. Смеющийся миллениэр в окружении друзей, в числе которых и знакомая фигура в черном с серебром костюме и с растрепанными волосами…

Исидор роняет камеру и бросается бежать.

Копирование физического облика сыщика занимает всего несколько мгновений. Я проделываю это в одном из обеспечивающих полное уединение павильонов, которые наш хозяин предусмотрительно установил для плотских утех и прочих тайных развлечений своих гостей. Я всего лишь проецирую на себя трехмерный облик сыщика и перепрограммирую свою одежду. Сходство не обязательно должно быть абсолютным — большинство деталей скрыто под гевулотом.

Мимоходом я бросаю взгляд на украденное кольцо: это явно технология зоку. Решив осмотреть кольцо позже, я кладу его в карман.

Настоящая проблема заключается в подтверждении личности, и для этого требуется полученный у Раймонды фрагмент гевулота. А чтобы подделать квантовую характеристику Часов, необходимую для идентификации, приходится прибегнуть к компьютерной мощи «Перхонен».

Я думала, вором быть легко, замечает корабль. *Но это непростая работа.*

— Ожидание и страх, как я уже говорил, — отвечаю я.

Я стараюсь сдержать данное Раймонде обещание и не обращать внимания на воспоминания, мелькающие в моей голове, пока работает система корабля и программа гогол-пиратов. Передо мной проносятся лица, высеченные на стене, и девушка с камнем зоку на шее. Все воспоминания на удивление невинны, и я никак не могу понять, зачем этот парень гоняется за гогол-пиратами и преступниками вроде меня.

Но я отгоняю посторонние мысли: мы здесь для того, чтобы похитить Время, а не прошлое сыщика. Сервер гоголов сигнализирует об успешном завершении работы, значит, мои Часы изменили статус, и для окружающих я стал Исидором Ботреле. Но его Часы уже через несколько мгновений обновят информацию, связавшись с внешним гевулотом, так что мне надо поторапливаться. Я проверяю необходимое оборудование — ку-паук и триггер у меня в голове — и решаю, что настал момент для главного события вечера.

Я приближаюсь к группе, где находится Унру, — позаимствованный гевулот теперь позволяет их увидеть — и имитирую неторопливую походку сыщика. Мой объект разговаривает с высокой женщиной в белоснежном наряде и выглядит слегка навеселе.

— Мистер Ботреле! — кричит он, завидев меня. — Как идет охота на преступника?

— Их слишком много, чтобы выбрать кого-то одного, — отвечаю я.

Унру разражается хохотом, но женщина поглядывает на меня с любопытством. Лучше проделать все быстро.

— Я вижу, вы развеселились, — замечает Унру. — Отлично! Вечеринка для этого и задумана.

Он осушает свой бокал.

Я беру еще один бокал с подноса проходящего мимо Спокойного и подаю Унру. Пока он принимает выпивку, я быстро инструктирую ку-паука. Он пробегает по моей руке, перепрыгивает на ладонь Унру и скрывается в рукаве костюма, изображающего газовый гигант. Затем отправляется на поиски Часов.

Чтобы вырастить паука, мне потребовалось три дня и еще один длительный спор с Миели по поводу функций одолженного Соборностью тела. Схему мы составили вместе с «Перхонен», и устройство росло на сгибе моего локтя — маленькая многоножка, сконструированная в соответствии с принципом ЭПР-парадокса, [43] так же, как сверхплотный канал, который мы с Миели используем для связи с кораблем. Я улыбаюсь Унру и мысленно направляю прибор.

— Здесь нетрудно развеселиться, — произношу я. — Тем более что скоро начнется фейерверк.

Вот оно. Паук устраивается на Часах и запускает нити из ку-точек в ионные ловушки, где хранятся персональные, исключающие возможность подделки, единицы Времени, квантовые сигналы, посылаемые в систему восстановления, отсчитывающие срок жизни Унру в качестве человека. Затем информация переправляется на «Перхонен». Одна, две, три, десять, шестьдесят секунд телепортировано, преобразовано в квантовую энергию и сохранено в крыльях «Перхонен». *Есть.*

Унру хмурится.

— Я приберег фейерверк для самого значительного момента этого вечера, — говорит он.

— Разве не должен быть значительным каждый момент? — улыбаюсь я.

Унру снова смеется.

— Мистер Ботреле, не знаю, где вы отыскали свое остроумие — на дне бокала или на губах хорошенькой девушки, но я рад, что это случилось!

— Мистер ле Фламбер, как я полагаю?

Передо мной стоит сыщик, а по бокам замерли два Спокойных-воина — гладкие черные существа, олицетворяющие мощь и жестокость. Я приподнимаю брови. Быстрее, чем я

предполагал, намного быстрее. Он заслуживает поклона, и я кланяюсь.

— К вашим услугам. — Я позволяю себе восстановить свой истинный облик и улыбаюсь Унру: — Ваше гостеприимство выше всяких похвал, но, боюсь, мне уже пора.

— Мистер ле Фламбер, прошу вас не двигаться.

Я бросаю в воздух свой цветок и мысленно нажимаю большую красную кнопку.

В то же мгновение начинается фейерверк. Небо расцветает разноцветными двойными и тройными спиралями, вспыхнувшие звезды с громким треском рассыпаются серебристым дождем. Затем следует фонтан ярко-пурпурного конфетти, а напоследок две голубые ракеты чертят знак бесконечности. В воздухе стоит запах пороха.

Вокруг меня все замирает. Спокойные превращаются в статуи. Музыка умолкает. Унру роняет свой стакан, но остается на ногах, с остекленевшим взглядом. Раздается несколько глухих ударов, но большинство участников вечеринки просто застывают, устремив взгляд вдаль, хотя уже не видят угасающего фейерверка.

Это еще один трюк из арсенала гогол-пиратов: оптогенетический вирус, вызывающий гиперчувствительность клеток мозга к определенным световым волнам. Нетрудно было приспособить его не для закачки сознания, а для погружения во временное бездействие. Инфекция от моего цветка распространяется даже быстрее, чем я думал. В Шагающем Городе не так уж много производителей фейерверков; подкупить их, убедив, что готовится невинный сюрприз для мистера Унру, оказалось несложно.

Я прячусь под своим гевулотом и прохожу сквозь неподвижную, молчаливую и бездумную толпу. Раймонда, тоже скрытая пеленой уединения, ждет меня у выхода из парка.

— Ты уверена, что не хочешь остаться еще на один танец? — спрашиваю я ее.

Я зажмуриваюсь в ожидании пощечины. Но ничего не происходит. Когда я снова открываю глаза, вижу перед собой непроницаемое лицо Раймонды.

— Верни его гевулот. Сейчас же.

Я выполняю обещание и возвращаю все права на воспоминания сыщика, извлекая их из своего сознания и снова становясь просто Жаном ле Фламбером.

Она облегченно вздыхает.

— Так-то лучше. Спасибо.

— Как я понял, твои соратники заметут наши следы?

— Не беспокойся, — говорит она. — Можешь идти и заниматься своим делом.

— Чтобы доставить тебе удовольствие, должен сообщить, что на следующем этапе запланирована моя смерть.

Мы уже вышли в общественный парк. Раймонда превращается в Джентльмена и взмывает в воздух. Угасающие огни фейерверка отражаются в ее серебряной маске.

— Я никогда не желала твоей смерти, — отвечает она. — Я предпочитала нечто другое.

— Что именно? Месть?

— Дай мне знать, когда это выяснишь, — произносит она и исчезает.

Как ни удивительно, но вечеринка возобновляется. Прошло десять минут. Оркестр подхватывает мелодию, снова звучат разговоры. И конечно, тема у всех только одна.

У Исидора в висках пульсирует боль. Вместе со Спокойными и Одеттой он снова и снова просматривает экзопамять парка. Но никаких следов Жана ле Фламбера нет. Неудача и разочарование давят на него свинцовым грузом. Ближе к полуночи Исидор снова присоединяется к участникам приема.

Унру открыл свой гевулот для всех присутствующих. Он в центре внимания и наслаждается комплиментами своей храбрости, проявленной при встрече с вором. Наконец хозяин машет рукой.

— Друзья мои, пришло время покинуть вас, — произносит он. — Благодарю за терпение, с которым вы отнеслись к незапланированному номеру нашей программы. — Смех. — Но, по крайней мере, вор — и в этом немалая заслуга бдительного мистера Ботреле — ушел с пустыми руками.

Я намеревался сделать это в постели, в обществе прекрасных женщин, — продолжает он, обнимая двух куртизанок с улицы Змеи, — или, возможно, под ногами слона. — Он поднимает бокал в направлении огромного животного, возвышающегося над толпой. — Но решил, что лучше будет здесь, среди друзей. Время имеет те свойства, которыми мы его наделяем: абсолютное или относительное, ограниченное или бесконечное. Я хочу, чтобы этот момент длился вечно, и чтобы, когда я буду чистить *ваши* нужники, защищать *вас* от фобоев или нести *ваш* город на своей спине, я мог бы вспоминать о своих друзьях.

Итак, с вином и поцелуем, — Унру целует обеих девушек, — или двумя, — он снова смеется, — я умираю. Увидимся в…

Он роняет бокал и падает на землю. Застыв над неподвижным телом миллениэра и удивленно моргая, Исидор смотрит на Часы.

Они показывают, что до полуночи осталась еще одна минута. *Но как же так? Он все тщательно спланировал, все, до последнего слова.* Однако размышления сыщика прерываются веселыми криками и хлопками открываемого шампанского.

Когда Воскресители приходят за телом и начинается поминовение, Исидор садится с бокалом вина и предается дедукции.

Интерлюдия
Истина

В ночь Вспышки Марсель и Совенок летают на планере над Лабиринтом Ночи.

Идея, конечно же, принадлежит Совенку. Всем известно, что в каньонах лабиринта полно фобоев и предательских термальных течений. Кроме того, у Марселя недостаточно Времени, чтобы позволять себе прогулки на планере, но спорить с возлюбленным он не может.

— Ты превращаешься в старика, — говорит Совенок. — Ты никогда не станешь настоящим художником, если время от времени не будешь играть со смертью.

Намек на идею, над которой он так долго работал и которая была воплощена другим, все еще причиняет боль, и Марсель не может с этим смириться. В итоге он оказывается в небе, между темными ущельями и звездами, и, несмотря ни на что, испытывает от этого радость.

Над каньоном Ио Совенок внезапно направляет планер вниз до тех пор, пока они едва не задевают верхушки растущих там псевдодеревьев, а затем резко поднимает машину вверх. Они проносятся близко к краю каньона, и у Марселя душа уходит в пятки. Совенок, заметив выражение его лица, разражается хохотом.

— Ты сумасшедший, — говорит ему Марсель и целует его.

— Я думал, ты никогда на это не решишься, — с улыбкой отвечает Совенок.

— Это было здорово, — признает Марсель. — Но нельзя ли на некоторое время подняться повыше и полюбоваться звездами?

— Все, что угодно, любовь моя. У нас в запасе вся ночь для всевозможных трюков.

Марсель игнорирует его подмигиванье, откидывает спинку кресла и смотрит в небо. Время от времени он обращается к экзопамяти, чтобы получить информацию об отдельных созвездиях и планетах.

— Я подумывал о том, чтобы уехать, — говорит Марсель.

— Уехать? — переспрашивает Совенок. — И куда бы ты направился?

Марсель разводит руками.

— Не знаю. Куда-нибудь. — Он прижимает ладонь к гладкой, прозрачной стенке планера. Яркий Юпитер просвечивает между пальцами. — Тебе не кажется, что глупо придерживаться

здешнего цикла? Здесь все какое-то нереальное.

— Разве не в этом заключается твоя работа? Ощущать нереальное?

В его голосе звенит гнев. Совенок — студент-инженер, и они никогда бы не сошлись, если бы не физическое влечение. Порой он говорит такие вещи, от которых сердце Марселя сжимается. За те два года, что длится их связь, Марсель не раз подумывал оставить приятеля, но такие моменты, как сегодня, заставляют его отбросить эти мысли.

— Нет, — отвечает Марсель. — Я делаю нереальные вещи реальными или реальные вещи более реальными. И там это было бы проще. У зоку имеются устройства, обращающие идеи в предметы. Соборность утверждает, что зоку намерены сохранять все когда-либо возникающие мысли. А здесь…

Юпитер под его пальцами взрывается. Контур ладони на мгновение становится красным на фоне ослепительной белизны. Марсель зажмуривается и ощущает, как трясется планер, его крылья изгибаются под невероятными углами, словно горящая бумага. Марсель чувствует в своей руке похолодевшие пальцы Совенка. Потом его возлюбленный начинает издавать бессмысленные крики. И затем они падают.

Только намного позже, после того, как Спокойные отыскали их тела в пустыне и Воскресители собрали их заново, Марсель слышит слово «Вспышка».

Пострадали города. Повреждения затронули даже экзопамять. А в небе дела обстоят еще хуже: Юпитер исчез, поглощенный черной дырой, — гравитационной или технологической, никто не может сказать. Соборность заявляет о космической угрозе и предлагает всем гражданам Ублиетта спасение с помощью перекачивания сознания. Среди оставшихся в живых зоку в городе Супра возникают волнения. Ходят разговоры о войне.

Марселю все это безразлично.

— Для меня это неожиданная радость, — говорит Поль Сернин, сидя в студии Марселя.

Возможно, Марселю это только кажется, но когда конкурент смотрит на модели из клейтроника, эскизы и законченные работы, в его гевулоте проскальзывает легкая зависть.

— В самом деле, после столь долгого отсутствия я не ожидал, что стану первым твоим посетителем. Как дела?

— Если хочешь, посмотри сам, — отвечает Марсель.

Совенок занимает лучшую комнату в доме Марселя, расположенном на Краю. Большую часть времени он с безразличным видом сидит в коконе из лечебной пены и молчит.

Но время от времени из его горла вырывается продолжительная череда резких щелчков и металлический лязг.

— Воскресители не понимают, что с ним, — поясняет Марсель. — Его мозг остается в перманентном когерентном состоянии, как в одной из древних квантовых теорий сознания: забиты микроканальцы нейронов, связанных с экзопамятью. Если произойдет прорыв, он может очнуться, а может и нет.

— Мне очень жаль, — произносит Сернин. К удивлению Марселя, в его голосе звучит искреннее сочувствие. — Я хотел бы чем-нибудь помочь.

— Ты можешь помочь, — отвечает Марсель.

— Не понимаю.

— Я отступаю, — заявляет Марсель. — В прошлом ты находил мои идеи достойными подражания. И я хотел бы продать их тебе. — Он обводит рукой студию. — Все свои работы. Я знаю, что ты можешь себе позволить их купить.

Сернин изумленно моргает.

— Но почему?

— Все это напрасно, — говорит Марсель. — Там, наверху, обитают гиганты. Мы для них ничего не значим. Кто-то может раздавить нас и даже не заметить этого. Нет смысла рисовать красивые картинки. Все уже создано. Мы просто муравьи. Единственное, что стоит делать, — это заботиться друг о друге.

Некоторое время Сернин молча смотрит на него.

— Ты ошибаешься, — произносит он наконец. — Мы такие же значительные, как и они. И кто-то должен это им доказать.

— Строя игрушечные дома? Если хочешь, это все твое. — Марсель взмахивает рукой, предлагая Сернину мысленный контракт. — Ты победил.

— Спасибо, — тихо отвечает Сернин. Он встает и прислушивается к звукам, которые издает Совенок, затем откашливается. — Если мы заключим сделку, — медленно произносит он, — могу я время от времени его навещать?

— Если захочешь, — отзывается Марсель. — Мне все равно.

Они скрепляют соглашение рукопожатием. Марсель из вежливости предлагает коньяк, но они пьют молча, и Сернин сразу же уходит.

После того, как Марсель дает ему поесть, Совенок становится спокойнее. Марсель приказывает дому играть современную марсианскую музыку и долго сидит рядом с другом. Но когда в небе появляются звезды, Марсель задергивает шторы.

Глава тринадцатая
Вор в потустороннем мире

Мою смерть мы инсценируем на следующее утро в приюте Утраченного Времени. Это то самое место, куда испустить свой последний вздох приходят нищие Временем. Это агора, украшенная потемневшими бронзовыми статуями смерти и страдания. Здесь устраивается шоу, предназначенное для того, чтобы его участники получили еще несколько драгоценных секунд.

— Время, Время, Время, оно уходит безвозвратно! — кричу я проходящей мимо паре, потрясая музыкальным инструментом из отпечатанных фабрикатором костей.

За моей спиной в тени статуй двое нищих отчаянно занимаются любовью. Группа *morituri*[44] с разрисованными лицами и бледными телами исполняет дикий танец, извиваясь и дрожа.

Я уже охрип от непрерывного крика, предназначенного для приезжих из других миров, которые составляют большую часть аудитории. Турист с Ганимеда в жилистом экзоскелете с озадаченным видом кидает нам частицы времени, как будто кормит голубей. Он явно не понимает, что здесь происходит.

Не переусердствуй, раздается в моей голове голос Миели. Она остается в толпе зрителей и наблюдает за исполняемым на площади *danse macabre.*[45]

Все должно быть правдоподобно, отвечаю я.

Можешь в этом не сомневаться. Скажи, когда будешь готов.

Ладно. Давай.

— Время — великий Разрушитель! — кричу я. — Я мог быть Тором, богом грома древних эпох, но оно все равно свалило бы меня наземь. — Я отвешиваю поклон. — Леди и джентльмены, узрите Смерть!

Миели, не сходя со своего места, вырубает меня. Ноги подкашиваются. Легкие перестают работать, и я чувствую сильнейшее удушье. Странно, но мир вокруг остается все таким же четким и ясным. Мой разум тайно продолжает работать в конструкции Соборности, но тело отключается. В глазах темнеет, и я падаю на землю вместе с другими участниками *danse macabre,* которых я тренировал два последних дня. Наши тела образуют на площади слова: MEMENTO MORI.

Из толпы зрителей доносятся отдельные крики, в которых звучит чувство вины и восхищение. Затем воцаряется молчание, и

земля начинает вздрагивать от тяжелых шагов идущих строем людей. Приближаются Воскресители.

Зрители расступаются, освобождая им дорогу. За многие годы эта процедура превратилась в ритуал, и его приняли даже Воскресители. Они выходят на площадь по трое в ряд, всего около трех десятков. Все одеты в красное, с плотно закрытым гевулотом, не позволяющим разглядеть не только лица, но и движения. У каждого на поясе висит декантер. Следом за ними идут Спокойные-Воскресители. Они похожи на людей, только намного выше — около трех-четырех метров, вместо лиц — гладкие блестящие черные пластины, а из туловищ торчит целый пучок рук. Их шаги я ощущаю всем телом.

Человек в красном приближается ко мне и подносит к взломанным Часам свой декантер. На мгновение меня охватывает безотчетный страх: эти угрюмые жнецы наверняка повидали немало попыток обмануть Смерть. Но бронзовое устройство издает короткое жужжание, а потом звон. Воскреситель медленно наклоняется надо мной и привычным движением закрывает мне глаза. Спокойный берет меня на руки, и гулкий топот по площади возобновляется. Меня уносят в преисподнюю.

Я ничего не вижу, жалуюсь я Миели. *Ты не могла бы отключить какое-то другое чувство?*

Я не хочу, чтобы они что-то заподозрили. Кроме того, ты должен исполнять свою роль надлежащим образом.

Странно чувствовать, как тебя уносят в преисподнюю, прислушиваться к гулким шагам в городе, находясь под городом, и вдыхать непривычный запах морских водорослей, исходящий от Спокойного. Размеренное движение погружает меня в меланхолию. За несколько прожитых столетий я еще ни разу не умирал. Возможно, это правильный подход к бессмертию: стоит время от времени умирать, чтобы ценить жизнь по достоинству.

Все еще развлекаешься? Спрашивает «Перхонен».

Да, черт меня побери.

Это меня тревожит. Пора просыпаться.

И я во второй раз возвращаюсь к жизни, но уже без видений трансформации. Глаза словно застилает слой пыли. Я плаваю в замкнутом пространстве, заполненном вязким гелем. На то, чтобы изрыгнуть небольшой инструмент из ку-камня и открыть крышку гроба, уходит всего мгновение. Гроб не запечатан гевулотом, а только заперт на механический замок: удивительно, насколько Воскресители привержены традициям. Дверца отодвигается в сторону, и я выбираюсь наружу.

И едва не падаю: я нахожусь высоко на стене огромного цилиндрического помещения с металлической поверхностью,

покрытой сетью маленьких крышек. Напоминает картотеку. Вдоль стен вертикально спускаются кабели. Внизу на них висит Спокойный — похожий на механического осьминога. Он закладывает на хранение поступающие тела. Я прикрываю крышку, оставив небольшую щель для наблюдения, и жду, пока он уйдет. Спокойный с жужжанием ползет вверх по кабелям мимо меня, словно гигантский паук. Я снова рискую высунуться. С кожи капают остатки геля. Я высматриваю, за что бы зацепиться.

Отлично, говорит «Перхонен». *А теперь посмотри кое-какие изображения. Внизу имеются служебные шахты: через одну из них ты сможешь впустить Миели.*

Я перепрограммирую слой ку-точек под кожей таким образом, чтобы приклеиться к металлической поверхности, и мимо гробов спящих мертвецов карабкаюсь вниз.

В помещении не утихает постоянный фоновый шум — свист, рокот и удары. Неподалеку находятся органы движения города — поршни, двигатели, емкости с циркулирующими в них синтбиотическими организмами, обеспечивающими ремонт, и огромные искусственные мышцы, переставляющие колоссальные ноги.

Прозрачные трубы изгибаются к нескольким шахтам по краям зала, и вдоль них оставлены проходы, явно предназначенные для Спокойных меньшего размера. Проходы достаточно просторны, чтобы мог протиснуться и я. «Перхонен» постоянно посылает изображения, получаемые от моего маяка: вокруг множество помещений, туннелей и машин.

Я проползаю вперед более пятидесяти метров, царапая кожу о стены и трубы и останавливаясь всякий раз, когда слышу шаги Спокойных. В какой-то момент мимо меня, не обращая никакого внимания, пролетает целый рой похожих на пчел Спокойных. Они карабкаются по мне, поблескивая в темноте крошечными глазками, и я с трудом сдерживаю крик.

Наконец я вижу еще один горизонтальный тоннель, на этот раз стены керамические и скользкие от липкой жидкости, просачивающейся из пористого материала. Здесь совершенно темно, и я переключаю зрение на инфракрасный диапазон, стараясь не обращать внимания на призрачный мир гигантов, движущихся на границе видимости, и сосредоточиться только на цели.

Я долго карабкаюсь в темноте, и наконец туннель расширяется и плавно направляется вниз, так что мне приходится напрягать мышцы, чтобы не соскользнуть. И вот впереди виден свет — тускло-оранжевый сумрак, и я чувствую леденящий ветер. Теперь становится видно, что туннель заканчивается наклонной

шахтой и закрыт мелкоячеистой сеткой, пропускающей свет снаружи.

Передай Миели, что я готов ее встретить, говорю я «Перхонен».

Она ориентируется на твой маяк. Скоро будет.

Добраться до этого места стоило немалого труда. У основания города гевулот чрезвычайно плотный: Ублиетт не собирается облегчать жизнь гогол-пиратам. Так что единственный шанс попасть сюда — проникнуть изнутри.

Я снова беру ку-инструмент и прорезаю в сетке отверстие. Лезвие легко рассекает преграду. Взгляд вниз вызывает приступ головокружения. Но вот налетает горячий вихрь, и над отверстием на раскрытых крыльях зависает Миели.

— Где ты так задержалась? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня с неодобрением.

— Знаю, знаю, — говорю я. — Надо было что-нибудь надеть, как только я восстал из мертвых.

Миели увлекает меня в туннель, ориентируясь на маяк, указывающий путь к телу Унру. Я рад, что она здесь: мы стремительно пролетаем по туннелям и переходам. Несколько раз, когда мимо с лязгом и сопением проходят огромные Спокойные, принося с собой запах моря, она окутывает нас облаком пыли-невидимки.

И вот мы добираемся до подземной усыпальницы. Это цилиндрические залы около ста метров диаметром, сверкающие хирургической чистотой и хромом, на табличках выгравировано имя и шифр. В третьем зале мы отыскиваем Унру.

Как только я вхожу, сверху доносится шипение: восьминогий Спокойный-гробовщик заметил нас и быстро спускается вниз по кабелям. Миели отталкивает меня и стреляет в него из гостгана. Спокойный со скрежетом останавливается в нескольких метрах надо мной и повисает, словно тряпичная кукла. При взгляде на его мандибулы у меня сводит челюсти.

— Не беспокойся, — говорит Миели. — Мой гогол только завладел его моторными функциями. Разум внутри не пострадает. Мы не будем нарушать твою профессиональную этику.

— Это меня не тревожит, — отвечаю я.

Миели принесла для меня одежду из интеллектуальной материи, но мне все равно холодно. Повинуясь жесту Миели, Спокойный послушно карабкается к табличке с именем Унру, и через несколько мгновений гроб уже лежит на полу перед нами. Я вскрываю его своим инструментом.

— Как я уже говорил Раймонде, мы берем у богатых и отдаем

бедным.

Бывший милледиэр бледен, на нем нет ничего, кроме черного диска Часов. *Давай,* командую я «Перхонен». Поток частиц с корабля при моем усовершенствованном зрении представляется белым светящимся карандашом. Луч упирается в Часы и возвращает украденную нами минуту. Затем включается внешняя система восстановления, поле зрения закрывает белый шум, и последняя синхронизированная версия разума Унру из экзопамяти возвращается в его тело.

По телу милледиэра пробегает дрожь. Он порывисто вдыхает полной грудью, кашляет и наконец открывает глаза.

— Что?.. Где?..

— Простите, мистер Унру, это займет одно мгновение.

Миели подает мне загрузочный шлем — гладкую черную каску. Я надеваю его на голову Унру, и шлем плотно прилегает к черепу.

Милледиэр начинает смеяться, но смех тут же переходит кашель.

— Опять вы? Я разочарован. Я не ожидал, что вы окажетесь обычным гогол-пиратом.

Я улыбаюсь.

— Могу вас заверить, что не взял ни крупицы вашего гевулота и уже возвратил все, что у вас украл. Дело в другом. Лежите спокойно, пожалуйста.

План был прост. Как установить факт манипуляций сознанием со стороны каких-то темных сил? Надо отыскать чистую матрицу и провести сравнение. Унру был молод, не проходил процедуру воскрешения и еще не побывал в состоянии Спокойного, так что его мозг не подвергался воздействию системы восстановления. Теперь это произошло, и, если сознание изменилось, мы это обнаружим. Если нет, что ж, я бывал и в худших ситуациях.

— Если это необходимо… — Унру вздыхает. — Понимаю. Вы украли минуту моего Времени, и теперь ее возвратили. Чтобы добраться до моего разума здесь? Интересно. Не могу себе представить, зачем это понадобилось. Это очень странное преступление, мистер ле Фламбер. Жаль, что я не увижу, как молодой Ботреле вас поймает.

— Я передам ему от вас привет, — говорю я. — И, кстати, должен извиниться за окружающую обстановку. Я даже не могу предложить вам выпить.

— Ладно. Недавно мне пришлось пережить гораздо большие неудобства.

— Пока мы ждем результата, не могли бы вы объяснить, как

узнали о нашем появлении на приеме?

— Письмо.

— Письмо?

Унру удивленно смотрит на меня.

— Так его прислали не вы? О, это даже интереснее, чем я предполагал. Как жаль, что придется все это пропустить. В моей библиотеке появилось письмо от вашего имени. И мы никак не могли понять, откуда оно взялось. Мистер Ботреле решил, что экзопамять повреждена…

Мы уже получаем информацию, говорит «Перхонен». *Похоже, изменения действительно имели место, особенно в…*

Лицо Унру превращается в злобную маску. Он тянется к моему горлу, и бледные пальцы впиваются в шею. Испустив пронзительный вопль, Унру бьет меня лбом в лицо, и мои глаза заволакивает кровавая пелена боли.

Миели заламывает ему руки за спину и оттаскивает от меня.

— Ле Фламбер! — кричит он изменившимся голосом. — Он придет за тобой. Ле Руа придет за тобой!

А потом его Время окончательно иссякает, и он бессильно повисает на руках Миели.

Я потираю горло.

— Что ж, — говорю я. — Если и требовалось еще какое-нибудь доказательство манипуляций сознанием жителей Ублиетта, теперь оно у нас есть.

Мы получили данные, сообщает «Перхонен». *Это очень странно.*

Миели, наклонив голову, прислушивается.

— Кто-то идет, — предупреждает она.

Спустя мгновение я тоже различаю приближающиеся шаги Спокойного.

— Вот тебе на! — восклицаю я. — Наверное, молодая ищейка догадалась, что мы собираемся делать.

Миели хватает меня за руку.

— Поиграешь в свои игры потом, — говорит она. — Надо уходить.

В поисках путей к отступлению Миели изучает трехмерный план, составленный «Перхонен».

— Не пора ли убегать? — спрашивает вор.

— Ш-ш-ш.

Метамозг отыскивает возможные маршруты с минимальной вероятностью встречи с противником. У Миели нет ни малейшего желания пробиваться к выходу с боем. Вот оптимальный вариант: через этот зал, потом наверх…

Пол и стены содрогаются. Раздается протяжный скрежет, и на схеме появляется *новый* объект. Миели понимает, что означает груда искусственных мышц, излучающая энергию и тепло, — Спокойный-атлант. Эти существа поддерживают баланс платформ и внутреннюю структуру. Находятся точно под Лабиринтом, где движение заметнее всего. Воскресители используют этих великанов, чтобы заблокировать выходы. Значит, придется сражаться. Если только…

— Сюда, — бросает она вору и бежит по туннелю туда, откуда доносятся голоса.

— Можно уточнить? — спрашивает вор. — Разве мы не должны *убегать* от них?

У Миели нет желания спорить, и она просто с силой подталкивает его через биотическую связь.

— А вот это абсолютно лишнее!

Пересекающий усыпальницу цилиндрический тоннель довольно широк и продолжает увеличиваться. Метамозг регистрирует присутствие впереди Спокойных и Воскресителей, но сейчас Миели интересует не это.

Они с вором попадают в просторное с низким потолком помещение шириной около ста метров, освещенное тусклым светом синтбиотических трубок. Одна из стен — неровная и явно органического происхождения — двигается и пульсирует. Это панцирь живого существа, Спокойного-атланта. Миели погружается в боевую сосредоточенность, изучая планы окружающей преисподней, расположение платформ и их взаимодействие.

— Стоять! — раздается чей-то приказ.

С противоположной стороны зала появляется группа Воскресителей и с ними Спокойные-воины.

Миели стреляет в бок атланта из гостгана. На этот раз снарядом служит простой раб-гогол, который после нескольких циклов сам себя уничтожит. Пол и стены начинают дрожать. По телу Спокойного проходит спазм. Панцирь трескается. А затем с оглушительным грохотом зал раскалывается по самому центру, из зияющей трещины пробивается дневной свет. Миели хватает вора за руку и прыгает.

Они выпадают через рану в плоти города. Вместе с ними, словно кровь, вырываются потоки синтбиотического раствора. И вот они уже щурятся от яркого света снаружи, в настоящем лесу городских ног.

Миели расправляет крылья, чтобы остановить падение, накрывает себя и вора пеленой гевулота и летит назад, в город живых.

В отель я возвращаюсь в приподнятом настроении.

Под гевулотом я весь покрыт грязью и сажей, ноги еще дрожат после полета с Миели, но я ликую. Мне по-прежнему любопытно, кто же овладел сознанием Унру, но желание отпраздновать пересиливает все остальное.

— Ну же, — говорю я Миели, — это надо отметить. Такова традиция. Ты теперь почетный вор. Подобные ситуации возникают, когда кто-то попадается при дележе добычи или из-за плохой подготовки отступления. Но мы справились. Не могу поверить.

У меня в голове постоянный гул. За последние несколько часов я побывал эмигрантом с Пояса, сыщиком, выпрашивающим Время нищим и трупом. *Наверно, так я должен был чувствовать себя в прошлом.* Мне трудно усидеть на месте.

— Ты прекрасно справилась. Как амазонка. — Я несу чушь, но меня это не тревожит. — Знаешь, когда все это закончится, я вернусь и снова поселюсь здесь. Займусь каким-нибудь спокойным делом. Буду выращивать розы. Буду разбивать сердца девушек, а время от времени совершать и другие поступки.

Я заказываю фабрикатору самый дорогой напиток, на который тот способен, — виртуально выращенное вино Королевства — и протягиваю бокал Миели.

— А твой корабль! Какое мастерство в квантовой магии!

Полагаю, я могу считать себя полоумной, специализирующейся на взрывах мозга, говорит «Перхонен».

— Она разбирается в поп-культуре! Я без ума от нее! — смеюсь я.

Между прочим, в полученной информации обнаруживаются довольно интересные факты.

— Потом! Оставь все на потом. А сейчас мы слишком заняты празднованием.

Миели бросает на меня странный взгляд. Я снова жалею, что не могу ее понять, но биотическая связь действует только в одну сторону. К моему удивлению, она принимает бокал.

— У тебя все время так бывает? — спрашивает она.

— Дорогая моя, впереди у нас несколько месяцев подготовки ко взлому мозга *губернии.* А это пустяки. Только искры. Настоящий фейерверк будет потом. А сейчас я словно испытывающий жажду в пустыне. Это хорошо. — Я чокаюсь своим бокалом о ее бокал. — За преступление.

Ликование вора заразительно. Миели понимает, что немного опьянела. Ей и раньше приходилось прилагать немало усилий для

подготовки операции — к примеру, освобождению вора из Тюрьмы — но она никогда не испытывала того странного возбуждения, какое прямо-таки излучает вор. Он тоже отлично себя проявил, совсем как собрат по кото, без всякого бунтарства, и это нечто новое в его поведении.

— И все же я не понимаю, — говорит она, усаживаясь на диван и позволяя себе наслаждаться этим будоражащим ощущением. — Почему это доставляет такое удовольствие?

— Это игра. Ты когда-нибудь играла в игры у себя в Оорте?

— Мы бегали наперегонки. И состязались в мастерстве и исполнении колдовских песен. — Внезапно она ощущает тоску по прошлому. — Я очень любила все это, особенно изготавливать предметы из коралла. Надо представить себе желаемый предмет. Найти описывающие его слова. А потом обратиться с ними к вяки, [46] они пробуждаются и создают его. В итоге ты получаешь что-то свое, новую для этого мира вещь. — Она отводит взгляд. — Так я создала «Перхонен». Это было очень давно.

— Видишь ли, воровство для меня то же самое, — отвечает вор.

Внезапно он становится очень серьезным.

— Что же ты здесь делаешь? — спрашивает он. — Почему не вернешься, чтобы создавать новые вещи?

— Я делаю то, что должна сделать, — произносит Миели. — И так было всегда.

Но она не желает развивать эту тему.

— Но только не сегодня, — говорит вор. — Сегодня мы будем делать то, что нам *хочется.* Мы будем развлекаться. Чего бы ты хотела?

— Петь, — признается Миели. — Я хотела бы спеть.

— Я как раз знаю подходящее место, — заявляет вор.

Чрево: подземные улицы и закоулки между перевернутыми башнями. Огоньки Спокойных внизу, дроны-газетчики, предлагающие репортажи о дневном землетрясении в городе и странном происшествии на прощальной вечеринке прошлым вечером.

Крошечный бар называется «Красный шелковый шарф». В нем есть небольшая сцена, стены украшены светящимися постерами с изображениями музыкантов, отбрасывающими блики на полукруг столиков. Здесь проходят вечера открытого микрофона. Аудитория состоит из нескольких молодых марсиан, на лицах которых застыло выражение скуки все повидавших людей. Но вор что-то шепчет на ухо хозяину и убеждает включить Миели в программу, пока она сидит у стойки и потягивает из маленького стаканчика какой-то странный коктейль.

Вор, не без помощи «Перхонен», убедил ее потратить немного времени на переодевание, и Миели выбрала темный брючный костюм, дополненный туфлями на платформе и зонтиком. Вор не удержался, заметив, что у нее такой вид, будто она собралась на похороны. Но, услышав, что это могут быть его похороны, он вздрогнул. Это ее рассмешило. Непривычная одежда, словно панцирь, позволяет ей чувствовать себя другим человеком, каким-то безрассудным авантюристом. Это всего лишь невинный обман: Миели знает, что при первых же признаках опасности метамозг мгновенно избавит от опьянения и ненужных эмоций. Но подобное притворство тем не менее доставляет ей удовольствие.

Как дела? шепчет она «Перхонен». *Тебе не мешало бы к нам присоединиться. Я собираюсь петь.*

На сцене девушка в огромных солнцезащитных очках что-то декламирует, сопровождая стихи абстрактными творениями из недолговечной материи. Миели видит, как вор недовольно морщится.

Извини, отвечает корабль. *Я занята решением проблем с многомерной криптографической структурой и привлекла к этому целую тысячу гоголов-математиков. Но я рада, что вам весело.*

Я скучаю по ней.

Я знаю. Мы ее вернем.

— Миели, ты следующая.

Миели вздрагивает.

Мне пора. Пора петь.

Она судорожно сглатывает.

— Не могу поверить, что ты меня на это уговорил, — произносит она.

— Ты это заслужила, — отвечает вор. — Знаешь, ты единственная, кому я здесь могу доверять. Так что не беспокойся, я тебя прикрою.

Миели кивает, ощущая комок в горле. Или это у него комок в горле? На слегка заплетающихся ногах она поднимается на сцену.

Песни льются из нее потоком. Песни льда. Песни долгого странствия Ильматар из горящего мира, песни радости полета и песни предков в потустороннем мире. Она поет песни, создающие корабли. Она поет песни, закрывающие двери кото от Человека Тьмы. Она поет о своем доме.

Когда она заканчивает, в баре все молчат. Потом, один за другим, все слушатели начинают аплодировать.

Позже они отправляются в обратный путь. Вор держит ее за руку, но это почему-то не раздражает ее.

В отеле, когда уже пора пожелать друг другу спокойной ночи, вор не отпускает ее руку. Биотическая связь передает его

возбуждение и напряжение. Миели дотрагивается до его щеки, притягивает его голову ближе.

А потом раздается смех, переливчатый, как и песни до этого, и при виде обиды на его лице она не может остановиться.

— Прости, — говорит Миели, согнувшись пополам и плача от смеха. — Я не могу удержаться.

— Прощаю, — отвечает вор, — хотя не понимаю, что в этом смешного. — В его глазах так ярко пылает уязвленная гордость, что Миели кажется, будто она вот-вот умрет от смеха. — Ладно. Я собираюсь напиться.

Он резко разворачивается и направляется к двери.

— Подожди, — произносит она, вытирая слезы. — Мне очень жаль. Это было мило. Просто мне… смешно. Спасибо за сегодняшний вечер.

Он слегка улыбается.

— Рад, что тебе понравилось. Видишь, иногда неплохо делать то, что хочется.

— Но не всегда, — добавляет она.

— Нет, — вздыхает вор. — Не всегда. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — говорит Миели, сдерживая смех и поворачиваясь, чтобы уйти.

Неожиданно ее гевулот вздрагивает, и появляется ощущение присутствия кого-то постороннего.

— О боже, — раздается чей-то голос. — Надеюсь, я вам не помешал.

На балконе, где обычно сидит вор, расположился человек с небольшой сигарой руке. Неожиданный едкий запах дыма — как дурное воспоминание. Мужчина молод, его черные волосы зачесаны назад. Его пиджак висит на спинке кресла, а рукава рубашки закатаны до локтей. Он улыбается, демонстрируя острые белые зубы.

— Я думаю, нам пора поговорить, — произносит он.

Глава четырнадцатая
Сыщик и архитектор

Исидор во второй раз осматривает тело Унру. Мертвый миллениэр выглядит не таким умиротворенным, как прошлой ночью: его бледное лицо искажено ужасной гримасой, на лбу и висках заметны красноватые точки. Пальцы скрючены.

В зале-усыпальнице очень холодно, и изо рта Исидора вырываются облачка пара. Из-за наглухо закрытого гевулота все вокруг кажется нереальным и ускользающим, а молчание трех Воскресителей, пришедших вместе с ним, нисколько не помогает. Фигуры в красных одеяниях, с лицами, скрытыми гевулотом и сумраком, стоят неестественно тихо, не двигаются и как будто даже не дышат.

— Как любезно с вашей стороны разрешить мне прийти сюда, — говорит Исидор, обращаясь к тому — ему или ей? — на чьей груди начертан золотой знак бесконечности. — Как я понимаю, это не совсем обычная просьба.

Ответа нет. Исидор почти уверен, что это тот же самый Воскреситель, с которым он недавно разговаривал в Доме Воскрешения, когда понял, что намеревается сделать вор. После толчка, потрясшего город, Воскресители привели его сюда и показали, что произошло, но до сих пор никто не произнес ни слова.

Логический вывод мог быть только один: украсть столь ничтожное количество времени понадобилось лишь для того, чтобы впоследствии вернуть его и совершить какое-то преступление в преисподней. *Бедняга Унру*. Концы с концами не сходятся, и от этого Исидору становится не по себе.

Он изучает место преступления при помощи своего увеличительного стекла. На полу остатки консервирующего геля двух различных видов, и степень их коагуляции тоже различна; одно вещество с тела Унру, другое — с чьего-то еще. Это подтверждает догадку Исидора о том, как вор проник сюда: он каким-то образом притворился мертвым, а потом изнутри впустил своего вооруженного сообщника. Исидор решает проверить все воспоминания агор в тех местах, где умирают нищие Временем.

Кроме того, он обнаружил следы незнакомых искусственных клеток — куда более сложных, чем любые синтбиотические вещества Ублиетта. Клетки находились под ногтями Унру, значит, не обошлось без борьбы. А отметины на его черепе

свидетельствуют о принудительной закачке.

— Нельзя ли хоть ненадолго его восстановить? — спрашивает Исидор у Воскресителей. — Мы могли бы воспользоваться его показаниями, чтобы точно узнать, что здесь произошло.

Молчание облаченных в красное стражей преисподней его не удивляет: они не желают нарушать законы восстановления ни при каких обстоятельствах, даже ради раскрытия преступления.

Исидор обходит помещение, продолжая размышлять. Один из Воскресителей занимается пострадавшим Спокойным, на которого напал сообщник вора. Исидор уже осмотрел пулю — крошечный осколок алмаза. Если внутри него что-то и было, все уже сплавилось в единую массу.

Больше всего его беспокоит отсутствие мотива. Происшествие во время приема, теперь еще и это — ничего общего с преступлениями гогол-пиратов, о которых он слышал или в расследовании которых участвовал. Судя по всему, вор не делал никаких попыток получить доступ к гевулоту Унру. Это даже не преступление. Некоторое количество Времени было украдено, потом возвращено, сняты две разные копии сознания Унру, что совершенно бессмысленно без ключей гевулота для их расшифровки. Но прежде всего, как же ему удалось похитить Время?

— Вы не возражаете, если я взгляну на это? — Исидор поднимает Часы Унру и осторожно отстегивает с руки цепочку. — Я бы хотел их осмотреть.

Воскреситель с символом бесконечности на груди медленно кивает, достает из кармана маленькие непримечательные Часы и прикасается к ним и к Часам Унру своим декантером. После этого он кладет новые Часы точно на то место, где были старые, и отдает Исидору черный гладкий хронометр Унру.

— Благодарю вас, — говорит Исидор.

Воскреситель сдвигает назад свой капюшон и слегка приоткрывает гевулот, показывая круглое приветливое лицо. Он нерешительно откашливается.

— Прошу прощения… Мы так много времени проводим с… нашими Спокойными братьями, что трудно…

— Все в порядке, — отвечает Исидор. — Вы были очень добры.

Человек достает что-то из кармана.

— Мой партнер… там, внизу… — Он показывает на пол. — Когда не был Спокойным… был поклонником… — Он кашляет. — И я подумал… может, вы… автограф?

Воскреситель протягивает газетный сюжет с недолговечным фильмом. Статья Адриана Ву.

Исидор вздыхает, берет газету и достает из кармана ручку.

Дневной свет заставляет его щуриться, но Исидор рад, что оставил позади темный фасад Дома Воскрешения. Ветер на Устойчивом проспекте по сравнению с прохладой преисподней кажется ему горячим, но человеческие голоса действуют освежающе.

Оптогенетический вирус на приеме вызвал у него ощущение растерянности и небольшую головную боль. Однако Спокойный-медик, осматривавший его и остальных гостей, не обнаружил никаких остаточных следов инфекции. Он сумел изолировать вирус, а когда Исидор вместе с Одеттой обыскивал территорию, они нашли порванный цветок, откуда, вероятно, и распространилась зараза. Цветок, надежно упакованный в сферу из интеллектуальной материи, так и остался в наплечной сумке Исидора.

Он не спал всю ночь, но мысли, беспрестанно кружащиеся в голове, не дают отдохнуть. Вспоминая о воре, Исидор чувствует легкий укол стыда. Они были так близко — лицом к лицу — и вор сумел похитить не только его самообладание, но и кольцо сцепленности. И вот еще одна загадка: как ему удалось скопировать его облик? Насколько Исидору известно, у вора не было возможности получить доступ к его гевулоту.

Мало того, никаких следов вора не осталось даже в экзопамяти парка, его единственное появление без маскировки гевулота было зафиксировано в тот момент, когда он разговаривал с Исидором. Абсолютно ясно, что этот человек способен изменять внешность по своему желанию. Исидор подозревает, что растерянность отчасти обусловлена страхом: возможно, ле Фламбер ему не по зубам.

Исидор останавливается под вишней и вдыхает запах ее цветков, стараясь собраться с мыслями. От обычных гоголпиратов его противника не отличает ничего, кроме особой репутации и некоторого своеобразия. Ле Фламбер где-нибудь обязательно ошибется, и Исидор твердо намерен его поймать.

Сжав зубы, он сворачивает с проспекта на боковую улочку и отправляется на поиски лавочки Часовщика.

— Интересно, — говорит Часовщик, разглядывая Часы Унру через массивный бронзовый окуляр. — Да, думаю, я смогу вам сказать, как это было сделано.

На линзах окуляра мелькают строки цифровой информации. Часовщик — худощавый мужчина средних лет с синими волосами, обвисшими усами и мочками ушей, вытянувшимися под тяжестью имплантатов и серег. На нем черная футболка с

отпоротыми рукавами. Мастерская представляет собой нечто среднее между лабораторией квантовой физики и рабочим местом часовых дел мастера. Здесь полно блестящих жужжащих голографических дисплеев и миниатюрных инструментов, аккуратно разложенных на деревянном столе. Из дальней комнаты доносятся ритмичные звуки, и Часовщик, работая, энергично кивает в такт громкой музыке. После того, как Исидор рассказывает ему историю Унру, он с радостью берется помочь, хотя молодому сыщику с трудом удается игнорировать похотливые взгляды, которые Часовщик время от времени бросает на него.

Перчатки Часовщика оканчиваются пинцетом — словно продолжающими его пальцы остриями, которые сужаются до молекулярного уровня. При помощи этого приспособления он вынимает что-то из Часов Унру и подносит предмет к свету. Это едва различимый на глаз паук телесного цвета. Часовщик помещает его в сферу из недолговечной материи и увеличивает: получается чудовищное насекомое размером с кулак. Исидор вынимает свое увеличительное стекло, вызывающее любопытный взгляд мастера.

— Этот малыш создан в соответствии с принципом ЭПР-парадокса, — заявляет Часовщик. — Паук добрался до ионных накопителей Времени, выкачал его часть и преобразовал в какой-то сигнал. А потом — пуф! — и Время улетело. Это один из самых старых трюков из учебника по квантовой механике, но я впервые вижу, чтобы им пользовались для того, чтобы украсть Время.

— А где мог находиться приемник? — спрашивает Исидор.

Часовщик разводит руками.

— Где угодно. Кват-сигналы не требуют большой мощности. Насколько я знаю, приемник мог быть даже в космосе. Да, кстати, этот жучок явно не местного происхождения. Могу поспорить на все свои деньги, что это изобретение Соборности. — Он сплевывает на пол. — Надеюсь, вы сумеете их поймать.

— Я тоже надеюсь, — говорит Исидор. — Спасибо.

Он обводит взглядом мастерскую. В разложенных под стеклом Часах ему чудится что-то знакомое, в голове щелкает…

Бронзовые Часы. Слово «Тиберменшль»…

Откуда же пришло воспоминание?

— Сынок, что с тобой? — спрашивает Часовщик.

— Все в порядке. Мне надо присесть.

Исидор опускается на предложенный хозяином мастерской стул. Сыщик закрывает глаза и обращается к экзопамяти вечеринки. Вот оно: странное ощущение встречи с двойником, возникшее после разговора с вором, как раз перед тем, как тот

украл Время Унру. Конечно: если вор воспользовался ключом к личности Исидора, чтобы его имитировать, у него имеется доступ к экзопамяти о том промежутке времени.

— Вы не могли бы приглушить музыку?

— Конечно, конечно. Стакан воды?

Исидор массирует виски и бережно просеивает память, отделяя свои воспоминания от тех, которых быть не должно. *Он смотрел на свои Часы. Вот его Часы.* Есть еще и другие мысли — архитектурные эскизы, красивая женщина со шрамом на лице, похожий на бабочку космический корабль со сверкающими крыльями. И еще эмоции: высокомерие и самоуверенность, бравада, вызывающая у Исидора гнев.

Я тебя обязательно поймаю.

Он открывает глаза, морщится от головной боли, берет протянутый стакан и залпом выпивает воду.

— Спасибо. — Он делает глубокий вдох. — Еще один вопрос, и после этого я не стану вам докучать. Вам когда-нибудь попадались такие Часы?

Исидор посылает Часовщику воспоминание о только что увиденных Часах.

Мастер ненадолго задумывается.

— Вряд ли я их видел. Но, думаю, старая Антония могла бы вам помочь, ее мастерская через две улицы. Скажите, что вас послал Джастин.

Он подмигивает Исидору.

— Еще раз спасибо, — благодарит Исидор. — Вы мне очень помогли.

— Не стоит. В наше время трудно встретить молодых людей, интересующихся Часами. — Мастер усмехается и кладет руку на бедро Исидора. — Хотя, если вы действительно желаете выразить свою признательность, мы могли бы…

Исидор поспешно покидает мастерскую. Вслед ему снова доносится дикая музыка и хохот.

— Да, я их помню, — говорит Антония.

Она совсем не старая, по крайней мере, если судить по внешнему виду: возможно, это ее третье или четвертое тело — изящная смуглая женщина с лицом индианки. В ярко освещенной лавке полный порядок, между Часами на витрине разложены ксанфийские ювелирные украшения. Антония сразу же отпечатывает из недолговечной материи копию воспоминания и теперь покачивает ее на ладони, постукивая по крышке ярко-красным ногтем.

— Это было несколько лет назад, — сообщает она. — Приблизительно около двадцати земных лет, судя по дизайну.

Заказчик хотел, чтобы в Часах имелось специальное пространство, в котором можно что-то спрятать, и открываться оно должно было нажатием определенных букв на крышке. Возможно, он хотел подарить их возлюбленной.

— А не помните ли вы, случайно, самого заказчика? — спрашивает Исидор.

Женщина качает головой.

— Этим ведает гевулот магазина, но мы редко храним подобные сведения. Люди предпочитают конфиденциальность во всем, что касается их Часов. — Антония задумчиво хмурится. — Хотя я уверена, что часов было несколько. Да, девять штук. Все очень похожи между собой, и все для одного заказчика. Если хотите, я могу передать вам схему.

— Это было бы чудесно, — отвечает Исидор.

Антония кивает, и через мгновение его мозг наполняется сложными механическими и квантовыми схемами, сопровождаемыми головной болью. Пока Исидор морщится, Антония с улыбкой разглядывает его.

— Надеюсь, Джастин вас не испугал, — говорит она. — Наша профессия обрекает на одиночество — долгие часы работы, редкая благодарность — и его иногда заносит, особенно с молодыми парнями вроде вас.

— У сыщиков почти то же самое, — отзывается Исидор.

Он решает пообедать в небольшом парящем в воздухе ресторанчике в Монгольфьевиле, а заодно привести мысли в порядок. Его узнают даже здесь — очевидно, «Вестник» потрудился отметить его участие в прощальном приеме Унру — но он так сильно занят Часами, что даже не пытается скрыться от любопытных взглядов под пеленой гевулота. Едва притронувшись к тыквенному пирогу, он сосредоточивается на схеме Часов.

Все они одинаковы, за исключением гравировок. *Bonitas. Magnitudo. Etemitas. Potestas. Sapientia. Voluntas. Virtus. Veritas. Gloria.* Благость. Величие. Вечность. Сила. Мудрость. Воля. Добродетель. Истина. Слава. Ни одно из этих качеств невозможно отнести к Жану ле Фламберу. Но подобные гравировки говорят о том, что ограбление Унру не было вызвано простым желанием поиграть с варварами из Ублиетта, как полагал миллениэр. Ле Фламбер явно имел какое-то отношение к Марсу, по крайней мере — двадцать лет назад.

За чашкой кофе Исидор рассеянно смотрит на город и запрашивает в экзопамяти информацию о выгравированных словах. Все вместе эти божественные достоинства встречались в средневековых текстах, в работах Раймонда Луллия,[47] жившего в XIII веке, а также были связаны с каббалистическим Древом

Жизни и утраченным искусством… памяти. Одним из последователей Луллия был Джордано Бруно, который усовершенствовал принцип дворцов памяти — хранения мысленных образов в физических объектах, как бы за пределами сознания. Что ж, эта связь, по крайней мере, кажется логичной. Экзопамять Ублиетта организована таким же образом: все мысли, знания и ощущения хранятся в ячейках многочисленных компьютерных устройств, расположенных вокруг города.

Общий ход мыслей кажется Исидору логичным, но он испытывает неуверенность, словно пытается разглядеть проявляющиеся за облаками образы. И тут в сознании всплывает фрагмент воспоминаний с архитектурными набросками.

Снова обратившись к экзопамяти, Исидор узнает, что двадцать лет назад Голос санкционировал серию новых построек. *Девять отображений в памяти,* выполненных архитектором по имени Поль Сернин.

Все дворцы памяти расположены в Лабиринте, относительно недалеко друг от друга, но информация о них в общественной экзопамяти устарела, и, чтобы их отыскать, Исидору приходится поработать ногами.

Первым на его пути попадается дворец, находящийся неподалеку от рыночной площади Лабиринта, между синагогой и общественным центром фабрикаторов. Это весьма экстравагантный небольшой дом, построенный из какого-то гладкого черного материала и состоящий из геометрических фигур, на первый взгляд беспорядочно нагроможденных друг на друга. И тем не менее Исидор улавливает некоторую закономерность. Поверхности образуют ячейки, напоминающие жилые помещения и переходы, но странным образом искаженные, как будто отраженные в кривом зеркале. На табличке, расположенной над тем местом, где предполагается вход, начертано *Etemitas.*

Со стороны кажется, будто постройка спроектирована алгоритмическим процессором, а не человеческим существом. Более того, очертания отдельных частей выглядят размытыми, словно поверхности продолжают фрактальное деление, недоступное человеческому глазу. В целом здание производит не слишком приятное впечатление. Кто-то из местных жителей, вероятно желая сделать мрачное сооружение менее зловещим, поставил внутрь горшки с цветами, и лианы, стремясь к свету, обвивают острые выступы.

Пока Исидор разглядывает постройку, местная экзопамять выдает короткое сообщение о том, что *Etemitas* является «экспериментом по трансформированию фрагментов экзопамяти

в архитектурные и жилые пространства». В конце концов, подобных проектов в Ублиетте великое множество, а несколько знакомых Исидору студентов разрабатывают и более странные идеи, но здесь явно имеется нечто более глубокое, нечто важное для вора или бывшее важным для него в прошлом.

Повинуясь внезапному порыву, Исидор достает увеличительное стекло. И невольно ахает. Едва он включает увеличение, поверхность здания становится невероятно сложной: обнаруживаются черные листья, шпили и пирамиды, целые архитектурные комплексы, поражающие своей точностью на молекулярном уровне. Кроме того, лупа не в состоянии определить, что это за материал. Вещество напоминает куматерию зоку, но гораздо плотнее; при сравнительно небольших размерах это сооружение должно быть невероятно тяжелым. При ближайшем рассмотрении оно кажется не столько предметом архитектуры, сколько немыслимо сложным механизмом, застывшим во времени.

И это только один из девяти дворцов? Исидор глубоко вздыхает. *Возможно, это действительно мне не по силам.*

В глубокой задумчивости, интуитивно двигаясь по Лабиринту, он направляется к следующему объекту Отображения, который находится всего в нескольких сотнях метров.

Как же все это связано с Унру? Время, дворцы памяти, божественные достоинства? Может, все это не имеет смысла, а ле Фламбер просто безумец? Но инстинкт подсказывает ему, что существует определенная логика, перед ним лишь верхушка огромного айсберга.

От неожиданного шума Исидор едва не подпрыгивает. На соседней крыше мелькает фигура на роликовых коньках. Строительство в этой части Лабиринта было приостановлено, поскольку движение городских платформ переместило участок в невыгодную позицию. Повсюду незавершенные здания и очень пустынно. Дома на узких улочках напоминают гнилые зубы. Любитель кататься на роликах уже исчез, превратившись в серое пятно гевулота. Исидор идет быстрее.

Через минуту он слышит за спиной шаги. Поначалу ему кажется, что его преследует один человек, но, остановившись и прислушавшись, он понимает, что ступают несколько пар ног, двигаясь синхронно, как в боевом строю. Исидор спешит свернуть с главной улицы в переулок и тут же замечает, что в результате смещения платформ противоположный конец переулка превратился в тупик. Он оборачивается и видит четырех Себастьянов.

Все они копии приятеля Элоди: молодые, привлекательные, в облегающей одежде, отдаленно напоминающей костюмы зоку. Сначала их лица остаются бесстрастными, но затем Себастьяны одновременно растягивают губы в жестокой усмешке.

— Эй, сыщик! — окликает его один из них.

— Теперь мы тебя узнали, — говорит второй.

— Тебе не надо было…

— … лезть не в свое дело, — заканчивает последний.

— Глупо соваться на нашу территорию.

— Глупо приближаться к местам, которые нам приказано охранять.

Словно натренированные солдаты, они одновременно делают шаг и достают небольшие ножи.

Исидор разворачивается и бежит что есть мочи, прикидывая, как бы перелезть через препятствие, перегородившее переулок.

Себастьян на роликах в прыжке сбивает его с ног. Исидор летит на тротуар, ударяется обоими локтями, потом носом. На мгновение все вокруг затягивает красная пелена. Зрение возвращается, но Исидор уже лежит на спине, а над ним маячат безупречно-фарфоровые физиономии. К горлу приставлено что-то холодное и острое. Руки прижаты к мостовой. Исидор в отчаянии открывает свой гевулот, чтобы срочно вызвать Спокойных-полицейских. Но связь неустойчива: гогол-пираты уже что-то предприняли, чтобы ее блокировать.

Загрузочные щупальца пляшут над его головой, словно ракеты фейерверка на вечеринке, ему даже кажется, будто они шипят. Что-то колет его в шею, и он видит, как один из Себастьянов поднимает небольшой шприц.

— Мы заберем твой разум, сыщик, — говорит он. — Мы так обрадовались, узнав, как ты выглядишь. Мы возблагодарили Федорова, как только увидели газету. Сейчас ты начнешь кричать, совсем как шоколатье в воспоминании моего брата. Молись, чтобы Основатели в своей мудрости использовали тебя для достижения Великой Всеобщей Цели. В качестве наводчика ракеты. Или, возможно, пищи для Дракона.

Щупальца резкими электрическими поцелуями присасываются к черепу Исидора.

— Отпустите его! — раздается резкий раскатистый голос.

На другом конце переулка, на границе поля зрения Исидора возникает черный силуэт Джентльмена.

— И не подумаю, — отвечает первый Себастьян. Из его рта пучком светящихся змей свисают щупальца. — Я добрался до его мозга. Даже твой дьявольский туман не быстрее света, сука.

Свет. Все Себастьяны смотрят на Джентльмена. Мысленным

приказом Исидор рассеивает ку-сферу вокруг цветка вора, лежащего в его сумке. *Надеюсь, это сработает достаточно быстро. Надеюсь, что на них тоже подействует.* Он приоткрывает свой гевулот Джентльмену, чтобы тот понял его идею: *фейерверк, свет.*

— Но ты можешь послушать, как он кричит…

Ослепительная вспышка, а потом долгое падение куда-то в темноту.

Наконец свет возвращается. Исидор покачивается на чем-то мягком. Лица Себастьянов все еще мелькают перед его глазами, но через мгновение он понимает, что это его собственное лицо, отражающееся в серебряной маске Джентльмена.

— Не пытайся говорить, — приказывает наставник. — Помощь уже близко.

Исидор парит в воздухе и чувствует себя удобнее, чем на собственной кровати.

— Попробую угадать, — произносит он. — Это вторая самая большая глупость, которую я совершил?

— Не совсем так.

— Ваше появление весьма своевременно, — продолжает Исидор. — Ваша помощь могла бы пригодиться нам прошлым вечером.

— Мы не можем быть одновременно повсюду. Как я понимаю, эта дурацкая прогулка связана со знаменитым незваным гостем?

Исидор кивает.

— Исидор, я хотел с тобой поговорить. Извиниться. Мое суждение при нашей последней встрече было… слишком резким. Я вижу в тебе все качества, необходимые, чтобы стать одним из нас. В этом у меня никогда не было сомнений. Но это не означает, что ты *должен* стать таким. Ты молод. И свою жизнь ты можешь использовать для другого. Ты можешь учиться. Творить. Жить.

— Почему мы говорим об этом сейчас? — спрашивает Исидор.

Он закрывает глаза. В голове сильный шум: второй удар оптогенетического оружия меньше чем за сутки. Голос наставника становится глуше.

— Именно поэтому, — произносит наставник. — Потому что ты продолжаешь подставлять себя под удары. И еще потому, что есть более опасные вещи, чем василевы. Оставь вора нам. Иди домой. Разберись в отношениях со своей подружкой-зоку. В жизни много более интересного, чем погоня за призраками и гоголь-пиратами.

— А почему… я должен вас слушаться?

Наставник не отвечает. Но Исидор чувствует легкое

прикосновение к своей щеке и неожиданный поцелуй на лбу, сопровождаемый странным ощущением отсутствия маски. Прикосновение настолько нежное, что на этот раз Исидор готов признать правоту Адриана Ву. И еще этот аромат — едва уловимый запах хвои…

— Я не прошу меня слушаться, — отвечает наставник. — Просто будь осторожен.

Поцелуй еще горит на его лбу, когда Исидор открывает глаза. Вокруг внезапно возникает суета: прибыли Воскресители и Спокойные-медики в красно-белой одежде. Но наставника уже нет. Перед глазами снова что-то сверкает, и Исидор опускает веки. *Опять фейерверк.* И перед самым погружением в темноту возникает вопрос.

Откуда наставнику известно о фейерверке?

Глава пятнадцатая
Вор и богиня

Миели и я изумленно разглядываем незнакомца. Он встает и надевает пиджак.

— Кто-нибудь хочет выпить? — Он подходит к фабрикатору и наполняет свой стакан. — Прошу прощения, но я немного похозяйничал, пока вас дожидался. Я понимаю, вам есть что отметить, так что ничего удивительного. — Он делает глоток. — Вы провернули неплохое дельце, было интересно наблюдать.

Давай, мысленно обращаюсь я к Миели. *Ты справишься с этим парнем. Надо заставить его говорить.*

Она отвечает мне странным взглядом.

Незнакомец кивает Миели.

— Да, кстати, благодарю за приглашение. Мои коллеги и я сам одобряем откровенность. — Он роняет сигару в стакан, и она с шипением гаснет. — Но где же мои манеры? Прошу вас. — Он указывает на диван. — Присаживайтесь.

Я хватаю Миели за плечо. *Приглашение?* Резким движением он стряхивает мою руку. *Позже.* От оортианской певицы из «Красного шелкового шарфа» ничего не осталось, и ее лицо снова выражает суровую решимость. Я понимаю, что сейчас не время для споров, и сажусь рядом. Незнакомец облокачивается на стол и слегка приподнимает брови.

— Между прочим, Жан, я удивлен. В прежние времена ты был более прямолинейным. Ты не стал бы ждать, пока кто-то добровольно уйдет из жизни, тебя не смущали трупы. Наверное, становишься мягкосердечным.

— Я артист, — отвечаю я. — А трупы несовместимы с настоящим искусством. И я уверен, что то же самое говорил вам и в прошлом, мистер…?

— Прошу прощения, — отзывается он. — Я явился не в своем теле. Этот молодой человек сегодня утром вернулся из Спокойных, и я позаимствовал его облик для нашей встречи во избежание… искушения причинить мне вред. — Он вынимает вторую сигару, облизывает ее кончик и нюхает. — Кроме того, некоторое разнообразие время от времени не помешает. Зови меня Робертом. Мы уже встречались, хотя я понимаю, что ты можешь этого и не помнить. С тех пор мы оба достигли значительных успехов в своей карьере. Я стал… одной из просвещенных личностей, которых ваши друзья-наставники называют криптархами, а ты, по всей видимости, стал пленником.

Криптарх Роберт поджигает сигару, дует на нее, и на кончике остается тлеть красный огонек.

— Наводит на размышления о карме, не так ли? Я думаю, это понятие будет включено в систему восстановления следующего поколения.

— Что вам нужно? — спрашиваю я.

Он приподнимает брови.

— Сейчас объясню. У твоей напарницы имеется очень интересное предложение. Леди, не могли бы вы его повторить?

Миели поворачивается ко мне. Легкий макияж при резком освещении выглядит довольно странно: она похожа на мертвеца.

— Вы перестаете вмешиваться в нашу работу, — говорит Миели, — а мы выдаем вам наставников.

— Заманчиво, не так ли? — произносит Роберт.

В моей груди закипает злость. Алкоголь не помогает. Я делаю глубокий вдох и зажимаю ее в мысленный кулак, приберегая на потом. И улыбаюсь криптарху.

— Знаешь, Жан, мы наблюдали за тобой с тех самых пор, как ты здесь появился. Для профессионала ты был слишком заметен. Мы еще помним прежние времена. Ты не завел здесь друзей. Как жаль, приходится возвращаться в прошлое. Но верность никогда не была в числе твоих достоинств. Вспомни хотя бы, что случилось с той девушкой, Раймондой.

Я удерживаюсь, чтобы не клюнуть на эту приманку.

— Так зачем же было так долго ходить вокруг да около? Гогол-пираты, письмо Унру…

В его глазах что-то мелькает, он поспешно пытается скрыть свои чувства под гевулотом, но тщетно. Он не знает о письме. Роберт пренебрежительно взмахивает сигарой.

— Всего лишь мелкие трюки, чтобы придать игре некоторую остроту. Мы стары и легко впадаем в скуку. Но пора перейти к делу. Я отказываюсь от вашего предложения.

Миели хмурится.

— Почему?

Вместо Роберта отвечаю я.

— Потому что уже известно, кто такие наставники. Один из них работает на вас, а может, и не один. Все они были Спокойными. И они полезны. Следят за чистотой улиц.

— Они вспыльчивы и малоэффективны, а порой вызывают раздражение, но да, они помогают справляться с небольшими проблемами. Однако дело не в этом. Жан, мне всегда нравилась твоя склонность видеть вокруг себя чудовищ. Мы *согласны* с наставниками. Мы хотим, чтобы это место оставалось свободным, безопасным и особенным, словом, подходящим, чтобы жить, не

страдая от тяжести прошлых грехов. — Он качает головой. — Проблема не в самих наставниках, а в тех, кто за ними стоит. И мы хотим подбросить им кое-какую дезинформацию.

— Колония зоку, — говорю я.

— Мне приятно, что ты проявил интерес к нашей внутренней политике. — Он достает из кармана небольшой яйцевидный предмет, похожий на камень зоку. — Здесь разделенное воспоминание, приготовленное для ваших друзей-наставников, — нечто, что вы вполне могли обнаружить во время своих забав с мистером Унру, но более полезное для наших целей.

— Это все? — спрашивает Миели.

— Конечно, нет. — Криптарх снова ухмыляется, демонстрируя зубы в пятнах табачного сока. Гримаса старика на лице юноши. — Этого, безусловно, недостаточно. Жан, мы хотим получить *свою долю.*

— Что?

— Мы позволили тебе прожить здесь столько лет в прошлом. Ты намеревался вернуться и поделиться с нами всеми своими сокровищами из чужих миров. Помнишь? Конечно, нет. — Роберт качает головой. — Тебе не надо было возвращаться. У нас было много времени, чтобы обдумать старые недобрые деньки.

Он поднимается с кресла.

— Вот наше предложение. Первое: вы передаете это наставникам, и так, чтобы они не усомнились в достоверности данных. Второе: любые крупицы информации, которые вы сможете выудить из мозга того несчастного парня, вы пересылаете нам, а затем уничтожаете — о способах мы поговорим позже. И третье: как только вы найдете то, что ищете, мы получаем свою долю. Сполна. Ну, Жан, не скупись. Я уверен, твоих легендарных сокровищ хватит на всех нас.

— Знаете, что я думаю? — говорю я. — Я думаю, что вы *блефуете.* Я не уверен, что вы так могущественны, как утверждаете. Мне кажется, наши находки вас *напугали.* И не зря. Наш ответ…

Миели замораживает мое тело. Меня словно бьют по затылку ледяным молотом.

— Да, — произносит она.

Мне хочется вскинуть руки, кричать и прыгать, но я не в силах стряхнуть мысленный захват Миели. Я могу только беспомощно смотреть, как криптарх отвешивает ей поклон.

— Мой наниматель видит в вас ценных союзников, — сообщает она. — Мы поделимся с вами своими… находками в подтверждение наших добрых намерений. И она рассмотрит вопрос о помощи в ваших делах с зоку.

— Великолепно, — отзывается Роберт. — Я рад, что мы поняли друг друга. С вами приятно иметь дело. — Он наклоняется и бесцеремонно треплет меня по щеке. — Похоже, ты оказался под каблуком у своей дамы, Жан. Впрочем, у тебя с женщинами всегда были такие отношения.

Миели провожает его к выходу, а я сижу, словно статуя, и от ярости бью себя по голове воображаемыми кулаками.

— Не могу поверить, что ты на это согласилась! — кричу я. — Неужели ты хочешь *работать* с ними? Что случилось с твоими клятвами? Твоей честью кото? Наставники *свои ребята.*

— В его словах есть смысл, — говорит Миели. — И судить — не наше дело.

— Черта с два не наше! — Я мечусь по комнате, потом прижимаюсь лбом к стеклу, чтобы немного остыть. — И ты кое о чем забыла. Они знают *меня.* Это делает их плохими парнями *по определению.* Им нельзя доверять.

— Дело не в доверии, — отвечает Миели. — Прежде чем что-либо предпринимать, мы дождемся, пока твоя память не восстановится окончательно.

— А вдруг что-нибудь не получится? Если наставники не клюнут на эту приманку? Вдруг Раймонда… — Я прикусываю язык. — Это ужасная ошибка.

— Все равно решать не тебе, — заключает Миели. — У нас есть работа, которую необходимо закончить, и мне судить, как это лучше сделать.

— Знаешь, — говорю я, — совсем недавно мне на мгновение показалось, что в тебе есть капля *человечности.* — Я пытаюсь остановиться, но слова вылетают, словно пули из автоматической винтовки. — Соборность завладела тобой окончательно. Они превратили тебя в робота. И твое пение — просто запись в музыкальном автомате. Копия. Гогол. — Мои руки сжимаются в кулаки. — Я целую вечность провел в Тюрьме. Но она меня так и не сломила. Что же сделали с тобой ублюдки, которым ты служишь?

Я хватаю оставленный криптархом стакан, в котором плавает окурок сигары.

— Вот. Вот на что это похоже. — Я отпиваю глоток и сплевываю жидкость на пол. — Вкус пепла.

Выражение лица Миели не меняется. Она поворачивается к выходу.

— У меня еще есть дела, — говорит она. — Надо изучить полученную из сознания Унру информацию. Если возникнут проблемы, нам нужна страховка.

— Проблема уже есть, — возражаю я. — Мой стакан опустел.

Я намерен напиться.

— На здоровье, — холодно бросает Миели. — Если попытаешься связаться со своей подружкой-наставником, я об этом узнаю. И для тебя это добром не кончится.

Сука. На меня со всех сторон что-то давит. Я в ловушке. Я в сотый раз проклинаю свое прежнее «я» за всю эту путаницу. Сокровища можно было просто зарыть в земле. Ублюдок.

Идиот, слышится голос в моей голове. *Выход всегда найдется. Ты не в тюрьме, если сам так не считаешь.*

— Подожди, — окликаю я Миели.

Ее взгляд, как и в мой первый день на борту «Перхонен», исполнен презрения.

— Позволь мне с ним поговорить. С ней.

— Что?

— Позволь мне поговорить с твоим нанимателем. Я знаю, вы поддерживаете связь. Я хочу ясности. Если уж мы собираемся поступать так, как ты настаиваешь, я хочу услышать приказ от шарманщика, а не от обезьянки.

Ее глаза сверкают яростью.

— Ты осмеливаешься…

— Ну давай. Заткни мне рот. Зашвырни в ад. Мне все равно. Я там уже был. Я только хочу высказаться. А потом стану примерным мальчиком. — Я проглатываю остатки вонючей жидкости, пахнущей пеплом. — Обещаю.

Некоторое время мы молча смотрим друг на друга. Не отводя своих бледно-зеленых глаз, она притрагивается к шраму.

— Отлично. Ты сам об этом попросил.

Миели садится на диван и закрывает глаза. Затем поднимает веки, но это уже не она.

На ее лице словно появилась маска. Миели выглядит старше и сдержаннее, но это не боевая сосредоточенность воина, а спокойствие человека, привыкшего к общему вниманию и контролирующего свои чувства. А в ее улыбке сквозит что-то змеиное.

— Жан, Жан, Жан, — произносит она мелодичным и мучительно знакомым голосом. — Что же мне с тобой делать, мой маленький принц-цветок?

Затем она поднимается, обнимает меня за шею и целует.

Миели стала пленницей в собственном теле. Она хочет закрыть глаза, но не может; хочет отстраниться от вора, но не может. Его дыхание обдает ее запахом провонявшего пеплом алкоголя. Она понимает, что будет дальше, и не видит в этом ничего забавного.

Помоги мне, беззвучно просит она «Перхонен». *Забери меня отсюда.*

Бедняжка. Сейчас.

Внезапно ее окутывает прохладная успокаивающая темнота. Какой бы ни была программа, подчинившая себе ее сознание, корабль, по крайней мере, имеет к ней доступ.

Что она делает?

Неисповедимые пути и все такое, отвечает корабль. *Ты в порядке?*

Нет. Миели, лишенной тела и голоса, отчаянно хочется плакать. *Он был прав, а я ошибалась. Но ведь у нас не было выбора, правда?*

Нет, не было. Мы делаем то, что говорит богиня, и никакой другой путь пока невозможен. Мне очень жаль.

И я нарушила обет. Я должна вымолить прощение у Ильматар.

Мне кажется, она все понимает, она же богиня. Я уверена, с ней тебе легче уладить дело, чем с той, другой. Не тревожься, они с вором стоят друг друга.

Голос корабля успокаивает.

Правильно, соглашается Миели. *Кроме того, у нас ведь есть работа, не так ли?*

Конечно.

Через мгновение темнота вокруг Миели уже не кажется пустой. Она попадает в огромную сложнейшую базу данных, и перед ней две гигантские древовидные структуры со множеством линий и узлов, представляющие две версии зашифрованного разума Кристиана Унру.

Целовать Миели — все равно что наконец целовать давнюю подругу, к которой всегда испытывал влечение. Вот только поцелуй оказался совсем не таким, как я себе представлял: в нем ощущается сила и жестокость, от которой перехватывает дыхание. Мне приходится отстраниться, чтобы глотнуть воздуха.

— Кто ты? — спрашиваю я, еле переведя дух.

Она падает спиной на подушки и смеется, словно маленькая девочка. Потом вытягивает руки вдоль тела и скрещивает ноги.

— Твой благодетель. Освободитель. Твоя богиня. Твоя мать. — При виде ужаса в моих глазах она смеется еще громче. — Я *шучу,* мой дорогой. Хотя ты можешь называть меня своей *духовной* матерью. Давным-давно я многому тебя научила. — Она хлопает по подушкам рядом с собой. — Садись сюда.

Я подчиняюсь, хотя и с некоторой опаской.

Ее пальцы скользят по моей щеке к расстегнутому вороту

рубашки, и по телу пробегают холодные волны.

— Кстати, надо проверить, все ли ты помнишь.

Она целует меня в шею, сильно прикусывая кожу. Я напрягаюсь.

— Расслабься. Тебе ведь нравится это тело, я знаю. И я позаботилась о том, чтобы твое тело было… восприимчивым.

Последние слова она произносит шепотом, и горячее дыхание обжигает меня.

— Когда так долго живешь, начинаешь отлично разбираться во многих вещах. Особенно в тех, которыми нечасто приходится наслаждаться. После того, как все это закончится, я покажу тебе, как надо жить. Здесь все так неуклюже, в *губерниях* мы можем делать это намного лучше. Но ведь это все равно чудесно, не так ли?

Она сильно кусает меня за мочку уха и вздрагивает.

— Ах, эта дурацкая биотическая связь. Бедняжка Миели так подозрительна. Я отключу этот канал. Ты ведь никуда не собираешься, верно?

— Нет, — задыхаясь, отвечаю я. — Но нам надо поговорить.

— Поговорить можно и потом. Ты согласен со мной?

Господи, помоги. Я согласен.

Имей в виду, я ничего в этом не понимаю, говорит «Перхонен». *Зато понимают гоголы-математики. Это один из корневых узлов его гевулота.*

Для Миели эти информационные структуры все равно что непостижимые видения, являющиеся в потустороннем мире. Перед ней пересечение бесчисленных линий, соединяющихся в сферу, заполненную символами и трехмерными изображениями долей мозга. *Изменения произошли здесь, здесь и здесь.* Отдельные фрагменты меняют цвет. Миели прикасается к сфере, чтобы впитать информацию, и на мгновение задумывается.

Это его процедурная память, говорит она. *И в определенной ситуации она заставит его действовать определенным образом. К примеру, поддерживать Голос.*

Верно. Есть еще изменения, вот здесь и здесь, но больше ничего важного. А самое интересное заключается в том, что мы можем проследить, откуда взялись эти изменения.

Корабль выделяет одну из линий. К ней в качестве пояснения прикреплена сложная математическая формула. *Действие гевулота заключается в генерировании структуры пар из общедоступного и персонального ключей: новая пара появляется всякий раз, когда у пользователя возникает новое воспоминание, опыт или знание, подпадающее под контроль гевулота. Кроме*

того, они кодируются с вышестоящей парой, согласно иерархии. Смысл заключается в том, что доступ к корневой системе имеется только у пользователя.

Однако…

Однако в данном случае выходит, что корневой каталог сгенерирован исходя из посторонней пары. Первичный ключ, если хочешь. Тот, кто им владеет, имеет доступ не только к просмотру экзопамяти Ублиетта, но и к ее редактированию. Для людей, проходящих через состояние Спокойных, это означает полное изменение разума. Вот так и появилась новая версия сознания Унру. Вероятно, у криптархов имеется автоматизированная система модификации всех, кто переходит в разряд Спокойных.

Мать Ильматар, шепчет Миели. *Значит…*

При желании они имеют возможность просматривать и изменять воспоминания каждого, кто хоть раз был Спокойным. Одному человеку, безусловно, не по силам отслеживать такой поток информации, поэтому я предполагаю наличие какой-то схемы. А если учесть, что изменения в разуме Унру не слишком обширные, ресурсы криптархов, вероятно, ограничены.

И в итоге получается, что Ублиетт вовсе не место забвения. Не рай для любителей уединения. Это тюрьма, в центре которой стоит надзиратель.

Наши забавы продолжались немало времени. Сначала это просто жаркое слияние плоти, соприкасание губ, непрерывные объятия и покусывания. Она намного сильнее меня и не боится это показать. Она пускает в ход усовершенствования в теле Миели, дразнит меня горячими наконечниками из ку-точек на пальцах и по-кошачьи усмехается.

Но к третьему разу мы обнаруживаем необычайную чувствительность ее крыльев, и тогда становится еще интереснее.

И что же мы можем с этим сделать?

Ну, относительно доступа к корневому каталогу мы ничего не в силах предпринять. Однако гоголы утверждают, что мы можем установить другой шифр поверх всей программы. При наличии пиратских инструментов можно создать фиктивных жителей Ублиетта. Их ключи не имеют отношения к интерфейсу генератора Ублиетта.

И?

Это позволит сформировать разделенные воспоминания, к которым криптархи никогда не смогут получить доступ. Любой человек, обладающий этими фрагментами, окажется

невосприимчивым к манипуляциям криптархов, независимо от того, был он Спокойным или не был. Это вроде вируса — можно охватить любое число людей. Кроме того, создано еще одно средство, которое стирает из памяти уже произведенные изменения. Вор даже предлагал распространять эти фрагменты через газету…

Постой. Вор предлагал?

Да, мы уже обсудили с ним этот вопрос. Пока ты пела. По правде говоря, гоголам-математикам потребовалось не так уж много времени, чтобы во всем разобраться.

Он уже обо всем знает? И получил эти фрагменты воспоминаний?

Да. Корабль ненадолго умолкает. *Он меня провел?*

Миели клянется себе, что даром ему это не пройдет.

Да, он тебя разыграл. И я думаю, что собирается разыграть еще кое-кого.

Мы останавливаемся, чтобы передохнуть, перед самым рассветом. Каким-то образом к тому времени мы уже переместились в мою спальню. Я лежу на подушках и из-под полуопущенных век смотрю, как она растянулась на другом краю кровати — совершенно нагая, если не считать временных Часов, крылья еще развернуты, и на них падают первые утренние лучи.

— Я *хорошо* тебя учила? — спрашивает она.

— Очень хорошо. А мы… мы были одни?

— Ты боишься оскорбить чувства малышки Миели? Как хорошо, что ты к ней привязался. Должна признаться, я тоже испытываю к ней теплые чувства. Как к любимой вещице или к амулету. — Она потягивается. Даже шрам на ее лице выглядит иначе, более зловеще. — Но не беспокойся, она занята с кораблем. Мы совсем одни. Ты полностью в моем распоряжении. Надо было сделать это раньше, но, понимаешь, меня так много.

— Трудно поверить, что я тебя не помню, — говорю я. — Вот только во время побега из Тюрьмы что-то промелькнуло. Другая тюрьма, на Земле. Я читал книгу…

— Это была наша первая встреча, — поясняет она. — Тогда ты был просто уличным бандитом в большом городе, еще не отряхнувшим с ног песок пустыни. Таким грубым и таким отважным. А посмотри на себя сейчас. Настоящий бриллиант. Или скоро им станешь. А потом… — Она улыбается. — Потом ты сможешь отблагодарить меня надлежащим образом.

— Ты ведь слышала, что я говорил Миели, верно? — спрашиваю я. — Я не одобряю ваших игр с криптархами.

Она машет рукой.

— Чепуха. Жан, ты абсолютно *ничего* не знаешь о том, что тут происходит на самом деле. Они неплохо потрудились. Ублиетт *функционирует.* Все здесь счастливы. Даже *ты,* когда жил здесь в прошлый раз, тоже был счастлив. — Она смотрит на меня с какой-то неприязнью. — Я думаю, твой идеализм обусловлен не столько политикой, сколько желанием произвести впечатление на эту веснушчатую сучку.

— Тюрьма — это тюрьма, даже если ты об этом не догадываешься, — отвечаю я. — А у меня проблемы с тюрьмами.

— Бедняжка. Я все понимаю.

— А знаешь, в чем еще моя проблема? Я не держу обещаний. — Я невольно сглатываю. — Я знаю, что многим тебе обязан. И верну долг, несмотря ни на что. Но я не отступлю от своего слова даже ради тебя.

— И как же ты собираешься сдержать свое обещание, мой маленький принц-цветок?

— Для начала я обещал быть хорошим мальчиком. И поэтому намерен дать себя арестовать.

— Что?

— Помнишь ку-паука, которого я выращивал? Устройство для похищения времени? Так вот, я создал два таких прибора. — Я смотрю на свои Часы. — Эта уловка не сработала с Миели: должен заметить, она знает меня лучше, чем ты. А ты оказалась более восприимчивой к некоторым… отвлекающим моментам. Ты должна была видеть, как я пытался ее очаровать прошлой ночью, хотя и безрезультатно. В отличие от тебя. Твое Время подходит к концу.

Мои глаза даже не улавливают ее стремительного движения. Ее колено больно давит мне на живот. Руки смыкаются на горле. Лицо застыло в неподвижной маске ярости. Я едва дышу. Но вижу, что стрелка ее Часов приближается к нулю…

— Я тебя!.. — вопит она.

Ее Часы негромко звякают. И она превращается в неподвижную черную статую. Что бы ни говорили о технологиях Ублиетта, временный гевулот, предоставляемый посетителям, работает отлично, ничуть не хуже боевого утилитарного тумана. Человек не переходит в состояние Спокойного, но оказывается отрезанным от окружающего мира, все его жизненные процессы замирают. Хватка на моей шее ослабевает, и она падает на кровать крылатой статуей из черного мрамора.

Я принимаю душ и одеваюсь, не переставая тихонько насвистывать. В вестибюле отеля я приветствую чиновника иммиграционной службы, сопровождаемого парой огромных Спокойных: мне нравится, когда гражданские власти так

эффективно выполняют свои обязанности.

Ожидается прекрасный солнечный день. Я надеваю очки с синими линзами и отправляюсь на поиски Раймонды.

Глава шестнадцатая
Вор и память

Я посылаю Раймонде разделенное воспоминание с приглашением встретиться на нашем месте в Монгольфьевиле. Ответ приходит быстро: она придет. Через Лабиринт я иду под прикрытием гевулота и надеюсь, что новое воспоминание, созданное «Перхонен» для противодействия криптархам, будет работать, как и задумано.

Раймонда уже сидит на скамейке со стаканчиком кофе в руке и смотрит на воздушные шары. Увидев, что я один, она удивленно поднимает брови.

— А где твоя оортианская дуэнья? Если ты собираешься устроить романтическое свидание…

— Тише.

Я запускаю ей вирус-воспоминание. Она принимает его и морщит носик. Болезненное выражение на ее лице сменяется изумлением. *Отлично. Работает.* Единственным побочным эффектом, который я замечаю, является стойкий неприятный запах.

— Что за дьявольщина? — Раймонда моргает. — У меня сразу разболелась голова.

С помощью слов и разделенных воспоминаний я посвящаю ее в детали исследования мозга Унру, рассказываю о визите криптарха и о наших с Миели разногласиях, хотя и опускаю некоторые интимные подробности.

— Ты это сделал? — удивляется она. — Никогда бы не поверила…

— Ты можешь поступить с этим вирусом как тебе угодно, — говорю я. — Устроить революцию. Предоставить другим наставникам в качестве оружия. Мне все равно. У меня не так много времени. Как только Миели очнется, она вырубит меня. Если у тебя есть возможность надавить на иммиграционные службы, попроси, пожалуйста, замедлить этот процесс. Сначала мне необходимо разыскать свои тайны.

Она опускает глаза.

— Я не знаю, где они спрятаны.

— О!

— Я блефовала. Я была очень сердита. Я хотела продемонстрировать тебе… кем я стала. Хотела доказать, что сильно продвинулась. И хотела получить средство воздействия на тебя.

— Понятно.

— Жан, ты настоящий ублюдок. Ты всегда был ублюдком. Но на этот раз ты сделал нечто хорошее. Я не знаю, что еще сказать.

— Ты можешь позволить мне вспомнить, каким я был ублюдком, — предлагаю я. — Вспомнить все.

Она берет меня за руку.

— Согласна, — отвечает Раймонда.

Это ее воспоминания, а не мои. Но как только она открывает свой гевулот, в моей голове что-то *щелкает.* У меня такое чувство, будто ее воспоминания питают цветок, и он растет и раскрывается, лепесток за лепестком, часть меня объединяется с частью ее, и образуется нечто большее. Разделенный секрет, скрытый от архонтов.

Марс, двадцать лет назад. Я очень устал. На меня давит тяжесть многолетних превращений в различных людей, гоголов, зоку и членов копи-кланов; жизни в одном теле, во многих телах, в частицах мыслящей пыли; похищений драгоценностей и мыслей, квантовых состояний и миров, принадлежащих алмазным разумам. Я похож на собственную тень, худой, бледный и постоянно напряженный.

В предоставленном мне Ублиеттом теле все становится намного проще, и сердце бьется в унисон с тиканьем Часов, вызывая приятное ощущение определенности. Я иду по Устойчивому проспекту и прислушиваюсь к человеческим голосам. Все кажется мне новым.

Сидящая на скамейке девушка любуется бликами лучей, пробивающихся между воздушными шарами. Она молода, и на лице еще сохранилось удивленное выражение. Можно подумать, что в ней отражаются мои чувства. Я улыбаюсь, и она почему-то улыбается мне в ответ.

Даже в обществе Раймонды очень трудно забыть о своей сущности. Ее подруга Джилбертина бросает на своего возлюбленного такие взгляды, что мне хочется их украсть. Раймонда узнает об этом. Она покидает меня и возвращается в свой медленногород.

Я бросаюсь за ней в Нанеди-сити, где белые домики растянулись по склону долины, словно белозубая улыбка. Я прошу прощения. Умоляю. Она меня не слушает.

И тогда я рассказываю о своих секретах. Не всё, но достаточно, чтобы она ощутила их тяжесть. Я говорю, что они мне больше не нужны.

И Раймонда прощает.

Но это еще не все. Искушение всегда рядом, только принимает разные формы, чтобы труднее было устоять.

Мой друг Исаак рассказывает мне о дворцах памяти и девяти божественных достоинствах.

Я строю собственный дворец памяти. Это не просто мысленное пространство для хранения запоминаемых образов. Мои тайны гораздо тяжелее. Сотни лет жизни. Артефакты, похищенные у Соборности и зоку, мысли и обманы, тела и профессиональное мастерство.

Я возвожу его из зданий, человеческих существ и сцепленных кубитов, из самой ткани Города. Более того, из своих друзей. Они так доверчивы, так открыты, с такой готовностью все принимают. Они ни о чем не подозревают, даже когда я дарю им сделанные на заказ Часы, мои Девять Достоинств. Я наполняю их экзопамять принадлежащими мне воспоминаниями. В девяти зданиях я закладываю украденные у Соборности пико-сборщики, чтобы в случае необходимости можно было все восстановить.

Я запираю свой дворец памяти в полной уверенности, что никогда больше в него не вернусь. Я запираю его дважды: один раз ключом и второй раз — ценой.

Я отдаю ключ Раймонде. И некоторое время снова чувствую себя свободным и молодым. Я начинаю новую жизнь вместе с Раймондой. Я проектирую здания. Я выращиваю цветы. Я счастлив. Мы оба счастливы. Мы строим планы.

Пока не появляется Ларец.

Я сажусь. Трогаю свое лицо. Оно кажется мне плохо подогнанной маской — под ней другая личность, другая жизнь, и хочется царапать его ногтями, пока не сойдут все фальшивые слои.

Раймонда тоже выглядит иначе. Не просто девушка с веснушками на лице и нотными листами в руках и не Джентльмен. Ее окружает ореол воспоминаний, призраки бесчисленных эпизодов. И сознание того, что она больше не моя.

— Что произошло? — спрашиваю я. — С тобой, с ними?

— Что происходит со всеми людьми? Они живут. Двигаются вперед. Становятся Спокойными, потом возвращаются. И потихоньку становятся кем-то другим.

— Я не помню никого из них. Исаак. Батильда. Джилбертина. Марсель. И остальные. Я не помню тебя. Я заставил себя все забыть. Чтобы в случае ареста никто не смог вас отыскать.

— Мне хочется думать, что ты поступил так именно поэтому, — говорит Раймонда. — Но я слишком хорошо тебя знаю. Не пытайся себя обмануть. Ты сбежал. Ты нашел то, что стало для тебя важнее, чем мы. — Она грустно улыбается. — Неужели с нами ты чувствовал себя в ловушке и потому предпочел от нас избавиться?

— Я не знаю. Правда не знаю.

Раймонда придвигается ко мне.

— Несмотря ни на что, я тебе верю. — Она смотрит на воздушные шары, удерживающие в воздухе домики. — После того, как ты исчез, это было особенно трудно. На какое-то время я нашла тебе замену. Это не помогло. Потом раньше срока стала Спокойной. Это помогло, но лишь отчасти. А когда я вернулась, я все еще злилась на тебя. Безмолвие показал мне, что злость может быть направлена на что-то полезное.

Она подносит пальцы к губам и прикрывает глаза.

— Мне все равно, что хочет с твоей помощью украсть эта оортианка, — заявляет она. — Самое худшее ты уже сделал. Ты похитил то, что могло быть. Похитил у меня и у себя. И никогда не сможешь этого вернуть.

— Ты не говорила мне, что произошло… — начинаю я.

— Нет, — перебивает она. — Не надо.

Некоторое время мы оба молчим и разглядываем домики под воздушными шарами. В голову приходит безумная мысль обрезать канаты и отпустить их в свободное плавание по бледному марсианскому небу. *Но в небе жить невозможно.*

— Твой ключ у меня, — говорит Раймонда. — Ты все еще хочешь его получить?

Я смеюсь.

— Не могу поверить, что когда-то держал его в руках. — Я закрываю глаза. — Не знаю. Он мне нужен. Я должен вернуть долг.

В глубине души я хочу его больше всего на свете. Но цена? *Жизни полузабытых незнакомцев. Какое мне до них дело?*

— Когда ты мне его дал, ты попросил, чтобы я направила тебя к Исааку.

— Спасибо. — Я встаю со скамейки. — Я так и сделаю.

— Хорошо. Я намерена поговорить с Безмолвием и остальными наставниками. Дай мне знать, когда решишь, как поступить. Если ты все-таки захочешь получить ключ, тебе стоит только сказать об этом.

— Когда все закончится, тебе, возможно, придется переписать оперу, — говорю я.

Она целует меня в щеку.

— Скоро увидимся.

Исаак живет в маленькой квартирке одной из башен Лабиринта. Я посылаю анонимное сообщение о приходе гостя и в ответ узнаю о том, что он дома. Он открывает дверь и хмурится, но стоит мне приоткрыть гевулот, как его бородатое лицо

проясняется.

— Поль! — Он заключает меня в медвежьи объятия, потом хватает за лацканы пиджака и основательно встряхивает. — Где ты пропадал? — ревет он так, что я ощущаю вибрацию его широченной грудной клетки.

Исаак бесцеремонно втаскивает меня внутрь и швыряет на диван.

— Что ты, черт побери, здесь делаешь? Я думал, ты стал Спокойным или тебя поглотила Соборность!

Он закатывает рукава фланелевой рубашки, демонстрируя мускулистые, покрытые густыми волосами руки. На одном широком запястье я вижу массивные медные Часы и вздрагиваю, хотя пока не могу еще прочесть выгравированную надпись.

— Если ты снова собираешься трепать нервы Раймонде… — ворчит Исаак.

Я поднимаю руки.

— Невиновен. Я здесь… по делам. И хотел увидеться с тобой.

— Хм. — Он недоверчиво смотрит на меня из-под кустистых бровей. Затем на лице появляется усмешка. — Ладно. Давай выпьем.

Он пересекает комнату, отбрасывая ногами все, что попадается по пути, — книги, одежду, блокноты из недолговечной бумаги — и направляется в маленькую кухню. Оттуда раздается журчание фабрикатора. Я окидываю взглядом помещение. Гитара на стене, обои с изображениями персонажей детских мультфильмов, высокие книжные шкафы, стол, словно не тающим снегом заваленный обрывками распечаток.

— А здесь ничего не изменилось, — говорю я.

Исаак возвращается с водкой в недолговечной бутылке.

— Ты шутишь? Прошло всего *двадцать лет.* А генеральная уборка проводится раз в сорок. — Он делает глоток из бутылки, потом наливает на два пальца водки в два стакана. — И за это время я только дважды был женат. — Он поднимает стакан. — За женщин. И не говори мне про дела. Тебя привели сюда женщины.

Я не возражаю и чокаюсь с ним. Мы пьем. Я кашляю. Он оглушительно хохочет.

— Ну как, мне придется надрать твою задницу или это уже сделала Раймонда? — спрашивает Исаак.

— В последние несколько дней таких, как ты, набралась целая очередь.

— Иначе и быть не может. — Он льет водку в стаканы обильной струей, но не проливает ни капли. — Так или иначе я должен был догадаться о твоем появлении, когда снова начались эти сны.

— Сны?

— Кот в сапогах. Замки. Я всегда подозревал, что ты имеешь к ним какое-то отношение. — Исаак скрещивает руки на груди. — Ладно, это не имеет значения. Ты вернулся, чтобы обрести истинное счастье со своей истинной любовью?

— Нет.

— Что ж, хорошо, потому что для этого *слишком поздно*. Идиот. Я знал, что так и будет. Я должен был предупредить тебя. Ты всегда был неугомонным. Никогда не довольствовался тем, что имеешь. Даже с Раймондой. — Он смотрит на меня исподлобья. — Ты не собираешься рассказать, где пропадал?

— Нет.

— Неважно. Я рад тебя видеть. Без тебя в этом мире было скучно.

Мы снова чокаемся.

— Исаак…

— Собираешься сказать какую-нибудь банальность?

— Нет.

Я не могу удержаться от смеха. Как будто я никуда и не уезжал. Я так и вижу, как целый день льется водка, а мы сидим и пьем, пока Исаак не начинает читать свои стихи, разглагольствовать о теологии и вести бесконечные разговоры о женщинах, не позволяя мне вставить ни слова. Не могу даже представить, как бы я сумел его прервать.

И это, конечно, тоже включено в цену.

— Извини, говорю я и ставлю свой стакан. — Но мне действительно пора уходить.

Исаак пристально смотрит на меня.

— Все в порядке? У тебя какой-то странный взгляд.

— Все отлично. Спасибо за выпивку. Я бы остался, но…

— Пф. Значит, это все-таки женщина. Ничего. К твоему следующему приходу я здесь приберусь.

— Извини, — повторяю я.

— За что? Не мне тебя судить. Вокруг и без того хватает желающих бросить камень. — Он хлопает меня по плечу. — Вперед. В следующий раз приведи мне подружку из другого мира. Зеленая кожа меня устроит. Мне нравится зеленый цвет.

— А что на этот счет говорится в Торе? — спрашиваю я.

— Я рискну, — отвечает Исаак. — Шалом.

Отыскивая дорогу к дому Раймонды, я чувствую себя немного пьяным.

— Я не ждала тебя так рано, — произносит она, открывая дверь.

Я протискиваюсь мимо синтбиотических дронов, наводящих порядок. Повсюду, словно паутина, висят покрывала из недолговечной материи.

— Извини за беспорядок, — говорит Раймонда. — Но ты сам виноват.

— Я знаю.

Она внимательно смотрит мне в глаза.

— Итак?

— Дай мне на него посмотреть.

Я сажусь на недавно сфабрикованный, довольно хрупкий на вид стул и жду. Раймонда возвращается и протягивает мне завернутый в ткань предмет.

— Ты никогда не говорил мне, как он работает, — произносит она. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я беру револьвер и рассматриваю его. Он кажется мне более тяжелым, чем в прошлый раз, когда я держал его в руке, и уродливым из-за короткого ствола и объемного барабана с девятью пулями, девятью божественными достоинствами. Я кладу револьвер в карман.

— Я должен идти, надо еще кое-что сделать, — говорю я Раймонде. — И если мы больше не увидимся, спасибо тебе.

Она не отвечает и отводит взгляд.

Я закрываю за собой дверь и на лифте возвращаюсь на уровень улиц. Мой гевулот как-то странно подрагивает, и внезапно рядом со мной на проспекте появляется молодой темноволосый парень. Он шагает в ногу со мной. У него мое лицо, но чужая непринужденная улыбка. Я жестом предлагаю ему показывать дорогу и следую за ним.

Интерлюдия
Добродетель

Джилбертине опять снится Кот в сапогах. Это полосатый кот на двух лапах, в широкополой шляпе и тяжелых ботфортах. Он ведет ее по мраморно-золотым коридорам дворца, по обеим сторонам которых тянутся ряды дверей. Одна дверь открыта.

— Что там? — спрашивает она Кота.

Тот оглядывается, и его глаза странно мерцают.

— Ты все узнаешь, когда вернется господин, — отвечает он мурлыкающим голосом.

Джилбертина просыпается в своей квартире в Монгольфьевиле, рядом с теплым посапывающим очередным любовником, чье имя уже тускнеет в памяти. Ее гевулот-контракты всегда тщательно составлены, чтобы никому не причинять неудобств, и от встреч остаются только милые воспоминания о плотских наслаждениях, сопровождаемые вспышками эмоций, связанных с приятными запахами и местами.

В последнее время Джилбертине часто снятся сны. А собственные воспоминания кажутся ей зыбкими и неуютными. Возможно, она стареет, хотя и не в обычном, древнем смысле этого слова. Недуг бессмертных, о котором столько твердит Батильда, вызван тем, что сознание много раз стиралось и переписывалось заново.

Разделенное воспоминание приходит в тот момент, когда Джилбертина принимает душ вместе со своим любовником, и его безымянные руки намыливают ей спину. Послание срочное и тревожное. *Раймонда.*

Джилбертина выскальзывает из объятий любовника, закрывшись гевулотом. В любом случае, так и было задумано с самого начала. Перед уходом она задерживается лишь для того, чтобы забрать с тумбочки свои Часы. Джилбертина снимает их, когда занимается любовью. Ее смущает слово Virtus, выгравированное на крышке, — это словно дурная шутка.

Раймонда ждет ее в Чреве, в своей квартирке. На ее бледном, осунувшемся лице веснушки кажутся еще ярче.

— Что случилось? — спрашивает Джилбертина.

— Поль. Он пропал.

— Как?

— Он ушел. Я не знаю, где он. И не знаю, что мне делать.

Джилбертина обнимает подругу, чувствуя, как гнев закипает в груди.

— Тише. Не беспокойся. Все будет хорошо.

— Хорошо? — У Раймонды дрожат плечи. — Как все может быть хорошо?

Я его найду и заставлю заплатить, решает Джилбертина.

Ее гевулот-контракты, даже очень старые, всегда тщательно составлены. И в них имеются пункты на все случаи жизни.

Джилбертина довольна тем, что смогла его удивить. Она находит его в странном парке роботов в Лабиринте, сидящим на багажном контейнере и с улыбкой глядящим в пустоту. На нем гладкий темно-синий костюм в стиле зоку, руках он вертит небольшой ларец.

Как только она позволяет себя увидеть, на его лице на мгновение появляется выражение маленького испуганного мальчика. Потом он улыбается.

— А, это ты, — говорит Поль.

Но это не тот Поль, которого помнит Джилбертина, — порой безрассудный и эгоистичный архитектор, безнадежно влюбленный в ее подругу. Сейчас его взгляд ясен и невыразителен, а от улыбки веет холодом.

— Ты не могла бы напомнить, как тебя зовут?

— А ты забыл?

Он разводит руками.

— Я заставил себя забыть, — отвечает он.

Джилбертина делает глубокий вдох.

— Я Джилбертина Шалбатана. А ты Поль Сернин. Ты любил мою подругу Раймонду. Она страдает. Ты должен вернуться. Или хотя бы иметь мужество попрощаться с ней. Однажды она уже прощала тебя.

Она швыряет ему воспоминание и приоткрывает свой гевулот.

Их познакомила Раймонда, ставшая подругой и соратницей Джилбертины с того самого дня, как приехала из Нанеди, — девушка из медленногорода в большом мире, страстно желавшая заниматься музыкой. В тайне Джилбертина ненавидела ее за непринужденную грацию, за то, что она без видимых усилий получала все, что хотела. И Поль был одним из ее трофеев. Поэтому Джилбертина тоже захотела его получить. А заставить его пожелать то, чего у него не было, не составило никакого труда.

Но их связь длилась недолго. Он вернулся к Раймонде, ездил за ней в Нанеди и даже отказался от воспоминаний о Джилбертине. Тогда она смирилась с этим. Но этого, этого она не допустит.

Поль равнодушно рассматривает ее.

— Спасибо, — произносит он. — В прошлом я получил от тебя не слишком много.

К своему ужасу, Джилбертина чувствует, как *что-то* вгрызается в ее гевулот.

— Но ты права, — негромко продолжает он, — Поль Сернин не мог уйти. И он остается здесь, внутри тебя и внутри остальных. А что касается меня, всегда найдется место, где я еще должен побывать. Украсть огонь у богов. Стать Прометеем. И все такое прочее.

— Мне на это наплевать, — говорит Джилбертина. — Но у тебя и этой девочки есть ребенок.

Он вздрагивает.

— *Такое* я бы запомнил, — отвечает он. — Нет, этого не может быть.

— Еще как может, — возражает Джилбертина, стараясь выплеснуть весь яд прошлой обиды.

— Ты не понимаешь. Я бы не смог этого забыть. — Он качает головой. — В любом случае это не имеет значения. Сейчас речь не обо мне. Дело касается тебя.

Джилбертина распрямляет плечи и обращается к экзопамяти.

— Ты сошел с ума.

Она ощущает странное покалывание в голове, и внезапно та часть ее разума, которая осуществляет связь с остальным миром, оказывается отделённой сплошной стеной. Так чувствует себя человек с ампутированной конечностью, по привычке стремящийся воспользоваться ею.

Поль поднимается на ноги.

— Боюсь, я заблокировал твой канал связи с экзопамятью. Но не тревожься, через несколько мгновений все восстановится.

Джилбертина делает шаг назад.

— Кто ты? — шипит она. — Вампир?

— Ничего подобного, — отвечает Поль. — А теперь стой спокойно. Будет немного неприятно.

Джилбертина убегает. С такой дырой в голове очень трудно сосредоточиться. *Часы. Что бы он ни задумал, он действует через Часы.* Она вцепляется в запястье, чтобы избавиться от них…

…Но на самом деле она не бежит, это только *воспоминание* о беге. Она так и стоит перед Полем, глаза которого становятся такими же странными, как и у Кота в сапогах…

Он поднимает ларец.

— Смотри. Я узнал об этом из видений одного несчастного парня, пострадавшего от Вспышки. Я взял это у зоку, они ничего не заметят.

— Что это? — шепчет Джилбертина.

— Пойманный бог, — отвечает Поль. — Мне надо его куда-нибудь спрятать. Поэтому ты здесь.

Ларец начинает светиться. Он исчезает из рук Поля. А потом оказывается у Джилбертины в голове.

Она *вспоминает* абстрактные формы, информационные структуры, похожие на огромные металлические снежинки, и боль от их острых краев, прижатых к мягким тканям ее разума. Ее экзопамять захлестывает поток чужеродных ощущений. На мгновение кажется, что виски пронзил раскаленный металлический прут. Затем боль утихает, но тяжесть остается.

— Что ты со мной сделал?

— То же самое, что сделал с каждым из вас. Положил ценности в такое место, где никто не станет их искать. В вашу экзопамять, защищенную лучшей в Системе криптографией. И если я захочу получить их обратно, мне придется заплатить немалую цену. Это был последний предмет, от которого я хотел избавиться. Приношу извинения за причиненное беспокойство. Я надеюсь, ты сумеешь меня простить. — Не-Поль вздыхает. — Кстати, ваш Поль не имеет к этому никакого отношения.

— Я тебе не верю, — говорит Джилбертина. — Дело не в памяти. Отчасти ты все равно Поль, и не важно, кем ты себя считаешь, неважно, что ты сделал со своими мозгами, не важно, что он мог быть всего лишь твоей маской. Я надеюсь, что он горит в аду.

Ей хочется вцепиться ему в лицо, но ореол фоглетов, окружающий существо, принявшее облик Поля, подсказывает, что все усилия были бы напрасны.

— Мне жаль, что ты так к этому относишься, — произносит он. — Но я, конечно, не могу допустить, чтобы ты что-нибудь запомнила. Я только надеюсь, что ты сумеешь хоть немного утешить Раймонду.

— Можешь делать с моей памятью что угодно, — отвечает Джилбертина, — но я постараюсь, чтобы она возненавидела тебя навеки.

— Возможно, я этого заслуживаю, — соглашается он. — Прощай.

Он прикасается к ее лбу, и в голове поднимается ураган.

Джилбертина щурится на яркий свет Фобоса. Она в одиночестве стоит посреди парка роботов. Мысли разбегаются, и лишь через несколько мгновений она вспоминает, что встречалась с Раймондой. А что она делала после этого? Джилбертина обращается к экзопамяти, чтобы восстановить события последних нескольких минут, но обнаруживает пустоту.

Проклятье. Должно быть, опять последствия Вспышки.

Ей почему-то вспоминается сон, увиденный прошлой ночью: Кот в сапогах, закрытая дверь. Это действительно был сон?

Она решает запросить информацию и о сне, но затем отказывается от этого намерения. У нее слишком много дел в мире бодрствующих.

Глава семнадцатая
Сыщик и гордиев узел

На восстановление у Исидора уходит весь день. Спокойный-медик отпускает его, только до отказа накачав нанолекарями. Мысли путаются, но, когда Исидор возвращается домой, усталость берет свое, и он падает в кровать. На другой день он просыпается поздно после продолжительного сна без сновидений.

К сожалению, отдых не помогает разобраться в происходящем, и Исидор долго сидит на кухне, через окно глядя на мир, и пытается определить, что к чему и как все это связано: наставник, вор, Время, дворцы памяти. Обои снова демонстрируют эшеровские джунгли, слишком яркие при дневном свете. Размышления прерывает жизнерадостный запрос через гевулот.

— Доброе утро, — говорит Лин.

— Хм, — ворчит Исидор.

Его соседка сегодня оделась тщательнее, чем обычно, в ее ушах поблескивают серьги. Она улыбается Исидору и принимается готовить себе завтрак, заказав фабрикатору омлет по-испански.

— Кофе и что-нибудь пожевать? — спрашивает она.

— Да, пожалуйста, — отвечает Исидор, неожиданно осознав, что голоден. Горячий завтрак помогает восстановить силы. — Спасибо.

— Не стоит. Видно, что тебе не мешает подкрепиться.

— Знаешь, я дал твоему созданию имя, — говорит Исидор, не прекращая жевать.

— И как же ты его назвал?

— Шерлок.

Лин смеется.

— Хорошее имя. Могу я спросить, как продвигается твое расследование? О тебе снова писали в «Вестнике». Вечеринки, воры и смерть. У вас насыщенная жизнь, мистер Ботреле.

— Что ж, в ней свои взлеты и падения. — Исидор массирует виски. — Именно сейчас я не представляю, что делаю. Все так запутано. Я не могу выяснить, что задумал этот вор, и вор ли он на самом деле.

Лин легонько пожимает его руку.

— Ты все выяснишь, я в этом уверена.

— Ну, а ты? Что-то произошло? Сегодня ты выглядишь… не совсем обычно.

— Ну… — Лин смущенно водит пальцем по столу. — Я кое-кого встретила.

— Ого. — Он ощущает легкое разочарование, хотя и совершенно неуместное. Исидор игнорирует его. — Это здорово.

— Кто знает? Посмотрим, что из этого получится. Мы уже были знакомы некоторое время и, понимаешь… решили, что пора прекратить ходить вокруг да около. — Она усмехается. — Но, я надеюсь, все это продлится достаточно долго, чтобы устроить здесь вечеринку. Ты мог бы позвать свою подружку, и мы с ней приготовили бы ужин. А зоку вообще едят? Это так, к слову.

— Сейчас это довольно проблематично, — отвечает Исидор. — Я не уверен, что все еще могу называть ее своей девушкой.

— Это грустно, — говорит Лин. — Любопытно, но каким бы умным ты ни был, вопросы отношений всегда кажутся такими запутанными. Я думаю, с ними нужно поступать как с гордиевым узлом: разрубать одним ударом. И никаких сложностей.

Исидор поднимает голову и перестает жевать.

— Знаешь что? Ты гений.

Он проглатывает кусок, залпом допивает кофе и мчится в свою комнату, чтобы набросить пиджак. Потрепав Шерлока по голове, он выскакивает за дверь.

— Куда ты? — кричит Лин.

— На поиски кого-нибудь с мечом, — отвечает Исидор.

Колония зоку на этот раз изумляет его своим негостеприимным видом. Стеклянные шпили, выступы и грани кажутся невероятно острыми: Исидор останавливается у дверей и пытается решить, что делать дальше.

— Эй? — произносит он.

Но ничего не происходит. *Как же это работает? Пиксил говорила, что надо просто захотеть.*

Исидор прикладывает руку к холодной поверхности двери и представляет лицо Пиксил. Пальцы покалывает. Ответ звучит неожиданно и резко. С кольцом сцепленности было иначе.

Убирайся. Сообщение сопровождается ощущением физического удара, словно жгучая пощечина.

— Пиксил.

Сейчас я не хочу с тобой разговаривать.

— Пиксил, мы можем встретиться? Это очень важно.

Важные дела имеют срок действия. И я тоже. Я занята.

— Прости, что не поддерживал связь. Вокруг меня какое-то безумие. Можно я войду? Или ты выйди ко мне. Обещаю, что не задержу тебя надолго.

Через двадцать минут я должна отправиться в рейд. Даю тебе десять. А теперь уйди с дороги.

— Что?

Уйди с дороги!

Сквозь дверь просачивается нечто огромное. Поверхность рябит и мерцает. Пиксил появляется верхом на огромном черном существе, похожем на шестиногого коня, только еще больше, покрытом золотыми и серебряными пластинами брони, с налитыми кровью глазами и острыми белыми клыками. Сама она одета в замысловатый костюм с широкими белыми наплечниками, как у самураев, устрашающая маска поднята надо лбом, на боку висит меч.

Чудовище сопит и фыркает на Исидора, заставляя его пятиться. Он отступает до тех пор, пока не упирается в колонну. Пиксил соскакивает на землю и треплет скакуна по шее.

— Все в порядке, — успокаивает она. — С Синдрой вы уже встречались.

Легендарный Скакун издает рев, распространяя запах тухлого мяса. У Исидора звенит в ушах.

— Я знаю, что нам надо торопиться, — произносит Пиксил, обращаясь к скакуну, — но тебе не нужно его есть. Я сама справлюсь.

Чудовище разворачивается и исчезает за дверью.

— Извини, — говорит Пиксил Исидору. — Синдра хотела выйти сама и объяснить, что она о тебе думает.

— Понятно, — отвечает Исидор.

У него подкашиваются ноги, так что приходится присесть на ступеньку. Пиксил, звеня доспехами, опускается на корточки рядом.

— Ну и в чем же дело? — спрашивает она.

— Я думал… — начинает Исидор.

— В самом деле?

Он бросает на нее укоризненный взгляд.

— Я имею право тебя дразнить, — заявляет она.

— Ладно.

Ему трудно говорить. Слова кажутся громоздкими предметами с зазубренными краями и застревают в горле. На память приходит прочитанная книга о Демосфене, выдающемся ораторе, который тренировал речь, держа во рту мелкие камешки. Исидор сглатывает и начинает.

— У нас ничего не получается.

Пиксил молчит.

— Я был с тобой, потому что ты не такая, как все, — продолжает он. — Я не мог тебя понять. Некоторое время это

казалось очень интересным. Но не более того. И ты никогда не была для меня на первом месте. Ты была просто… способом отвлечься. А я не хочу так думать о тебе. Ты заслуживаешь большего.

Пиксил мрачно смотрит на него, но через мгновение Исидор понимает, что она его разыгрывает.

— И ты пришел, чтобы сказать мне об этом? Тебе понадобилось столько времени, чтобы это понять? Ты сам до этого дошел?

— По правде говоря, мне помог Шерлок. — (В ее глазах появляется любопытство.) — Это не важно.

Пиксил усаживается рядом с Исидором, кладет меч на ступеньку и опирается на него.

— Я тоже много думала, — говорит она. — Полагаю, больше всего меня привлекает в тебе то, что ты раздражаешь старейшин. Это забавное зрелище. И еще то, что между нами нет никакой сцепленности, никаких веревочек. Кроме того, приятно быть рядом с таким медлительным существом, как ты. — Она высовывает язык и убирает прядь волос с его лба. — Бестолковый, но милый.

Исидор резко втягивает воздух.

— Последнее было шуткой, — смеется Пиксил. — Или вроде того.

Некоторое время они молча сидят рядом.

— Видишь, это не так уж трудно, — произносит Пиксил. — Это надо было сделать целую вечность назад. — Она поворачивается к Исидору. — Тебе грустно?

Исидор кивает.

— Немного.

Она крепко обнимает его. Броня больно впивается ему в грудь, но он не отстраняется.

— Ну, ладно, — Пиксил поднимается, лязгая доспехами. — Мне еще предстоит убивать чудовищ. А тебе надо поймать вора, как я слышала.

— Да, похоже на то.

— И?..

— Помнишь, ты говорила, что можешь сказать, кем на самом деле является Джентльмен? Это тоже была шутка?

— Я никогда не шучу, — Пиксил взмахивает мечом, — если дело касается любви или войны.

Исидор доходит до края Пыльного района и посылает наставнику разделенное воспоминание. *Я знаю, кто ты,* говорится в нем. А затем Исидор садится на скамью на маленькой

площади у самой границы колонии, где камни превращаются в алмазы.

Он закрывает глаза и прислушивается к журчанию воды. И позволяет своим мыслям плыть по течению. Неожиданно он сам ощущает себя водой, текущей по скале, чувствует ускользающий от него контур. Он разворачивается в его голове подобно гигантской снежинке. И вызывает злость.

Налетает порыв ветра. Исидор открывает глаза. Перед ним стоит Джентльмен. Ореол из фоглетов на мгновение проявляется в брызгах фонтана. Маска блестит на солнце.

— Надеюсь, это важно, — говорит она. — У меня много дел.

Исидор поднимается, улыбаясь:

— Прошу прощения, мадемуазель Раймонда, но есть вещи, которые я должен с вами обсудить.

Серебряная маска тает, открывая веснушчатое лицо рыжеволосой женщины, тут же заключающей с Исидором тесный гевулот-контракт.

Женщина выглядит очень усталой.

— Хорошо, — произносит она, складывая руки на груди. Ее настоящий голос звучит очень мелодично, словно звон колокольчика. — Я слушаю. Как ты?..

— Я схитрил, — отвечает Исидор. — Воспользовался чужим расположением.

— Пиксил, разумеется. Эта девчонка никогда не умела держать язык за зубами. Я рассчитывала, что гордость не позволит тебе ее расспрашивать.

— Есть вещи поважнее гордости, — говорит Исидор. — Возможно, вы не так хорошо меня знаете, как вам кажется.

— Как я понимаю, мы здесь не для того, чтобы восхищаться твоей находчивостью. И ты не собираешься благодарить меня за спасение твоего разума.

От ее слов веет холодом, и она не смотрит Исидору в глаза.

— Нет, — соглашается он. — Мы должны раскрыть одну тайну. Мне требуется ваша помощь.

— Подожди.

Она посылает ему разделенное воспоминание, он принимает его и неожиданно ощущает едкий запах, наводящий на мысль об испортившейся еде, когда-то давно оставленной отцом в его студии.

— Что это было? — спрашивает он.

— То, что скоро получит каждый житель Ублиетта, — отвечает она. — Продолжай.

— Я размышлял над словом «криптарх» с того самого момента, как вы упомянули его в первый раз, — произносит

Исидор. — Они манипулируют экзопамятью, верно?

— Да. И теперь нам известно, как это происходит: у них имеется ключ, который каким-то образом позволяет добраться до каждого, кто хоть раз был Спокойным.

— И вы боретесь против них.

— Да.

— И вы стали сотрудничать с вором, с Жаном ле Фламбером, кем бы он ни был на самом деле.

Она явно удивлена, но кивает.

— Да, но…

— Я сам до этого дошел. И его трюк с Унру был проделан с целью *получения доказательств,* не так ли? Чтобы сравнить его разум до и после прохождения через восстановление и выявить возможные изменения. Вы поручили ему сделать за вас грязную работу. Преступнику из чужого мира.

Раймонда прижимает к губам кулак.

— Да, да, мы это сделали. Но ты не понимаешь…

— Тогда объясните, — требует Исидор. — Потому что мне известно, что ему нужно. И я могу сделать так, что он никогда не добьется своей цели. Я могу рассказать всем о ваших делах. И доверию к наставникам придет конец.

— Доверие, — повторяет она. — Сейчас вопрос стоит не о *доверии.* А о *справедливости.* Мы в состоянии *победить* их. Наконец появилось оружие, чтобы их одолеть. Все беды, против которых мы боролись, — гогол-пираты, чуждые технологии — это все *их* рук дело. И еще более страшные вещи, о которых мы даже не подозреваем. Революционеры мечтали совсем не об этом. Мы так и остались рабами.

Она подходит ближе к Исидору.

— Для тебя это *все еще* игра. Не удивительно: ты слишком много времени провел с этой девочкой-зоку. Очнись. Да, ты выиграл, ты меня победил, ты добился успеха. Но у нас, у всех нас, есть более важные дела. Не просто очередное расследование, а справедливость для всех.

Ее взгляд становится суровым.

— Тебе никогда не приходилось бороться. Тебя всегда защищали. Я начала работать с тобой, чтобы показать…

Она прикусывает губу.

— Что показать? — спрашивает Исидор. — Что ты хотела показать мне, мама?

Она по-прежнему остается для него незнакомкой. Воспоминания, которые она у него отняла, все так же закрыты для него.

— Я хотела показать тебе, что в мире существуют не только

хорошие люди, — отвечает она. — И убедиться, что ты не свернешь в сторону, как… — Ее голос начинает дрожать. — Но, в конце концов, я не могла допустить, чтобы ты пострадал. И отозвала запрос.

— Мне кажется, люди, скрывающие истину от других, ничуть не лучше криптархов, — говорит Исидор.

Она горько усмехается.

— Ты слишком мало о них знаешь. Они манипулируют не только Голосом. Они манипулируют всем. И даже историей. Ты говорил о Революции? Я думаю, они ее придумали. Унру об этом догадался. Если внимательно изучить детали, окажется, что вся история подделана. Он собрал достаточно информации, чтобы понять это. Все воспоминания о Революции — кому бы они ни принадлежали — исходят из экзопамяти. Можешь мне поверить, абсолютно все.

Исидор глубоко вздыхает.

— Я видел Королевство. Мне потребовалось немало времени, но я понял, что все оно заключено в контейнере в колонии зоку. Это просто имитация. И оттуда пошли воспоминания о Королевстве. Здания, памятники искусства, стиля в одежде. И вот появляешься ты. Ты работаешь на зоку, они работают на криптархов. И что бы вы ни планировали, все это делается для них.

Он смотрит на нее и думает о рядах лиц на построенной отцом стене.

— Так что прости, но все, что ты говоришь о прошлом — или о будущем, если на то пошло, — я воспринимаю скептически.

— Я…

— Защищала меня? — Исидор почти выплевывает эти слова. — Именно в это хочет верить отец. Защищала от чего?

— От твоего отца, — отвечает Раймонда. — От твоего настоящего отца. — Она крепко зажмуривается. — Исидор, ты заявил, что знаешь, чего хочет вор. Что это?

— А ты не знаешь?

— Скажи.

— В Лабиринте есть девять зданий. Он сам спроектировал их, когда называл себя Полем Сернином. Они каким-то образом связаны со Спокойными-атлантами: существует механизм, соединяющий их. Еще он заказал девять Часов, и они тоже имеют к этому отношение. Эти здания являются частями машины. Я не знаю, как она работает. Кажется, это касается экзопамяти…

— Девять зданий. О боже. — Она хватает Исидора за плечи. — Когда ты до этого додумался?

— Как раз перед нападением гогол-пиратов…

— Это означает, что криптархам тоже об этом известно, — произносит она. — Может произойти нечто ужасное. Этот разговор мы продолжим позже. А сейчас отправляйся в какое-нибудь надежное место. Лучше всего в колонию зоку. Оставайся с Пиксил. Здесь будет слишком опасно.

— Но…

— Не будем спорить. Отправляйся сейчас же, или я сама тебя туда доставлю.

Она опять превращается в Джентльмена и взмывает в воздух, не дожидаясь ответа Исидора.

Несколько мгновений он смотрит ей вслед. Затем снова садится. Он привык к движению земли под ногами — плавному мягкому покачиванию города — но сейчас чувствует себя на краю внезапно открывшейся пропасти. Исидор старается привести мысли в порядок, но сердце бьется так сильно, что невозможно сосредоточиться…

Земля вздрагивает. Раздается чудовищный скрежет. Из мостовой выскакивают мелкие булыжники. Исидор падает на землю, закрывая лицо руками. Огромные машины грохочут в преисподней, и на мгновение ему кажется, что город — это всего лишь тонкий слой жизни на грубой шкуре огромного существа, ужаленного пчелой. Затем все прекращается, так же неожиданно, как и началось. *Машина вора.*

Исидор, пошатываясь, встает на ноги и щурится, стараясь избавиться от головокружения. А затем бегом пускается к Лабиринту.

Последствия затрагивают все вокруг. Разрушения по большей части поверхностные — каркасы зданий созданы из интеллектуальной материи — но город перестает двигаться. Устойчивый проспект заполняется шумными толпами: в воздухе не утихает гул тысяч голосов. В Лабиринте что-то произошло: над крышами виден поднявшийся к небу столб пыли. А позади него вырисовывается новый объект — черная башня высотой несколько сотен метров.

Исидор с трудом проталкивается сквозь толпу. Гевулот-щиты почти у всех подняты. Повсюду мелькают лица с широко раскрытыми глазами, слышится нервный смех, ощущается тихий ужас.

— Еще один чертов художественный проект, — говорит мужчина в маске с изображением паутины, прислонившийся к стоящему на земле паукебу. — Можете мне поверить, это очередной проклятый проект.

— Вы можете доставить меня туда? — спрашивает его Исидор.

— Нет, — отвечает водитель. — Наставники блокировали все подходы. Смотрите.

Проследив за его взглядом, Исидор видит кружащихся над Лабиринтом наставников в облаке раскаленного воздуха.

— Они все посходили с ума, — продолжает таксист. — Вы знаете, что они сотворили чуть раньше? Я получил от них разделенное воспоминание. Очень скверно пахнет. А вот и еще одно послание.

Один из наставников — Василиск — парит над ближайшей агорой. Ее голос слышится отовсюду, как будто говорит воздух.

— Не доверяйте Голосу! — восклицает она. — Нас обманывали!

Она рассказывает о криптархах и их манипуляциях Голосом, о тайных правителях города. А затем предлагает принять разделенное воспоминание, которое поможет защититься. Она говорит о гогол-пиратах, о доказательствах манипуляции сознанием, об информации, полученной из мозга Унру. Она обещает, что наставники защитят экзопамять от посягательств, а криптархи будут найдены и преданы справедливому суду. В толпе слышатся сердитые возгласы.

Пока Василиск говорит, Исидор запрашивает из экзопамяти изображение проспекта. Но наставника там нет, только толпа, прислушивающаяся к пустому месту.

— Проклятье, — бормочет он.

Они пытаются блокировать наставников.

Неожиданное сообщение Голоса налетает с такой сокрушительной силой, что Исидор едва не падает на колени. Он вспоминает, что *наставники распространяют лживые сведения,* что они являются *агентами зоку* и что *зоку намерены разрушить образ жизни Ублиетта.* До сих пор Голос был просто рекомендацией, надоедливым напоминанием о необходимых делах, но сейчас это прямое и страстное воспоминание, внедряемое в мозг, которое невозможно игнорировать. Исидор вспоминает, что *должен идти домой и воспользоваться полным уединением гевулота, пока не восстановится порядок,* и что *все нарушения в деятельности городских механизмов вызваны незначительной инфекцией, занесенной фобоями, и повреждения уже устраняют.*

Исидор встряхивает головой. Воспоминания вызывают чувство вины, он пытается вырваться из них, словно из зыбучего песка.

— Это не так, — ворчит водитель паукеба, потирая пальцами виски. — Все не так. Я слышал, что она только что говорила.

Поднимается крик. На краю агоры вспыхивает драка, группа

мужчин и женщин в революционной форме теснит молодого парня в костюме зоку. «Пыльный прихлебатель! — кричат ему. — Квантовая шлюха». Над толпой поднимаются волны жестокой ярости. А некоторые начинают медленно, молча двигаться. Мимо Исидора проходит пара в телах среднего возраста. У них странный остекленевший взгляд. *Она права. Это больше не игра.*

Он встряхивает за плечо водителя паукеба.

— Даю мегасекунду, если вы прямо сейчас доставите меня в Пыльный район, — предлагает он.

Мужчина прищуривается.

— Ты сошел с ума? Эти люди как раз направляются туда, чтобы разнести все в пух и прах.

— Тогда нам надо их опередить, — говорит Исидор.

Таксист искоса оглядывает его.

— Эй, ты тот самый приятель наставника, не так ли? Ты знаешь, что происходит?

Исидор глубоко вздыхает.

— Межпланетный вор создает из города машину на основе пикотехнологии, а криптархи завладевают сознанием людей, чтобы уничтожить колонию зоку и помешать наставникам свергнуть их власть, — объясняет он. — Я хочу остановить и тех, и других. Кроме того, я подозреваю, что этот вор и есть мой настоящий отец.

Водитель изумленно рассматривает его несколько мгновений.

— Хорошо, — соглашается он. — Садись!

Паукеб мчится, словно одержимое насекомое. Взмыв вверх с проспекта, машина проносится через Лабиринт, невероятными прыжками пересекая улицы. Над Лабиринтом все так же маячит черный шпиль, и вокруг него парят несколько наставников. Весь район как будто сжат огромными руками и повернут наподобие детской игрушки-головоломки — повсюду виднеются разрушенные здания и разломанные улицы. Отряды спасателей в желтых комбинезонах и Спокойные-медики спешат к пострадавшим, но их действия беспорядочны. Экзопамять содрогается от странных вибраций и выдает вспышки дежавю.

Пыльный район похож на снежный ком. Он окружен сферой из ку-частиц, искажающих очертания, отчего здания кажутся вытянутыми и нереальными. А внутри все движется, сворачивается, меняет форму.

К колонии приближается толпа людей, но, скорее всего, их усилия окажутся напрасными. *Криптархи не могли спланировать это,* думает Исидор. *Не собираются же они избавиться от зоку просто с помощью толпы…*

— Ну, вот мы и на месте, — объявляет водитель. — Не хочешь повернуть назад? Нам не прорваться сквозь эту преграду.

— Подбрось меня поближе.

Водитель высаживает его в переулке, перед самой границей ку-поля. Сфера похожа на мыльный пузырь, только колоссальных размеров, она выгибается к небу радужным вертикальным горизонтом.

— Желаю удачи, — говорит водитель. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Опоры паукеба высекают искры из мостовой, и такси снова уносится вверх.

Исидор трогает пузырь. Он кажется тонким и податливым, но чем сильнее нажимаешь, тем упорнее он сопротивляется — рука просто скользит по поверхности. Исидор мысленно обращается к Пиксил. *Впусти меня.* Но ответа нет.

— Я хочу поговорить со Старейшей, — произносит он вслух. — Я все знаю о Королевстве.

Некоторое время ничего не происходит, но затем сфера подается под его напором, и Исидор едва не падает вперед. Он проходит сквозь преграду и испытывает ощущение точь-в-точь как от мыльного пузыря — кожа становится влажной, и ее чуть-чуть пощипывает.

В колонии зоку все пребывает в движении. Алмазные здания *сворачиваются,* уменьшаются в размерах, словно картонные декорации. Повсюду снуют зоку в самых разных обличьях — от лиц в облаке фоглетов до зеленых монстров, управляющих материей при помощи жестов.

К Исидору приближается ку-сфера высотой с человека. Из нее появляется Пиксил, она все еще в боевых доспехах и с мечом. И выглядит очень мрачно.

— Что там происходит? — спрашивает она. — Наш рейд отменен. И все зоку готовятся к исходу. Я бы тебя предупредила, но…

Она беспомощно теребит свой камень зоку.

— Знаю, знаю. Оптимизация ресурсов. Я думаю, у нас намечается революция, — отвечает Исидор. — Мне нужно поговорить со Старейшей.

— Хорошо, — отзывается Пиксил. — Может, на этот раз ты *действительно* сведешь ее с ума.

Ку-сфера переносит Исидора и Пиксил в пещеру сокровищ. Там тоже кипит бурная деятельность: черные кубы поднимаются с пола и исчезают в серебряных порталах. В самом центре стоит Старейшая — огромная женщина с безмятежным лицом в окружении парящих драгоценных камней.

— Молодой человек, — приветствует она Исидора. — Мы всегда рады вас видеть, но, должна признаться, вы выбрали не совсем удачное время для визита.

У нее такой же глубокий и теплый голос, как и у светловолосой женщины, с которой Исидор встречался раньше.

Он поднимает голову и смотрит на Старейшую.

— Почему вы это делаете? Почему вы помогаете криптархам? — восклицает он, вкладывая в эти слова всю свою ярость.

Пиксил бросает на него недоверчивый взгляд.

— Исидор, о чем ты?

— Ты знаешь криптархов, о которых сегодня в городе рассказывали наставники? Ты помнишь Царство, которое собрал Дратдор? Так вот, *это* и есть Королевство. Именно отсюда происходят все воспоминания жителей Ублиетта. И это стало возможным благодаря вам, зоку.

— Неправда! — Глаза Пиксил сверкают гневом. — Это не имеет никакого смысла! — она поворачивается к Старейшей. — Скажи ему!

Но Старейшая молчит.

— Ты, наверно, пошутил, — не унимается Пиксил.

— У нас не было выбора, — произносит Старейшая. — После Протокольной войны мы были разбиты. Нам нужно было где-то спрятаться от Соборности и залечить раны. Мы заключили сделку. Это казалось нам чем-то незначительным: мы постоянно переписываем свое прошлое и воспоминания. И мы дали криптархам то, что они хотели.

Пиксил берет Исидора за руку.

— Клянусь, я ничего не знала об этом.

— Мы создали тебя такой же, как они, чтобы ты свободно ходила среди них, — говорит Старейшая. — Поэтому и не могли позволить, чтобы ты знала больше, чем они.

— И вы так просто *позволили им делать все, что они хотели?* — спрашивает Исидор.

— Нет, — отвечает Старейшая. — Когда мы увидели, что получилось, мы испытывали… сожаление. И потому сотворили наставников — позволили молодым идеалистам Ублиетта пользоваться нашими технологиями. Мы надеялись, что они создадут противовес. Совершенно ясно, что мы были неправы, и этот ваш вор все испортил.

— Ответьте еще на один вопрос, — говорит Исидор. — Чем было раньше это место?

Старейшая долго молчит, по ее безмятежному лицу пробегает тень печали.

— Разве это не очевидно? — произносит она наконец. — Ублиетт был тюрьмой.

Глава восемнадцатая
Вор и Король

Я стою в парке роботов напротив своего прежнего «я», покачивая в руке револьвер. Он тоже держит револьвер или его отражение. Странно, что все обычно сводится к противостоянию двух человек с оружием в руках, реальным или воображаемым. Вокруг нас продолжается медленная война древних машин.

— Я рад, что ты это сделал, — произносит он. — Я не знаю, где ты был. Не знаю, куда направляешься. Но я знаю, что ты оказался здесь, чтобы сделать выбор. Спусти курок, и ты станешь тем, кем мы были. В противном случае ты продолжишь жить своей жизнью, заниматься незначительными вещами, тешить себя незначительными надеждами. Или же можешь вернуться к мелодиям сфер и прекрасному звуку нарушения законов. Я знаю, как бы я поступил на твоем месте.

Я открываю револьвер и смотрю на девять пуль. Каждая имеет свое имя и квантовое состояние, связанное с Временем в Часах девяти людей. Исаака. Марселя. Джилбертины. Других. Если я нажму на курок девять раз, их Время закончится. Машина заработает. Девять человек станут Спокойными, Спокойными-атлантами под городом. Они создадут мой дворец памяти. И я никогда их больше не увижу.

Я закрываю револьвер и верчу барабан, словно играю в русскую рулетку. Молодой я усмехается.

— Давай, — говорит он. — Чего ты ждешь?

Я отбрасываю револьвер. Он падает в куст роз. Я смотрю на пустое место, где только что был прежний я.

— Ублюдок, — бросаю я. — Ты знал, что я никогда этого не сделаю.

— Ничего страшного, — раздается голос. — Это сделаю я.

Садовник открывает свой гевулот и предстает передо мной с револьвером в руке. У него седые волосы, тщательно состаренное лицо, но в его облике есть что-то мучительно знакомое. Я делаю шаг вперед, но над его правым плечом появляется овальное устройство — ку-пистолет зоку — и смотрит на меня ярким квантовым глазом.

— Я бы не стал дергаться, — предупреждает садовник. — Эта штука вдребезги разнесет даже твое чудесное тело, изготовленное Соборностью.

Я медленно поднимаю руки.

— Ле Руа[48] как я полагаю?

У него в точности такая же улыбка, как и у криптарха в отеле.

— Итак, ты здешний Король?

Я прикидываю, каковы мои шансы остаться в живых, если я резко брошусь на него. Шансы невелики. Я все еще заперт в человеческом теле, и пять метров, разделяющих нас, с таким же успехом могли бы быть световым годом.

— Я предпочитаю считать себя просто садовником, — отвечает он. — Помнишь тюрьму Санте на Земле? Что ты говорил своему сокамернику? Что единственное, что бы ты действительно хотел украсть, это собственное королевство. Но управление кажется тебе слишком хлопотным занятием, и ты предпочел бы перепоручить заботу о благополучии и процветании своих подданных номинальному правителю, а сам выращивал бы цветы для хорошеньких девушек, да время от времени справлялся о делах. — Свободной рукой он делает широкий жест, обводя парк и город вокруг нас. — Так вот, я осуществил эту мечту. — Он вздыхает. — Но, как и всякая мечта, она со временем устаревает.

— Да, конечно, — говорю я. — Наставники вот-вот положат конец установившемуся порядку и разбудят людей. — Я сосредоточенно хмурюсь. — Мы сидели в одной камере?

Он смеется.

— Что-то вроде того. Если хочешь, можешь звать меня ле Руа. Жан ле Руа, так меня здесь называют, хотя я больше не беспокоюсь об имени.

Я внимательно вглядываюсь в его лицо. При открытом гевулоте сходства невозможно не заметить.

— Что произошло?

— До Коллапса мы были слишком беспечными, — отвечает он. — А почему бы и нет? Мы работали с Основателями. Мы взломали административную когнитивную программу сразу, как только Читрагупта ее поставил. Нас было много. И кое-кого из нас поймали. Как меня.

— Как же ты здесь оказался? — спрашиваю я. И вдруг меня осеняет. — Это место никогда не было Королевством, не так ли? Это была тюрьма.

— Предполагалось, что это будет новая Австралия, — поясняет он. — До Коллапса господствовала следующая идея: загоним преступников в терраформирующие машины, и пусть они выполняют свой долг перед обществом. И мы упорно трудились, можешь мне поверить. Мы обрабатывали реголит, поджигали Фобос и плавили ледниковый покров ядерными взрывами. Все ради того, чтобы еще немного побыть людьми.

— Конечно, они позаботились о том, чтобы мы здесь были надежно заперты. Даже сейчас, стоит мне только подумать об

отъезде с Марса, как начинается дьявольская боль. Но потом произошел Коллапс, и сумасшедший дом захватили безумцы. Мы взломали систему тюремного надзора. Превратили ее в экзопамять. И использовали для того, чтобы взять власть в *свои* руки. — Он качает головой. — И еще мы решили сочинить более приятную историю. Вспышка обернулась для нас благословением — стерла все следы, хотя их было не так уж много. Но полностью воплотить в жизнь все свои планы мы смогли только после прихода зоку. Оглядываясь назад, я понимаю, что их нельзя было сюда допускать. Но в тот момент нам годились любые средства, чтобы защититься от Соборности. По крайней мере, зоку дали нам инструменты для осуществления мечты.

— Нам? Кто еще здесь есть? — спрашиваю я.

— Никого, — отвечает он. — Больше никого. Я давно уже позаботился обо всех остальных. Саду достаточно одного садовника.

Он поднимает свободную руку и трогает стебель цветка.

— Некоторое время я был здесь вполне счастлив. — Его лицо искажается гримасой. — А потом сюда занесло *тебя*. У тебя все получалось лучше, чем у меня. Ты обладал могуществом и свободой. И перенял местные обычаи. Ты себе представить не можешь, как меня это злило.

Ле Руа смеется.

— Это чувство тебе знакомо не хуже, чем мне: желать то, чем обладает кто-то другой. Ты можешь понять, как я хотел получить то, что принадлежало *тебе*. И после твоего исчезновения я завладел всем, чем мог. К примеру, твоей женщиной. Она больше никогда не будет твоей. Она считает, что ты бросил ее с вашим ребенком. Никогда не понимал, что ты в ней нашел. Но ты хорошо замел следы, ваши разделенные воспоминания: я так и не узнал *этого*. — Он поднимает револьвер с девятью пулями. — Ты считаешь себя таким умным. Спрятал свое сокровище в экзопамяти друзей. Великие люди мыслят одинаково, но, должен признать, я до этого не додумался. Однако я знал, что ты когда-нибудь вернешься, и расставил для тебя ловушку. Гевулот-видения исходили от меня. Но полностью свести концы с концами мне помог сыщик. Весьма своевременно. — Он наставляет револьвер на меня. — Я даже предоставил тебе возможность самому это сделать: все-таки справедливость есть справедливость. Но ты не смог. Значит, теперь моя очередь.

В слепой ярости я с криком бросаюсь вперед. Сверкает вспышка ку-пистолета. Я лечу на землю и сильно ударяюсь лицом о мраморные плиты. Тело Соборности на мгновение взрывается болью, а затем заглушает ее милосердной анестезией. Я

переворачиваюсь и пробую встать, но тут же понимаю, что правая нога ниже колена превратилась в обугленную культю.

Ле Руа с усмешкой смотрит на меня сверху вниз. Он поднимает револьвер и начинает стрелять в воздух. Я пытаюсь вцепиться ему в ноги, но получаю пинок в лицо. Пытаюсь сосчитать выстрелы и тотчас сбиваюсь.

Земля вздрагивает. Где-то глубоко под городом Спокойные-атланты, когда-то бывшие моими друзьями, просыпаются с новыми мыслями и новыми стремлениями. Дворцы памяти, которые являются их составными частями, с мощью стихийного бедствия стремятся соединиться. Вокруг парка роботов рушатся здания. Дворцы маячат над ними, словно черные паруса, сметающие все на своем пути, и несутся вниз, прямо на нас.

Они соединяются над нашей головой наподобие черных геометрических пальцев. Потом все погружается во тьму, тело начинает покалывать, и нас с Королем разносит в разные стороны.

Глава девятнадцатая
Сыщик и кольцо

От блокировки гевулота у Миели пощипывает кожу. Но она снова чувствует себя невесомой, а рубка «Перхонен» больше всего напоминает покинутый ею дом. Ощущение уюта и безопасности почти полностью заглушает гневный голос Пеллегрини в ее голове.

Хорошо, что ты вернулась, говорит «Перхонен». Аватар корабля — бабочка — вьется над головой Миели. *Я как будто потеряла часть себя.*

— Я тоже это чувствовала, — отвечает Миели, наслаждаясь знакомым трепетом крылышек на коже. — Как будто мне недостает чего-то важного.

— Как скоро ты сможешь вернуться вниз? — требовательным тоном спрашивает Пеллегрини. Богиня ни на минуту не оставляла Миели с того самого момента, когда Спокойные из иммиграционной службы доставили ее на корабль и вернули сознание. Ее губы сжимаются в тонкую линию. — Это недопустимо. Он должен быть наказан. Наказан. — Она как будто наслаждается звучанием этого слова. — Да, наказан.

— С биотической связью возникли проблемы, — поясняет Миели.

У нее появляется странное ощущение, будто чего-то *не хватает. Неужели я действительно скучаю без этой связи? Без яда, к которому ты меня приучил.*

Давай же! Признайся, что ты действительно беспокоишься, подначивает «Перхонен». *Никому не говори, но мне-то можно.*

— Последнее зарегистрированное сообщение было о серьезном происшествии. И мы не можем спуститься на поверхность раньше, чем через тридцать дней. По крайней мере, легально.

— Что же *творит* этот мальчишка? — ворчит Пеллегрини.

Орбитальный контроль Ублиетта настаивает на нашем отправлении к Магистрали, объявляет «Перхонен». *И они отправляют назад всех, кто приближается к орбитальной станции. Там внизу что-то происходит.*

— Мы можем хоть что-то увидеть? — спрашивает Миели.

Бабочки-аватары корабля раскрывают перед Миели целый веер движущихся картин. Они показывают темную линзу города в оранжевой чаше кратера Эллада, затемненную пеленой гевулота.

Там происходит что-то очень серьезное, говорит «Перхонен».

Город перестал двигаться.

С краев кратера к городу стекается расплывчатая темная масса.

«Перхонен» увеличивает изображение, и Миели кажется, что перед ней картина ада.

Это фобои, поясняет корабль.

— Что же нам делать? — спрашивает Миели у Пеллегрини.

— Ничего, — отвечает богиня. — Подождем. Жан хотел раскинуть внизу свои игры, так пусть поиграет. Мы подождем, пока он закончит.

— Я прошу прощения, — уточняет Миели, — но это означает, что миссия провалена. Внизу еще остались пригодные для работы агенты? Гогол-пираты?

— Ты осмеливаешься указывать мне, что делать?

Миели вздрагивает.

— Ответ отрицательный. Я не могу оставлять здесь никаких следов своего присутствия. Пришло время подсчитывать убытки.

— Мы его бросим?

— Жаль, конечно. Я немного привязалась к нему: по большей части опыт был весьма приятным. Даже его маленькая измена только придала остроты. Но незаменимых нет. Если криптарх одержит верх, возможно, с ним проще будет договориться. — Пеллегрини задумчиво усмехается. — Хотя и не так увлекательно.

Не могу сказать, какие проблемы возникли в городе, но мне кажется, что они множатся, говорит «Перхонен». *Армия Спокойных отступает в беспорядке. И, если вам интересно, фобои нанесут удар по городским укреплениям приблизительно через тридцать минут.*

— Госпожа, — произносит Миели. — Ради служения вам я отказалась почти от всего. От своего разума, своего тела, от большей части своего достоинства. Но в эти несколько недель вор, сам того не желая, был моим собратом по кото. Я не смогу предстать перед своими предками, если его брошу. Позвольте мне сохранить оставшуюся честь.

Пеллегрини приподнимает брови.

— Итак, он все-таки зацепил тебя, верно? Но нет, я тобой слишком дорожу, чтобы рисковать. Мы будем ждать.

Миели молчит, глядя на остановившийся город. *Он не стоит этого,* думает она. *Он вор и обманщик. Но он заставил меня петь. Хоть это и была всего лишь уловка.*

— Госпожа, — вновь заговаривает Миели. — Окажите эту милость, и я добровольно перезаключу наш договор. Вы сможете сделать из меня гогола. Если я не вернусь, можете распоряжаться

мной так, как вам будет угодно.

Миели, не делай этого, шепчет корабль. *У тебя не будет пути к отступлению.*

Это все, что у меня осталось, кроме моей чести, отвечает Миели. *И честь мне дороже.*

Пеллегрини, прищурившись, смотрит на нее.

— Что ж, интересное предложение. И все ради него?

Миели кивает.

— Хорошо, — говорит богиня. — Я согласна, но с одним условием: если что-то пойдет не так, «Перхонен» ударит по городу странгелетовым снарядом. В тебе еще остается частица меня, а я не могу допустить, чтобы меня обнаружили. — Она усмехается. — А теперь закрой глаза и молись мне.

Чтобы прорваться сквозь дезорганизованную армию Спокойных, требуется всего несколько минут. Отбросив всяческую осторожность, Миели выжимает всю мощность из корабельных двигателей, работающих на антиматерии. Корабль тонкой алмазной иглой пронзает тропосферу и несется к кратеру Эллада.

Покажи мне фобоев.

Кошмарные существа захватывают кратер. Их уже не один миллион, бесконечное множество вариантов этих созданий сбивается в плотную массу, надвигающуюся на город, словно единый организм. Целые рои насекомоподобных существ образуют быстро перемещающиеся пятна. С ними мчатся и гуманоиды со стеклянистыми телами и удивительно реалистичными лицами — вероятно, их предки пришли к выводу, что человеческая внешность в какой-то степени замедляет рефлексы Спокойных-воинов.

Фобои представляют собой гибридное биотическое и биологическое оружие. На протяжении миллиардов поколений они воспроизводят себе подобных и в процессе возобновления численности подвергаются модификации. Ублиетт воюет с ними уже много столетий. И когда Шагающий Город останавливается, его противники чувствуют запах крови.

Миели оценивает имеющееся оружие. Ее защитные гоголы спроектированы для борьбы против зоку и мало чем могут помочь в сражении с примитивными химическими мозгами фобоев. Более реальные шансы дает грубая сила: ку-частицы, антиматерия, лазеры и — если дойдет дело — оставшийся странгелет, хотя Миели даже представить себе не может, что он сделает с Марсом.

Итак, произносит Миели, *план проще простого. Ты их задерживаешь. Я разыскиваю вора. Ты нас подбираешь. Все как и в прошлый раз.*

Понятно, отвечает корабль. *Будь осторожна.*

Ты всегда так говоришь. Даже если собираешься высадить меня в умирающем городе.

И я всегда искренне прошу тебя об этом, отзывается корабль.

Затем «Перхонен» окутывает Миели ку-сферой, подхватывает ее электромагнитным полем и запускает на Марс.

Миели полностью активирует метамозг и, расправив крылья, направляется к одной из агор Устойчивого проспекта. Она выпускает над городом нано-ракеты, летящие со скоростью, близкой к скорости света. На этот раз Миели одета в броню и имеет при себе дополнительное оружие — многоцелевую пушку Соборности, гладкий цилиндр, в котором заключена невероятная разрушительная сила. Ракеты, перед тем как испариться, передают ей фрагменты изображений, поскольку гевулот слишком медлителен, чтобы помешать им транслировать информацию. Метамозг Миели составляет из этих фрагментов общую картину.

Окровавленные лица, алые пятна на белой форме. Гоголь-пираты, не скрывая своих щупалец, нападают на все, что движется. Старые и молодые марсиане бьются между собой, размахивая импровизированным оружием. Наставники сражаются и с людьми, и со Спокойными, отражая выстрелы щитами из утилитарного тумана. Колония зоку накрыта ку-сферой, и вокруг нее происходят самые ожесточенные схватки. В центре Лабиринта возвышается тонкая черная башня, которой раньше здесь не было. А прямо под ней…

В приюте Утраченного Времени Джентльмен бьется против целого отряда Спокойных-воинов, и его фоглетовый щит потрескивает под ударами крупнокалиберного оружия.

Миели сметает Спокойных залпом автономных ракет, заряженных кварк-глюонной плазмой. Снаряды взрываются с яркостью сверхновой, опустошают половину площади и на мгновение высвечивают невидимые очертания фоглетов: они похожи на кораллы, растущие из тела Джентльмена.

Доложи ситуацию с фобоями, спрашивает Миели у корабля.

«Перхонен» связана с ней на уровне ощущений. Корабль кружится над клокочущей массой и обстреливает фобоев ударными ракетами. Небо над городом освещается их взрывами, словно невероятно яркими молниями, а через пару секунд доносятся раскаты грома.

Не слишком хорошо, отвечает «Перхонен». *Нам необходимо какое-нибудь вирусное оружие. Я пытаюсь их задержать, но поток номер два в любую минуту может ударить по городу.*

Миели крыльями замедляет падение, но приземление все

равно получается очень жестким. От удара ку-брони камни мостовой трескаются. Выбравшись из неглубокого кратера, она видит Раймонду. Вокруг нее облаком парят фоглеты с кинжалами на концах, готовые нанести удар.

— Кто ты? — спрашивает Раймонда. — Миели или та, другая?

— Та, которая пришла сообщить, что через пару минут у вас возникнут проблемы с фобоями, — отвечает Миели.

— Проклятье, — вырывается у Раймонды.

Миели оглядывает последствия беспорядков. С проспекта доносится грохот выстрелов и глухие взрывы.

— По-твоему, это революция?

— Около часа назад дела пошли из рук вон плохо, — говорит Раймонда. — Контролируемые криптархами люди стали нападать на каждого, кто принял фрагмент воспоминаний, защищающий от манипуляций, а потом криптархи отозвали с укреплений и Спокойных-воинов. Мы начали вооружать тех, кто остался в живых. Пока действует система восстановления, мы еще можем всех вернуть. Но мы в меньшинстве. А главная проблема *там.*

Она показывает рукой на шпиль, возвышающийся над Лабиринтом.

— Что это?

— Дело рук Жана, — отвечает Раймонда. — Сам он внутри. Вместе с криптархом.

— Фобои приближаются, — сообщает Миели. — Необходимо как-то разобраться с ними, в противном случае вы *все* узнаете, что такое окончательная смерть. Надо, чтобы город снова начал двигаться. Как я понимаю, зоку до сих пор ничего не предпринимают?

— Нет, — говорит Раймонда. — И я не могу с ними связаться.

— Как всегда, — отзывается Миели. — Ладно. *Тебе* надо пробраться внутрь, вытащить оттуда криптарха и заставить его прекратить стычки, чтобы иметь возможность справиться с фобоями. *Я* хочу забрать отсюда вора. Получается, что нам по пути.

Миели расправляет крылья. Наставник взмывает в воздух вместе с ней. Они летят над горящим городом к черному шпилю.

— Это из-за *вас* все пошло кувырком, — говорит Исидор. — Вы должны помочь нам. Если криптархов не остановить, нам грозит гражданская война. Наставникам одним не справиться.

— Нет. Наш главный принцип — заботиться о себе. Мы исцелились и снова обрели силы. Нам пора уходить.

Сокровищница вокруг уже опустела, остались только

серебряные порталы.

— Вы просто бежите, — произносит Исидор.

— Это типичная оптимизация ресурсов, — возражает Старейшая. — Ты можешь уйти вместе с нами, хотя быстро поймешь, что твой облик для этого не подходит.

— Я остаюсь, — заявляет Исидор. — Здесь мой дом.

На части мерцающего силуэта Старейшей появляется миниатюрное изображение города. Улицы заполнены крошечными людьми. Повсюду вспышки выстрелов и зарево пожаров. Исидор видит стычки между контролируемыми криптархами людьми и теми, кто получил защитный вирус. Во рту появляется привкус крови, и он понимает, что прикусил язык. А на укрепления, оберегающие ноги города, накатываются белые волны. *Фобои.*

— Ты можешь изменить свое решение, — предлагает Старейшая.

Исидор прикрывает глаза. Мысленная картина в его голове отличается от того, как он обычно представляет тайну, она непрерывно движется и изменяется, это уже не гигантская снежинка, которую можно рассматривать под разными углами.

— Криптархи, — говорит он. — Криптархи еще могут все остановить. Они в состоянии заставить город двигаться и прекратить стычки. Раймонда считала, что они направляются туда, вместе с вором… — Он показывает на иглу, торчащую в миниатюрном городе, словно стрела в сердце. — Кольцо. Вор похитил мое кольцо сцепленности. Пиксил, оно будет работать внутри *этого?*

— Возможно. Зависит от того, *что* это такое, — отвечает Пиксил. — Чтобы выяснить, нам нужно воспользоваться переходом.

Она направляется к ближайшей серебряной арке.

— Зоку этого не позволят, — предупреждает Старейшая.

— Просто перебрось меня туда, — говорит Исидор. — Я больше ни о чем не прошу. Я не могу стоять здесь и наблюдать.

Пиксил подносит руку к камню зоку в основании шеи. Затем она крепко зажмуривается, лицо искажает гримаса боли, и камень выходит наружу, словно только что рожденное существо. Она держит его перед собой окровавленными пальцами.

— Мы всегда обладали свободой, — произносит она. — Свободой уйти. Я ухожу. Я здесь родилась, и я остаюсь.

Она берет Исидора за руку.

— Пошли.

— Что ты делаешь?! — восклицает Старейшая.

Пиксил прикасается к створкам. Из-за них прорываются

золотистые лучи дневного света.

— Я поступаю правильно.

С этими словами она шагает вперед и тянет за собой Исидора.

Глава двадцатая
Два вора и сыщик

Темнота восстанавливает нас. Несколько мгновений мне кажется, будто меня рисуют на бумаге, а затем очертания обретают плоть. И я снова могу видеть.

На меня уставился Кот. Он стоит на задних лапах в ботфортах, на голове — широкополая шляпа, на широком ремне висит крошечный меч. У него неживой взгляд, и я понимаю, что глаза *действительно* стеклянные, в них поблескивают золотистые искорки. Кот начинает порывисто двигаться: он снимает шляпу и с механической точностью отвешивает поклон.

— Добрый день, господин, — произносит он с пронзительным мурлыканьем. — С возвращением вас.

Мы находимся в главной галерее дворца. На позолоченных стенах висят картины, на потолке сверкают хрустальные люстры. Широкие окна выходят на итальянскую террасу, залитую золотистым предзакатным светом, отчего все предметы отливают янтарем. Я сижу на полу, и мои глаза на одном уровне с головой Кота. Кое-что радует: моя нога снова стала целой. Как и ле Руа, я в костюме, созданном древним портным, — с фалдами, бронзовыми пуговицами, немыслимо зауженными рукавами и гофрированной рубашкой. Но Кот кланяется не мне, а ему. И револьвер все еще остается в его руке.

Я напрягаю мышцы для прыжка, но ле Руа действует быстрее. Он бьет меня по лицу рукоятью револьвера, и, как ни странно, боль кажется здесь более ощутимой, чем в реальном мире. Я чувствую, как металл рассекает скулу до самой кости и едва не ломает ее. Во рту появляется привкус крови.

Ле Руа пинает меня носком ботинка.

— Уберите это создание, — говорит он. — И найдите что-нибудь переодеться.

Кот снова кланяется и хлопает лапами. Хлопок почти не слышен, но снаружи раздаются шаги, и дверь открывается.

Я с трудом сажусь на полу и сплевываю кровь под ноги ле Руа.

— Мерзавец, — бросаю я. — Я приготовился и к этому. Здесь есть ловушки, о которых ты не знаешь. Скоро увидишь.

— Это всего лишь жалкая уловка, недостойная ни одного из нас, — говорит ле Руа. — Будь благодарен, что я предпочитаю оставить тебя при себе. Как далекое воспоминание.

Он взмахивает револьвером, и сильные жесткие руки

поднимают меня и волокут по полу. Восковые фигуры: мужчина с пышными усами, одетый по моде начала двадцатого столетия, и незнакомая мне женщина в платье горничной. У обоих стеклянные глаза и желтоватые, грубо вылепленные восковые лица. Я пытаюсь сопротивляться, но не в силах устоять перед их механической мощью.

— Отпустите меня! — кричу я. — Ваш господин не он, а я! — Но револьвер в руке ле Руа перевешивает все мои аргументы. — Ублюдок! Давай драться один на один!

Слуги тащат меня по коридору, по обе стороны которого располагаются открытые двери. Здесь их целые сотни, а внутри безмолвные восковые фигуры, медленно разыгрывающие сцены из жизни. Они полны смысла: молодой человек в тюремной камере читает книгу. Темная палатка, в углу сидит женщина, она что-то напевает себе под нос и готовит еду на жалком костерке. Я замечаю обнаженную фигуру с лицом Раймонды, играющую на рояле медлительными и неуклюжими восковыми пальцами. Все это мертвые механические куклы, и я внезапно понимаю, что значит стать *далеким воспоминанием.*

Но начинаю вопить, лишь оказавшись в мастерской с формами для литья, чаном расплавленного воска и множеством острых инструментов.

Снова происходит разрыв реальности. Когда все заканчивается, Исидор все еще держит за руку Пиксил и моргает, чтобы восстановить зрение. В воздухе пахнет пылью и воском. Они находятся в помещении, напоминающем комнату для пыток, но с высокими окнами, выходящими в сад. Вор привязан к длинному столу, а над ним склонились сказочные персонажи: волк в женской одежде, усатый мужчина и горничная в костюме, относящемся к древней истории Земли. В лапах и восковых руках они держат острые изогнутые ножи.

Пиксил бросается вперед. Ее меч со звоном вырывается из ножен и без труда рассекает воск и медь. В воздух взлетает лохматая голова, из пронзенного затылка мужчины выскакивают металлические пружины и шестеренки. Восковые куклы валятся на пол. Затем Пиксил приставляет кончик меча к горлу вора.

— Не двигайся, — говорит она. — Это меч из Царства. Как ты понимаешь, он отлично подходит для этого места.

— Я только хотел вас *поблагодарить,* — хрипит вор. Он усмехается Исидору. — Мистер Ботреле. Рад вас видеть. Мы уже встречались. Жан ле Фламбер, к вашим услугам. Но ваша спутница — это очевидно — имеет надо мной явное превосходство.

— Что здесь происходит? — спрашивает Исидор.

— Неприятно признавать, но это место находится под контролем криптарха — ле Руа. — Он прищуривается. — А как вы сюда попали? Ах да, кольцо зоку. Удивительно, насколько полезными порой могут оказаться привычки клептомана… Берегитесь!

Исидор оборачивается. Мимо двери проскальзывает какое-то пушистое существо.

— Ловите его! — кричит вор. — У него ваше кольцо!

Они наступают, говорит «Перхонен». *Я больше не могу их сдерживать.*

Миели ощущает удары летающих фобоев по поверхности корабля, чувствует, как истощается его броня.

— Уходи отсюда.

Корабль поднимается, и Миели видит, как вал фобоев накатывает на стену растерянных Спокойных-воинов и захлестывает ее. Миели провожает взглядом удаляющийся корабль и снова сосредоточивается на стрельбе по контролируемым криптархами Спокойным.

Спокойный-конструктор желтого цвета сбил ее на землю, выпустив облако технологической пыли, которая на время блокировала микровентиляторы крыльев. Спокойные-воины упрямо атакуют ее и Раймонду, не позволяя им приблизиться к черному шпилю.

— Фобои прорываются к городу! — кричит Миели наставнику, и, несмотря на пыль, несмотря на серебряную маску, видит на ее лице отчаяние.

Миели! Там что-то происходит!

Она замедляет время и снова смотрит на город глазами «Перхонен».

Защитная сфера вокруг колонии зоку рассеивается. Оттуда вырывается стая завывающих призраков из мерцающего света, алмазов и других драгоценных камней. Они обрушивают на толпы фобоев потоки когерентного излучения, рассекают наступающий вал, словно пустоту, и двигаются так быстро, что невозможно уследить взглядом. За ними летят сгустки греческого огня — самовоспроизводящегося оружия на основе нанотехнологии, и по бурлящим толпам распространяются круги пламени.

Что же побудило их изменить решение? Но раздумывать некогда.

— Вперед! — кричит Миели Раймонде. — У нас еще есть время!

Стиснув зубы, она извлекает ку-клинок и устремляется на преграждающую путь группу Спокойных.

Девушка-зоку обрезает веревки и освобождает меня. Сыщик уже унесся в погоню за Котом, и я устремляюсь вслед за ним. Кота нигде не видно, но я, словно безумец, мчусь в том направлении, куда он бежал, минуя все новые механические куклы-воспоминания.

А потом я вижу его: в небольшой комнате на одноногом столе из темного дерева стоит простая коробочка, в которой могло бы поместиться обручальное кольцо. Камера Шредингера. Она выглядит так же соблазнительно, как и двадцать лет назад, когда я обнаружил ее в колонии зоку и не смог устоять. Я осторожно вхожу в комнату и беру ее, опасаясь ловушки. Но ничего не происходит, и я, зажав находку в кулаке, возвращаюсь в коридор.

Сыщик и девушка-зоку уже возвращаются.

— Жалко, — говорит сыщик. — Мы его не нашли.

— Вы это ищете? — спрашивает Жан ле Руа.

Теперь он выглядит иначе — моложе и больше похож на меня. У него черные волосы, гладкое лицо и тонкие, будто нарисованные усики. На нем черный галстук, белые перчатки и плащ, как будто перед вечерним выходом в город. В руке трость. Вокруг головы кружится россыпь камней зоку, отливающих зеленью и голубизной. Но усмешка осталась прежней.

Он поднимает вверх кольцо — серебряный ободок с голубым камнем.

— Не стоит беспокоиться, вам оно больше не понадобится.

С видом заправского фокусника он взмахивает рукой, и кольцо рассыпается облачком светящегося порошка.

— Вы можете остаться здесь в качестве моих гостей. — Он стряхивает с лацкана невидимую пылинку. — Мне кажется, я отыскал тело, в котором буду ходить. Пора покончить с этим соперничеством.

Девушка испускает пронзительный крик и прежде, чем я успеваю ее остановить, замахивается своим мечом на ле Руа. Он неуловимым движением руки поворачивает набалдашник трости, и на конце ярко вспыхивает клинок. Ле Руа парирует ее выпад, потом пригибается и наносит ответный удар. Кончик клинка зловещим цветком выходит из ее спины. Девушка падает на колени. Сыщик устремляется к ней, пытается поднять, но я уже знаю, что все кончено.

Ле Руа подталкивает ее упавший меч кончиком своего клинка.

— Отличная игрушка, — говорит он. — Но моя лучше.

Он, вытаращив глаза, смотрит на сыщика, как будто только что его заметил.

— Тебя здесь не должно было быть, — тихо произносит он. — Что ты тут делаешь?

Сыщик глядит на него снизу-вверх. По его щекам текут слезы, но глаза сверкают гневом.

— Мистер ле Руа, — решительно произносит он. — Я здесь для того, чтобы арестовать вас за преступления против Ублиетта, и именем Революции приказываю немедленно передать мне ключ от вашей экзопамяти…

— Нет, нет, — он опускается на колени рядом с сыщиком. — Ты все не так понял. Я думал, что ты всего лишь обращенное против меня воспоминание. Я не желал этого. — Он смотрит на девушку. — Мы можем вернуть ее, если ты хочешь. А мой ключ, вот он, возьми. — Он роняет трость и что-то ищет в кармане. — Вот, он твой. — Он вкладывает что-то в руку сыщика. — Возьми. Я отошлю тебя обратно. И это будет правильно — принц унаследует королевство…

Сыщик бьет его по лицу. Ле Руа вскакивает на ноги, подбирает трость и нацеливает на него клинок. Потом встряхивает головой.

— Хватит.

Он взмахивает оружием, и сыщик, окутанный яркой вспышкой, исчезает.

— Ты ломаешь все свои игрушки, — говорю я, поднимая меч Царства. — Хочешь сломать и меня?

Меч, отзываясь на мое прикосновение, показывает базовую структуру всего, что находится здесь. Это малое Царство, виртуальный мир, служащий интерфейсом для окружающего нас пико-механизма. Я — программный алгоритм, содержащий всю информацию о материи тела, демонтированного дворцом. И в моем животе, словно призрак, светится голубоватая точка…

— Мальчик не сломан, — отвечает ле Руа, прищурившись. — Он благополучно перемещен. Он перехитрил тебя. Через сотню лет я его навещу.

— Я не собираюсь тебя благодарить, — говорю я. — И он прав: ты должен заплатить за все, что натворил.

Он с усмешкой салютует мне своей тростью.

— Тогда приведи приговор в исполнение, если сможешь. Давай покончим с этим.

Он встает в фехтовальную позицию, и с его лица на меня смотрят мои глаза.

Я обеими руками поднимаю меч и погружаю лезвие себе в живот. Боль ослепляет. Меч пронзает программный алгоритм,

которым я стал.

И выпускает на волю архонта.

Он вываливается вместе с моей кровью и внутренностями, вместе с потоком информации. И распространяется на стены и пол дворца. Они становятся стеклянными. Прозрачная стена тюремной камеры отделяет меня от Жана ле Руа, а я, заложив основу новой Тюрьме «Дилемма», начинаю смеяться.

Стреляя, Миели едва не попадает в вылетевшего из черного шпиля сыщика. Часть темной шероховатой поверхности внезапно превращается в обнаженное тело молодого человека и вываливается наружу. В следующее мгновение Раймонда оказывается рядом с ним и помогает сыщику подняться.

— У него Пиксил, — бормочет Исидор.

Они добрались до основания башни всего несколько минут назад. Ее материал похож на псевдоматерию, какую Миели видела только возле остатков Вспышки. Башня состоит не из атомов и молекул, а из чего-то более тонкого — из кварковой материи или пространственно-временной пены.

Миели, окликает ее «Перхонен». *Я не уверена, что там безопасно. Внутри что-то происходит. Гамма-излучение, странные импульсы фонтаном…*

Поверхность башни на мгновение покрывается рябью, и в следующее мгновение она становится похожей на затемненное стекло, холодное и прочное. *Напоминает Тюрьму. Он освободил архонта.*

Миели опускает оружие и прикладывает руку к стене башни. Материя раскрывается и принимает ее словно в любящие объятия.

Архонт счастлив. Новые воры, новые дела, новые игры, которые предстоит создать на твердой почве, где его разум разрастается в тысячи раз. Кто-то прикасается к нему: оортианская женщина, беглянка, вернувшаяся в его объятия. Он позволяет ей войти. От нее пахнет корицей.

Исидор страдает. У него новое, непривычное тело, а внутри не утихает боль от гибели Пиксил. Но ему некогда задуматься над этим, потому что он внезапно узнает все.

Экзопамять необъятным морем окружает его, прозрачная, как тропический океан. Спокойные, Достойные, наставники: каждая когда-либо возникшая мысль, каждое воспоминание. Все они доступны ему. Это самая прекрасная и самая ужасная картина из всех, что ему доводилось видеть или ощущать. История. Настоящее: ярость, кровь и огонь. Спокойные-атланты, впавшие в

безумие и остановившие город. Люди, сражающиеся, словно марионетки, ключи, кнопки и шкалы в их головах, внедренные его отцом, перестали действовать как отлаженный механизм.

Исидор обращается к людям посредством Голоса и призывает их вспомнить, кто они есть на самом деле. Спокойные возвращаются к защите противофобойных стен. Стычки прекращаются.

И город медленно, шаг за шагом, возобновляет свое движение.

Я наг. Я не открываю глаз. Передо мной на полу лежит оружие. И скоро мне придется поднять его и решить: стрелять или не стрелять.

Звон разбитого стекла кажется музыкой, словно прекрасный звук нарушения законов. Вихрь, налетевший с потолка, бросает в меня мелкие осколки. Я открываю глаза и вижу Миели, отмеченный шрамом ангел в черном с распростертыми крыльями.

— Я надеялся, что ты придешь, — говорю я.

— И сейчас ты скажешь мне, что ты Жан ле Фламбер и покинешь это место, когда сам решишь это сделать?

— Нет, — отвечаю я. — Не скажу.

Я беру ее за руку. Она обнимает меня. Хлопают крылья, и мы уносимся вверх сквозь стеклянное небо, прочь от оружия, воспоминаний и королей.

Глава двадцать первая
Вор и украденное прощание

Я прощаюсь с сыщиком — Исидором — у него на кухне, через день после того, как зоку вернули к жизни Пиксил.

— Она теперь другая, — говорит он. — Не знаю, почему, но другая.

Мы сидим за столом, и я стараюсь не смотреть на мрачные, грязно-коричневые эшеровские обои.

— Иногда, — начинаю я, — требуется лишь несколько мгновений, чтобы стать другим человеком. А иногда на это уходят столетия. — Я пытаюсь оттолкнуть зеленое существо, которое бродит по столу. Кажется, оно почуяло во мне природного врага и не перестает жевать мой рукав. — Но тебе, безусловно, не стоит слушать все, что я говорю. Особенно если речь заходит о женщинах.

Я разглядываю его лицо: тонкий нос, высокие скулы. Сходство определенно есть, особенно в области рта и глаз. Я гадаю, в какой степени Раймонда и ле Руа положились на случай, и надеюсь, что в нем больше ее черт, чем моих.

— Ты тоже изменился, — продолжаю я. — Исидор Ботреле, Криптарх Ублиетта. Возможно, лучше было бы называть тебя *королем.* Что ты собираешься делать?

— Я не знаю, — отвечает он. — Я хочу вернуть людям Голос. Думаю, эту работу можно выполнять лучше. Я намерен отказаться от нее сразу же, как только смогу. И я должен решить… надо ли позволять всем помнить, с чего в действительности начинался Ублиетт.

— Что ж, революция всегда начинается с красивой мечты, — говорю я. — А у вас только что произошла самая настоящая революция. Что бы ты ни решил, будь осторожен. Соборность не упустит случая отреагировать — быстро и жестко. Зоку помогут, но вам придется нелегко. — Я улыбаюсь. — И все же это будет увлекательно. Сильно и волнующе, как в опере, о которой мне когда-то рассказывали.

Исидор смотрит в окно. Город все еще залечивает раны, но все уже не так, как выглядело прежде. Отсюда видно, как над крышами Лабиринта торчит алмазная игла Тюрьмы.

— А ты? — спрашивает он. — Ты собираешься уехать и снова заняться чем-то… противозаконным?

— Почти наверняка. Боюсь, мне еще придется оплатить свои долги. — Я усмехаюсь. — Но ты можешь поймать меня, если

сумеешь. Хотя, я думаю, ты и без того будешь слишком занят. — Я бросаю на зеленое существо гневный взгляд. — Конечно, у некоторых нет подобных проблем.

Я встаю из-за стола.

— Мне пора. Миели уже несколько дней никого не убивала, а от этого у нее портится настроение. — Я пожимаю ему руку. — Я не твой отец, — говорю я, — но ты лучше, чем я. И постарайся таким остаться. А если тебе все же захочется свернуть на другую дорогу, дай мне знать.

К моему удивлению, он меня крепко обнимает.

— Нет уж, спасибо, — отвечает он. — До встречи.

Ну, мы уже можем отправляться? спрашивает «Перхонен». *Сколько можно его ждать?*

Корабль стоит на площадке, оставленной городом, неподалеку от полуразрушенной и почерневшей стены. Миели в скафандре остается снаружи и дает выход своему нетерпению, быстро шагая взад и вперед. На стене она замечает барельефы, напоминающие ей об Оорте: пейзажи и бесконечные ряды незавершенных лиц. Она прикасается к ним и слышит негромкую песню, высеченную в камне.

— Привет, — раздается голос Раймонды.

Она в обличье Джентльмена, но без серебряной маски, а вместо скафандра вокруг нее ореол из фоглетов. Она тоже замечает барельефы, и по лицу скользит тень печали и вины.

— Все в порядке? — спрашивает Миели.

— Просто вспомнила, что я кое-что хотела увидеть. — Раймонда смотрит на «Перхонен». — Очень красивый корабль.

Спасибо, отвечает «Перхонен». *Но у меня имеются и другие достоинства кроме привлекательной внешности.*

Раймонда отвешивает кораблю поклон.

— Тебя мы тоже должны поблагодарить, — говорит она. — Ты не обязана была делать то, что сделала.

Тебе этого не видно, отзывается «Перхонен», поблескивая сапфировым корпусом, *но я краснею.*

Раймонда оглядывается по сторонам.

— Его еще нет? Это не удивительно. — Она целует Миели в обе щеки. — Удачи вам и спокойного путешествия. И спасибо. — Она ненадолго умолкает. — Когда ты открыла свой гевулот, ты показала нам свои мысли. Я поняла, почему ты это делаешь. Более того, я надеюсь, что ты ее вернешь.

— Дело не в надежде, — говорит Миели, — а в желании.

— Хороший ответ, — произносит Раймонда. — И еще — не будь с ним строгой. То есть строгость необходима, но не

чрезмерная. Он не в силах справиться с собой. Но он не такой плохой, каким мог бы быть.

— Вы говорите обо мне? — спрашивает вор, появляясь из транспортной сферы зоку. — Я знал, что вы будете обсуждать меня за моей спиной.

— Я подожду на борту, — говорит Миели. — Мы отправляемся через пять минут.

Я не знаю, что ей сказать на прощание. И мы молча стоим на красном песке. Тени города мерцают вокруг, словно трепещущие крылья света и тьмы.

В конце концов я целую ее руку. Если на ее глазах и есть слезы, их скрывает тень. Раймонда легко целует меня в губы, а потом стоит и смотрит, как я иду к кораблю. Перед самым входом я оборачиваюсь, чтобы помахать ей рукой и послать воздушный поцелуй.

На борту я покачиваю в руке Ларец.

— Ты собираешься открывать эту штуку или нет? — спрашивает Миели. — Я бы хотела знать, куда мы направляемся.

Но я уже и так это знаю.

— К Земле, — говорю я. — Но не могла бы ты попросить «Перхонен» не торопиться? Мне хотелось бы полюбоваться пейзажем.

К моему удивлению, она не возражает. «Перхонен» медленно поднимается и делает круг над Шагающим Городом, над артерией Устойчивого проспекта, над зеленым пятном Черепашьего парка, над картонными замками Пыльного района. У города теперь другое лицо, но я все равно улыбаюсь ему. Он не обращает на меня внимания и продолжает двигаться.

Только на полпути к Магистрали я обнаруживаю, что сыщик украл мои Часы.

Интерлюдия
Охотник

Наступила весна, и Творец Душ счастлив.

Виртуальный пейзаж его *губернии* представляет собой обширный цветущий роботизированный сад. Семена, посаженные в период долгой дайсоновской зимы, когда *губерния* замедлила ход, чтобы избавиться от излишнего тепла, проросли, и теперь радуют своим разнообразием.

Гоголы вьются вокруг Творца стаей белокрылых птиц, а он погружает миллиарды пар рук в черную почву, где каждая частица представляет собой шестеренку, безупречно подходящую к соседним элементам. Он хочет ощутить новые композитные разумы, уже готовые расцвести. Прайм-Творец лично присутствует повсюду, он следит за селекционным отбором этого меметического дерева, следит, чтобы группы генетических алгоритмов в процессе ветвления высаживались в новом пространстве параметров.

С бесконечной осторожностью он вынимает только что распустившийся росток гогола с редким отклонением, которое позволяет предполагать стеклянное, очень хрупкое тело: именно то, что он считал утраченным много лет назад. В совокупности с сильной шизофренией это свойство обеспечит разум, который будет способен делиться и воссоединяться по своему желанию. Это должно понравиться воинам-разумам Матчека. Творец отделяет гогола, чтобы продолжить стандартные исследования, и возвращается к наблюдению за общей картиной, позволив прайм-Творцу взмыть в воздух, так что от свежего ветерка захлопали полы его белого лабораторного одеяния. Да, этот участок принесет отличный урожай Говорящих с Драконом. В этом обширном лабиринте уже подрастают целеустремленные Преследователи — скоро они будут готовы изучать пространства параметров, превосходящие целые миры — и математические муравьи, предназначенные для поисков недоказанных теорем в колоссальных просторах гёделевской вселенной.

Творец вдруг понимает, что никогда еще не был так счастлив: быстрый поиск его библиотечного гогола подтверждает этот факт. Сейчас он более доволен, чем был когда-либо доволен любой Творец, если не считать одного момента в бытность студентом Минского университета, — хотя это было всего лишь мгновение с одним особенным человеком. Но, в сущности, тот случай стоит исследования выдернутого гогола и сохранения его в личной

Библиотеке, застывшей во времени.

И это мгновение тоже не может длиться вечно.

Виртуальный пейзаж подернулся рябью, означавшей, что в нем без предупреждения появилось еще не менее двух других Основателей: волна благоговейного ужаса швыряет наземь всех младших гоголов, распростершихся между вспомогательными машинами. Подрастающий воин-разум ускользает от своих встревоженных опекунов, металлический паук с контролируемой токсичностью принимается опустошать многообещающий участок с Мечтателями, пока Творец не вытягивает одну из миллиарда своих рук, чтобы его уничтожить. *Какая бессмысленная потеря.* Двое гостей, не обращая внимания на вызванную их появлением суматоху, проходят к центральной площадке сада. Один из них невысокий, ничем не примечательный китаец с седыми волосами, в скромной монашеской одежде. Матчек Чен, один из самых могущественных Основателей во всей Соборности, достаточно учтив, чтобы не появляться здесь во всем своем величии.

Зато вторая гостья — высокая женщина в белом летнем платье, с изящным зонтиком, отбрасывающим тень на лицо…

С неожиданной поспешностью Творец принимает меры, чтобы удержать посетителей в субвиртуальном пространстве, — нелегкая задача, если учесть, что могущество Основателей способно без труда рассеять любые иллюзии, — и посылает прайм-Творца им навстречу.

Пространство превращается в реальный сад с цветущими вишнями. В нем стоит выполненный в федоровском стиле каменный фонтан — героические фигуры мужчины и женщины, поддерживающие купол. Младшие гоголы-Творцы приносят прохладительные напитки, а прайм-Творец выходит навстречу гостям.

— Добро пожаловать, — говорит он, поглаживая свою бородку и считая этот жест весьма внушительным.

Он приветствует гостей легким поклоном. Чен отвечает едва заметным кивком. Творец пытается определить ранг этого гоголa — наверняка не прайм, но достаточно значительная фигура, чтобы обладать аурой могущества Основателя.

Женщина закрывает зонтик и улыбается, на ее лебединой шее мерцают бриллианты.

— Привет, Саша, — произносит она.

Творец пододвигает ей кресло.

— Жозефина.

Она садится, изящно скрестив ноги и слегка опираясь на зонтик.

— У тебя прекрасный сад, Саша, — говорит она. — Не

удивительно, что мы тебя почти не видим. Если бы я жила в таком месте, мне бы не хотелось никуда ходить.

— Порой возникает соблазн забыть о реальности необъятного мира, — вступает в разговор Чен. — К несчастью, позволить себе подобную роскошь может не каждый из нас.

Творец сдержанно улыбается старшему Основателю.

— Проводимая мною здесь работа служит на благо всей Соборности и приближает Великую Всеобщую Цель.

— Безусловно, — соглашается Чен. — Твоя квалификация в этом деле уникальна. Именно поэтому мы и пришли. — Он присаживается на край фонтана, трогает воду. — Тебе не кажется, что все это слишком роскошно?

Творец припоминает, что собственным королевствам Чена, как правило, свойственна абстрактная, почти спартанская обстановка, практически лишенная физических свойств.

— О, прошу тебя, Матчек, — говорит Жозефина, — не будь таким мрачным. Здесь красиво. Кроме того, неужели ты не видишь, что Саша занят? Он всегда поглаживает бородку, когда ему не терпится поскорее вернуться к своим делам, но сказать об этом не позволяет вежливость.

— У него достаточно гоголов, чтобы заниматься работой, — отвечает Чен. — Но будь по-твоему.

Он складывает руки на груди и наклоняется над столом.

— Брат, у нас возникли некоторые проблемы с одним из твоих созданий. Тюрьма «Дилемма» взломана.

— Невероятно.

— Взгляни сам.

Передаваемое Ченом воспоминание заволакивает рябью виртуальный пейзаж, и на мгновение Творец видит гогола Основателя таким, какой он есть на самом деле, — голосом миллиардов Ченов, звучащим во всех *губерниях, областях* и *районах* Соборности. Это не столько личность, сколько отдельный орган. А затем в его руке появляется замороженный гогол, в котором он узнает свое творение, результат незначительного, уже почти забытого им эксперимента с играми и наваждениями. Архонт, как он его назвал, был предназначен для того, чтобы держать взаперти безумцев и негодяев, неугодных Соборности. Творец раскрывает его, словно снимая кожуру с апельсина, и впитывает его воспоминания.

— Как странно, — говорит он, наблюдая, как Тюрьма выплевывает три разума в хрупкую оболочку материи.

Он даже чувствует некоторое восхищение перед мелким созданием на оортианском корабле, которое пытается обмануть его творение, и делает себе мысленную заметку проследить,

чтобы следующее поколение архонтов обладало способностью проводить различие между разными слоями реальности.

— Мы бы этого и не заметили, если бы они не допустили ошибку, — поясняет Чен. — А они ее допустили: им следовало забрать двух гоголов, а не трех. Третий, как ты можешь видеть, представляет особый интерес.

— Да-да, — соглашается Творец, испытывая родительскую гордость за своего архонта. — Перебежчик. Очаровательно.

— Коды Основателей. Кто-то открыл Тюрьму кодом Основателей. И нам необходимо узнать, зачем это было сделано. — Чен хлопает ладонью по столу. — Мы ведем войну, все мы воюем, и между собой, а кое-кто даже против себя самого. Но есть вещи, которых мы договорились не совершать.

— Возможно, ты так и поступаешь, Матчек, — говорит Жозефина, обводя пальчиком край бокала. — Кто-то еще — вряд ли.

— Я хочу вернуть этих гоголов. Мы — я — должны выяснить, что им известно.

— Разве у тебя для этого недостаточно своих гоголов? — спрашивает Творец, чувствуя удовлетворение от того, что может хотя бы мгновение выдерживать взгляд старшего Основателя. — Есть более важные дела, ожидающие своего развития и завершения.

— Саша, — произносит Жозефина. — Мы не дети. Мы — я — не пришли бы к тебе с этой просьбой, если бы не требовалось твое участие. — Она прикасается к его руке и улыбается: даже после трех веков и миллиардов разветвлений Творец не в силах удержаться от ответной улыбки. — Матчек, не мог бы ты позволить мне поговорить с Сашей наедине?

Их взгляды на миг встречаются, и, к удивлению Творца, Матчек отводит глаза.

— Ладно, — говорит Чен. — Наверное, детям проще договориться между собой. Я скоро вернусь.

Он покидает виртуальный сад без всякой деликатности, так стремительно бросая гогола-аватара в разрыв пространства, что Творцу стоит немалых усилий сгладить последствия.

Жозефина качает головой.

— Все мы говорим о переменах, — произносит она. — Есть вещи, которые не могут измениться. — Затем она обращает на Творца свой сияющий взгляд. — Но ты меняешься. Мне нравится то, что ты создаешь. Интересно, все это было в тебе еще тогда? Или ты становишься взрослым?

— Жозефина, — говорит Творец. — Скажи мне, пожалуйста, чего ты хочешь?

Она огорченно хмурится.

— Я не уверена, что мне нравится этот повзрослевший Саша. Ты даже не краснеешь.

— Прошу тебя.

— Хорошо. — Она смотрит вверх и делает глубокий вдох. — Они убивают меня. Те, другие. За время твоей последней зимы многое изменилось. Антон и Сянь теперь заодно. Читрагупта… он сам по себе. Но я — я никогда им не нравилась. И я слаба, слабее, чем ты можешь себе представить.

Творец недоверчиво смотрит на нее.

— Истребление гоголов? Неужели мы дошли и до этого?

— Еще нет, но таковы их намерения. Вся моя надежда на Матчека, и он знает, что ты меня выслушаешь. В *действительности* дело вовсе не в Тюрьме, просто ему необходимо оружие против остальных. И твоя поддержка.

— Я мог бы… — Творец колеблется. — Я мог бы тебя защитить.

— Ты очень любезен, но нам обоим известно, что ты на это не способен. Это место стало особенным, потому что остальные позволили тебе сделать его таким, надеясь, что ты принесешь пользу. Если ты обманешь их ожидания, оно исчезнет. Помоги Матчеку, и он поможет нам обоим. Придумай что-нибудь, чтобы поймать этих маленьких беглецов. Это не так уж много, но ты докажешь ему, что прислушиваешься ко мне. А тогда и *я* буду представлять для него ценность.

Творец прикрывает глаза. Он чувствует, как живет и растет его сад, ощущает миллиард рук в его почве: все внутри мощного мозга *губернии,* поглощающего материю и энергии самого солнца, алмазной сферы размером с древнюю Землю, содержащей триллион его гоголов вместе с Драконами. И все же он чувствует себя маленьким.

— Хорошо, — соглашается он. — Но только на этот раз. В память о прошлых временах.

— Спасибо. — Она целует его в щеку. — Я знала, что могу рассчитывать на тебя.

— Не позволяй ему завести себя слишком далеко, — предупреждает он.

— Я знаю Матчека настолько, насколько его вообще можно знать. Пока я могу с ним справиться. Я могла прибегнуть к… другим методам, но потребовалось бы слишком много времени. Так что я благодарна тебе за твой дар.

— Не стоит. — Творец улыбается. — Я сделаю тебе охотника. Хочешь посмотреть?

— Мне всегда нравится смотреть, как ты работаешь.

Он позволяет окружающему их виртуальному саду рассеяться. В обличье Основателя она все так же красива — существо из крученого серебра, свитого из множества гоголов. Творец ведет ее через Фабрику в Питомник, где растут его любимые саженцы. Ее молчаливое восхищение доставляет ему тихую радость, и он с головой погружается в работу. На этот раз ему предстоит не просто наблюдать за процессом, а проявить мастерство: когнитивные модули нового существа, которое он изготавливает, окружают его симфонией нейронных цепочек и мыслей.

Не без некоторого удовольствия Творец находит возможность применить свое новое открытие. Этот Охотник будет не один, их будет много: он будет способен делиться на много частей, а потом снова объединяться в единое целое. Творец придает ему целеустремленность, обнаруженную у оортианского скульптора, и координационную способность концертирующего пианиста, подкрепленную более примитивными формами из старых коллекций: акулы и кошки. Он вкладывает в него достаточно когнитивности, чтобы создать разумное существо, но не слишком много, чтобы не вызвать скрытность. И еще подмешивает фрагмент интеллектуальной материи *губерниц,* чтобы Охотник был готов отправиться по первому же приказу своей повелительницы.

Сотворенное существо не разговаривает, а лишь молча рассматривает их в ожидании задания. Охотник достаточно красив, как бывает красивым оружие, вызывающее желание дотронуться, несмотря на остроту лезвия, грозящего поранить.

— Он твой, — говорит Творец. — Не Матчека, а твой. Тебе осталось лишь сказать ему, что ты хочешь найти.

Жозефина Пеллегрини улыбается и шепчет имя на ухо Охотнику.

notes

Примечания

1

Пер. Н. Бордовских.

2

«Хрустальная пробка» — одна из книг М. Леблана об Арсене Люпене.

З

Заядлый игрок *(фр.)*.

4

Клан *(яп.)*.

5

Разум *(фин.)*.

6

Сердце *(фин.)*.

7

Аргир — равнина на Марсе, круглая ударная впадина, расположенная в южном полушарии.

8

Бабочка *(фин.)*.

9

Героини финского эпоса. *Куутар* — дочь Луны, *Ильматар* — богиня воздуха, сотворившая мир.

10

Петер Лорре (1904–1964) — австрийский и американский киноактер, режиссер, сценарист.

11

Место забвения *(фр.),* подземная колодцеобразная тюрьма в некоторых средневековых замках Западной Европы.

12

Миндальное печенье *(фр.)*.

13

Земля, почва *(фр.)*.

14

Имена многих персонажей заимствованы из романов Мориса Леблана об Арсене Люпене.

15

Николай Федорович Федоров (1829–1903) — русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма.

16

«Бобовый стебель» — так в научной фантастике называют орбитальные подъемники; название заимствовано из английской народной сказки «Джек и бобовый стебель».

17

Прекрасная эпоха *(франц.)*. Период конца XIX — начала XX века в Европе, до Первой мировой войны, характеризующийся расцветом культуры, экономики и техники.

18

Джон Картер — главный герой марсианского цикла Э. Р. Берроуза.

19

Дом *(высок., фин.)*.

20

Финские ругательства.

21

Медведь *(фин.)*.

22

Джейн Макгонигал (р. 1977) — американский разработчик игр.

23

Человек, который увлекается чем-то, фанат *(яп.)*.

24

Здесь и далее названия дней недели и месяцев указывается по Дарискому календарю, созданному для Марса инженером Томасом Гангейлом в 1985 году и названному им в честь сына Дария.

25

Ордос — пустыня в Центральной Азии.

26

Ганс Моравец (р. 1948) — австрийский ученый, предложивший механизм создания искусственного интеллекта.

27

Кунапипи — вулкан на Венере, назван по имени богини-матери в австралийской мифологии.

28

Мауриц Корнелис Эшер (1898–1972) — голландский художник-график, яркий представитель имп-арта.

29

Хэйан-Кё — столица Японии в 794–1869 годах, ныне город Киото.

30

Тэндай-сю — одна из основных буддийских школ Японии.

31

Дворец Дайдайри — японское название императорского дворца в Хэйан-Кё.

32

Лови момент *(лат.)*.

33

Образ действия *(лат.)*.

34

Долины Маринер — гигантская система каньонов на Марсе, названа в честь американской космической программы «Маринер», после того как аппарат «Маринер-9» обнаружил каньоны в 1971–1972 гг.

35

А. Конан Дойль. Знак четырех. *Пер. М. Литвиновой.*

36

Задача византийских генералов — в вычислительной технике мысленный эксперимент, призванный проиллюстрировать проблему синхронизации состояния систем в случае, когда коммуникации считаются надежными, а процессоры — нет.

37

Измененное высказывание американского кинорежиссера Мела Брукса (р. 1926): «Если я порезал палец — это трагедия. А если ты упал в сточную канаву и разбился насмерть — это комедия».

38

Cassoulet — блюдо французской кухни, рагу из бобов с мясом.

39

Церера — карликовая планета в поясе астероидов внутри Солнечной системы.

40

Монгольфье — фамилия братьев, изобретателей воздушного шара.

41

Мудрость *(лат.)*.

42

Спокойный, тихий *(фин.)*.

43

Парадокс Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР-парадокс) — мысленный эксперимент, заключающийся в измерении параметров микрообъекта косвенным образом, не оказывая на этот объект непосредственного воздействия.

Идущие на смерть *(лат.)*.

45

Танец смерти *(фр.)*.

46

Вяки — в финской мифологии существа, наделенные магическими способностями.

47

Раймонд Луллий (ок. 1235–1315) — философ, богослов, поэт, разрабатывал различные логические схемы и логические машины; основное сочинение — «Великое искусство», в котором рассматривалось, в частности, искусство памяти.

Король *(фр.)*.